

А.И. Антонов, В.М. Медков
социология
СЕМЬИ
Рекомендовано Государственным комитетом
Российской Федерации по высшему образованию
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по направлению и специальности "Социология"
ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИЗДАТЕЛЬСТВО МЕЖДУНАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА
БИЗНЕСА И УПРАВЛЕНИЯ
("БРАТЬЯ КАРИЧ")
1996

Рецензенты:

академик РАО *И.В. Бестужев-Лада*,
социологический Факультет Московского
государственного социального университета
Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Антонов А.И., Медков В.М.

А72 Социология семьи. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления ("Братья Карич"), 19%. —304с.

ISBN 5-211-03485-6

В учебном пособии обобщен опыт преподавания социологии семьи студентам-соцологам. В нем отражены основные разделы социологии семьи: предмет

этой науки и ее место среди других гуманитарных дисциплин, история становления, структуры и функции семьи, семья как малая группа и как социальный институт, основные тенденции семейных изменений и их социально-экономическая детерминация, семейное поведение, проблемы семейной политики.

Издание рассчитано на студентов и преподавателей социологических факультетов, факультетов и вузов социальной работы, на психологов, демографов, социальных работников, специалистов других общественных наук, а также на всех, интересующихся проблемами семьи и брака.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр. ПРЕДИСЛОВИЕ.....

5

ПРИГЛАШЕНИЕ К ЗАНЯТИЯМ: тест на информированность.....

12

Раздел I

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ОТРАСЛЬ СОЦИОЛОГИИ

Глава 1. Предмет социологии семьи.....

21

Глава 2. Становление социологии семьи как самостоятельной дисциплины.....

36

Глава 3. Понятие семьи. Функции и структуры.....

64

Раздел II СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ СЕМЬИ

Глава 4. Исторические изменения семьи как социального

института.....

93

Глава 5. Семейное единство и жизненный цикл семьи ...

114

Глава 6. Семейная социализация.....

124

-
-

Раздел III

СЕМЬЯ КАК ОБЪЕКТ ПОТРЕБНОСТЕЙ

ЛИЧНОСТИ И ТИПЫ

СЕМЕЙНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Глава 7. Брачное поведение.....	150
Глава 8. Сексуальное поведение.....	171
Глава 9. Репродуктивное поведение.....	201

3

Раздел IV

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Глава 10. Семейная политика.....	242
Глава 11. Социальная поддержка семей.....	263
ТЕСТ НА ИНФОРМИРОВАННОСТЬ: интерпретации ответов на вопросы.....	284
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	298

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во всех зарубежных и в большинстве отечественных учебниках по социологии непременно имеются разделы по семье и по социализации детей. И это неудивительно: семья является важнейшим социальным институтом воспроизводства и социализации новых поколений.

Именно социокультурное происхождение семьи всегда привлекало к ней внимание всех крупнейших социологов, начиная от классиков и кончая нашими современниками. Из всех социальных институтов именно семья, по удачному выражению крупнейшего польского социолога Я. Щепаньского, является единственным "*разрастающимся изнутри*". Но это "*саморазрастание*" надо понимать двояко и не сводить лишь к демографическому воспроизводству, которое как таковое, согласно Т. Парсонсу, не требует для себя специфической организации в форме семьи. Поскольку же "человеческая личность не 'рождается', а 'делается' через процесс социализации, постольку именно семья становится необходимостью..."¹.

При обилии учебников и учебных пособий по семье и браку на Западе бросается в глаза их отсутствие у нас. И это вполне понятно, так как до самого недавнего времени в стране не было социологических факультетов и о специализации в области социологии семьи не могло быть и речи. Хотя выборочные исследования брачно-семейных отношений и репродуктивного поведения получили достаточно широкое распространение.

Возможно, функцию учебников до некоторой степени выполняли монографии, которых, однако, также было не ахти как много — десятка два-два с половиной, что несопоставимо, разумеется, с потоком аналогичной литературы за рубежом.

Поэтому предлагаемая читателям книга по основам социологического изучения семьи восполняет этот пробел, но лишь частично.

5

По своему содержанию она является введением в социологию семьи, из всего многообразия социологической проблематики семьи в нее включено лишь то, без чего невозможно понимание сущности семьи. Книга знакомит с понятиями и концепциями, методологией и методами, а также с содержательными результатами исследований социокультурной сущности семьи. В основу учебного пособия положен курс лекций, читавшийся в 1992-1994 гг. на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Это определило направленность на выяснение социологического значения семьи как посредника между несовпадающими устремлениями личности и общества. Семья — объект исследования многих наук и может быть когда-нибудь возникнет *фамилистика* как воплощение междисциплинарного, системного подхода к семье. В социологии семьи эта тенденция реализуется в требовании целостного исследования семьи как социального института и социально-психологической группы. Данное учебное пособие и посвящается именно такому фундаментальному изучению социальной сущности семьи.

Какова бы ни была специализация социологов и к какой бы сфере социальной деятельности ни тяготели их интересы, знания о положении семьи в обществе, о соотношении семьи с другими социальными институтами и о роли семьи в стабилизации социальной структуры, безусловно, окажутся полезными для понимания социальных изменений и решения множества социальных проблем.

ПОЧЕМУ УСИЛИЛСЯ ИНТЕРЕС К СЕМЬЕ?

В числе тех явлений общественной жизни, интерес к которым среди этнографов и социологов за последние десятилетия особенно оживился, одно из первых мест занимает семья. Правда, эта тема для

этнографов не нова: историко-этнографическое изучение семьи и семейных обычаев зародилось более ста лет тому назад. Но, во-первых, никогда прежде не появлялось за короткое время так много научных трудов, посвященных семье и браку, как теперь. Во-вторых, сбор и обработка массового (статистического) материала, особенно по отдельным странам (США и др.), позволили поставить изучение семейной жизни народов на почву конкретных фактов. В-третьих, замечается тенденция связать воедино данные

6

социологических исследований и наметить, хотя бы предположительно, общее направление развития семьи и брака и их ближайшее и дальнейшее будущее. Так или иначе, но, по некоторым подсчетам, за первую половину нашего века (точнее, за 1900-1960 гг.) только в странах Запада было опубликовано около 12 тыс. книг и статей, посвященных семье. В чем причина такого необычайного "бума" в области изучения брака и семьи? Конечно, наука имеет свою имманентную логику развития. Но здесь нельзя отрицать и прямое воздействие общественных настроений, вызвавших повышенный интерес к семейной теме.

Токарев С.А. Исследование семьи в зарубежной социологической и этнографической литературе (краткий историографический обзор) // Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов зарубежной Европы. М., 1987. С. 15.

В XIII томе библиографического перечня литературы по браку и семье, изданному в США Национальным Советом по Семейным Отношениям в 1988 г., приводятся следующие данные по числу статей, публикуемых в научных журналах мира по проблемам семьи: в 1900-1964 гг. — 12610 статей, в 1965-1972 гг. — 6436, в 1973-1974 гг. — **3502**, в 1975-1978 гг. — 6315, в 1979 г. — 3963, в 1980-1985 гг. — 18308, в 1986 г. — 8688! В бывшем СССР в 1968-1983 гг. было опубликовано примерно 300 статей, сборников статей и монографий по проблемам брака и семьи.

Социологический подход к изучению семьи не сводится к пониманию семьи как подсистемы общества, выполняющей специфические функции по рождению, содержанию и социализации новых поколений. Семья как социальный институт не есть простой исполнитель заданных свыше функций. Она активный элемент и агент социальных изменений. Семейная жизнедеятельность вплетена в социальную реальность — арену столкновения многообразных социальных сил, участвующих в процессах социальной дифференциации и специализации.

С этой точки зрения социология семьи — это фокусировка внимания на организации деятельности социальной системы по смене поколений в постоянном круговороте "экзистенциального" цикла бытия. Как обеспечивается преемственность поколений, что теряется и что приобретает при передаче опыта от уходящих к приходящим вновь продолжателям социальной жизни, за счет чего достигается устойчивость социальных структур и механизмов, каким об-

7

разом происходят радикальные преобразования основ общественного порядка в ходе истории — вот стратегические цели институционального исследования семьи как особого социокультурного феномена.

Активная роль семьи в изменении социальных отношений и всего строя жизни отображается и в анализе семьи как малой социальной группы. Функционирование социальной системы лучше осуществляется при локализации связей социальных действий, при структурировании отношений, а не тогда, когда элементы социальной системы остаются относительно разрозненными. Семья как первичная группа обладает такими качествами семейной жизнедеятельности, которые не позволяют сводить ее к простой сумме входящих в ее состав индивидов.

В социологии групповой подход к изучению семьи концентрируется не просто на выяснении особых качеств семьи как социально-психологической целостности, но на тех ее свойствах, которые оказываются притягательными для эгоцентрических индивидов и благодаря которым становится возможным устойчивое функционирование семьи как подсистемы, выполняющей важные социальные функции. Именно эта посредническая роль семьи в согласовании интересов личности и общества (государства) является предметом собственно социологического исследования семьи. Степень согласованности—рассогласованности этих интересов определяет многообразные последствия для личности, семьи и общества, что и фиксируется в социологии семьи.

Образовательные программы в области семейных отношений для слушателей социологических и социальных факультетов отличаются академической направленностью на освоение теорий семьи и семейной политики, опыта выборочных исследований семьи и практики семейной терапии и семейного консультирования.

Практическая ориентированность в большей мере присуща повышению уровня "семейного образования" в рамках недостаточно развитой сегодня у нас подготовки администраторов, политиков, консультантов, а также в пределах пока отсутствующей системы семейного образования для населения — учебные материалы в этих целях еще только предстоит готовить на основе информации о семейной жизнедеятельности.

..

Данный курс построен таким образом, чтобы показать происходящие в обществе изменения с учетом их преломления сквозь призму семейных изменений. Социальные изменения уходят своими корнями

8

ми в глубину взаимосвязи между социальными институтами, в изменение положения семьи среди них. Важно при этом рассмотреть, как активные формы семейного бытия и семейного поведения личности участвуют своими результатами в итоговых тенденциях не только трансформации семьи как социального института, но и в процессах социальной динамики.

Учебные пособия по социологии семьи могут строиться в зависимости от специфики авторских предпочтений весьма своеобразно. Многие учебники ориентированы на использование естественного интереса студентов к проблеме пола, брака и родительства и идут обычно от частного к общему в расположении материала. Иногда содержание привязывается к последовательным стадиям жизненного цикла личности и семьи, реже в основу кладется подход, при котором постепенно анализируются все принимаемые личностью семейные решения.

В данной книге, ориентированной прежде всего на слушателей факультетов социальных наук, анализ семейных отношений начинается с рассмотрения их на макроуровне, в контексте социальных институтов и институциональных взаимосвязей. Затем он опускается ниже, на уровень социальнозначимых проявлений жизненного цикла семьи, на микроуровень межличностных взаимодействий внутри самой семьи. Завершается он изучением различных типов семейного поведения личности, индивидуального восприятия семейного образа жизни всеми членами семьи.

Такой подход к изложению позволяет понять судьбы семьи в ходе истории, положение семьи среди социальных институтов в системе государственного управления, определить, как становится возможным осуществление макросоциетальных функций семьи через анализ специфики потребности в самой семье для личности. При этом оказывается возможным объяснить степень устойчивости семьи как автономного феномена посредством выявления степени согласованности интересов личности и общества (государства), связанных с существованием семьи.

Заключительный раздел посвящен обсуждению проблем, возникающих при несовпадении заинтересованности в семье со стороны общества (государства) и личности, т.е. рассмотрению последствий изменения семьи, их оценки и всего комплекса проблем социальной технологии, относящихся к социальной политике в области семейных отношений, как к реальной политике вмешательства государства в ход семейных процессов, так и к той семейной политике, в которой, с нашей точки зрения, нуждается наша страна.

9

ТЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ СЕМЬИ В БЫВШЕМ СССР в 1968—1983 гг.

1.	Современные брачно-семейные отношения		
—	137 работ		
2.	Социальные микропроцессы и семья	— 50	"-
3.	Правовые аспекты брака		
—	94		"-
4.	Мораль и семья		
—	73		
5.	Семья и религия		
—	22		
6.	Семья и охрана здоровья		
—	103		"-
7.	Семья и общественные отношения	— 49	
8.	Помощь семье со стороны общества	—	167
9.	Взаимодействие семьи с отдельными социальными институтами		"-
—	63		"-
10.	Численность, состав и структура семьи	—	111
11.	Основные функции семьи		
—	1052		
12.	Образ жизни семьи		
—	115		"-
13.	Семья, родство, микросреда семьи	— 46	
14.	Семья и личность		
—	420		
15.	Межличностные отношения в семье	—	.206
16.	Жизненный цикл семьи		
—	397		"-

17.	Социальная, региональная и этническая дифференциация семейных отношений	537	"-
—			
18.	Проблемные семьи	121	
—			
19.	Историко-этнографические исследования	157	"-
-			
20.	Методология и методика исследований семьи	335	"-
—			
21.	Информационные материалы, библиографии	29	"-
—			

Мацковский М.С. Социология семьи. М., 1989. С. 113.

На этих страницах сделана попытка создания учебного пособия, совмещающего традиционное изложение курса с элементами социологического практикума и с широким использованием фрагментов из разного рода социологических текстов. Учитывая, что семейная проблематика тесно связана с интимными сторонами жизни и тем самым с множеством предрассудков на уровне обыденного сознания, авторы предпочли направить внимание на развитие навыков самостоятельной интерпретации социологических и статистических данных о семье. Студент должен уметь разбираться в противоположных

10 научных концепциях объяснения современных тенденций семьи, различать это противостояние в общественном мнении, в общежитийских трактовках и точках зрения. Социологическое размышление о проблемах семьи способствует, в соответствии с критериями этнометодологии, преодолению стереотипов личного опыта семейной жизни и конструированию адекватных картин социального мира.

ЧАСТОТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

РАЗЛИЧНЫХ МЕТОДОВ СБОРА

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ О СЕМЬЕ

Опрос — 13,7%. Интервьюирование — 16,4%. Анкетирование — 33,6%. Тестирование — 3,1%. Экспертный опрос — 0,8%. Анализ документов — 13,3%. Наблюдение — 8,6%. Эксперимент — 1,2%. Не указано 9,3% от общего числа рассмотренных 256 исследований.

Мацковский М.С. Социология семьи. М., 1989. С. 16.

Авторы учебного пособия благодарят рецензентов за ценные замечания, высказанные при работе над рукописью. Авторы также признательны всем, кто помогал нам при подготовке рукописи учебного пособия к печати — преподавателям кафедры социологии семьи, деканату социологического факультета Московского университета, сотрудникам Бизнес-университета, нашим аспирантам и студентам.

Главы 1-6 написаны А.И. Антоновым, гл. 2 — при участии Г.В. Соколовой, гл. 7-11 — В.М. Медковым при совместном редактировании.

Примечания

¹ Parsons T. The American family: its relations to personality and the social structure // Parsons T., Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. Free Press. 1955. P. 16.

Приглашение к занятиям:

ТЕСТ НА ИНФОРМИРОВАННОСТЬ

Социология семьи располагает таким объектом исследования, который известен всем с малолетства. Личный опыт зачастую противоречит социологическим данным — можно выйти на улицу, встретить подряд несколько мамаш с детскими колясками и обрадоваться "взрыву рождаемости", или можно верить, что "в наше время" люди были нравственнее или, что, если постоянно обращать внимание на недостатки спутника жизни, то можно скорее изменить их. Социология тревожит наше самоуважение и задевает многих, объясняя давно известное, открывая глаза на привычное.

В естествознании другое дело — там открывается доселе неведомое, прямо не связанное с опытом повседневности, там новые истины не задевают каждого. Социологические истины, напротив, постоянно пересекаются с очевидностями здравого смысла, когда одинаково очевидно, что "разлука — любовь бережет" и "с глаз долой — из сердца вон". Опираясь на эти премудрости, социологию семьи обвиняют то в банальности, то в абсурдности, тогда как разумнее было бы познакомиться с ней поближе.

Чем чаще социология возмущает спокойствие, будоражит мнения, тем лучше она реализует свои познавательные функции. Каждое новое достижение социологии делает предрассудком очередную правду здравомыслия. Социология семьи противостоит предубеждениям, стереотипам и иллюзиям — в сфере мнений о семейных взаимоотношениях сильны пристрастия, здесь свои партии и партийная жесточность. Но не может быть столько социологии, сколько партий — социология одна. Поэтому проблема интерпретации данных, фактов, причин и

следствий — одна из самых сложных в социологии. Недостаточно сказать, что что-то верно, надо уметь различать ложь с помощью процедур социологического объяснения.

Предлагаемый тест на информированность, или на искусство интерпретации данных о семейно-брачных отношениях, преследует цель сугубо педагогическую. Мы не стремимся определить чей-либо

12

"коэффициент интеллекта" в области семейных проблем, а хотим лишь продемонстрировать роль теории при социологическом объяснении одних и тех же фактов в альтернативных концепциях. Разумеется, всегда существует некий круг достаточно *бесспорных* данных, степень субъективной информированности о которых может быть показателем либо среднего, либо высшего образования или даже социологической профессионализации. В овладении объемом этих якобы бесспорных знаний и заключается, собственно говоря, само обучение, но в некоторых отраслях познания, таких, как социология семьи, если бы пришлось ограничиться лишь безусловными фактами, то процесс усвоения оказался бы слишком коротким. Только знакомство с разными теориями и концепциями расширяет и углубляет социологическое видение семьи и брака.

Тест состоит из набора вопросов с подсказками и утверждений, степень истинности которых следует самостоятельно определить. Перед чтением учебного пособия было бы полезно сначала попытаться ответить на все вопросы письменно и кратко обосновать свои ответы на них. Затем желательно сверить собственные интерпретации с теми, что приводятся в комментариях к тексту. Пусть это будет первым "домашним заданием" читателю!

1. Большинство семей в России это

I

А. Семьи с обоими родителями и двумя детьми.

Б. Семьи с одним родителем и детьми.

В. Бездетные семьи.

Г. Ни один из ответов не является верным.

,

2. Свыше двух третей разведенных мужчин и женщин в России вновь вступает в брак.

А. Верно. Б. Неверно.

3. Разводимость и число детей в семье находятся между собой в

А. Прямой связи. Б. Обратной связи. В. Нет никакой связи.

4. По самооценкам американских женщин, часть тела, наиболее притягательная для мужчин, — это

А. Бедро. Б. Грудь.

13

В. Губы. Г. Глаза. Д. Волосы.

5. При социологических одновременных опросах мужей и жен выявлено, что мнения совпадают в среднем у

А. 2/3 супругов. Б. 50% семей. В. 1/3 пар.

6. Наиболее надежный долгосрочный прогноз рождаемости можно составить по опросам о репродуктивных ориентациях

А. Жен.

Б. Мужей.

В. Молодоженов.

Г. Детей.

7. В США среди супружеских пар старше 30 лет прибегают к стерилизации жен либо мужей.

А. 10%. Б. 20%. В. 30%. Г. 40% и более.

8. В развитых странах распространенность сверхбрачных (адюльтерных) связей у супругов, состоящих в браке, растет с увеличением возраста среди мужчин высших социальных страт, а среди мужчин низших страт уменьшается.

А. Верно. Б. Неверно.

9. На Западе в неравных по социальному положению браках мужчины чаще, чем женщины, добиваются с помощью брака социального продвижения, роста статуса.

А. Верно. Б. Неверно.

10. Муж обычно в меньшей степени удовлетворен браком в том случае, когда его жена занята полный рабочий день, чем в случае, когда она полностью посвящает себя дому, семье.

А. Верно. Б. Неверно.

14

11. В наше время большинство молодых, одиноких и никогда не состоявших в браке людей в конце концов вступят в брак.

- А. Верно. Б. Неверно.
12. Качество сексуальной жизни брачной пары — это важнейший фактор общей удовлетворенности браком.
- А. Верно. Б. Неверно.
13. Коэффициент разводимости в России увеличился за последние 20 лет.
- А. Верно. Б. Неверно.
14. В настоящее время удельный вес женщин среди занятых выше, чем в 1970 г.
- А. Верно. Б. Неверно.
15. Если моя жена (мой муж) любит меня, она (он) должна (должен) инстинктивно чувствовать, что я хочу и что мне нужно, чтобы быть счастливым (счастливой).
- А. Верно. Б. Неверно.
16. У большинства брачных пар удовлетворенность браком растет вместе с увеличением его "стажа": от первого года через время, когда рождаются дети и когда они растут, к периоду "пустого гнезда" и выходу на пенсию.
- А. Верно. Б. Неверно.
17. Одна из наиболее часто встречающихся проблем в браке — это проблема общения, его "бедность".
- А. Верно. Б. Неверно.
18. Мужья обычно в большей мере изменяют свои привычки и стиль жизни, чтобы "наладить" брак, чем жены. А. Верно. Б. Неверно.
- 15
19. Брачные пары, которые "жили вместе" до заключения брака, обычно в большей мере удовлетворены браком, чем те, кто этого не делал.
- А. Верно. Б. Неверно.
20. Я могу изменить мою жену (моего мужа) и ее (его) поведение к лучшему, если буду указывать ей (ему) на ее (его) недостатки, ошибки и т.д.
- А. Верно. Б. Неверно.
21. Брачные пары, в которых один или оба супруга вступили в брак до 18 лет. имеют большие шансы в конце концов развестись, чем те, в которых партнеры были старше этого возраста.
- А. Верно. Б. Неверно.
22. Любит меня моя жена (мой муж) или нет, совершенно не зависит от моего поведения.
- А. Верно. Б. Неверно.
23. Чем более откровенны супруги друг с другом обо всем своем хорошим и плохим, тем больше их удовлетворенность браком. А. Верно. Б. Неверно.
24. Я должен (должна) изменить свои чувства к моему партнеру к лучшему, прежде чем я смогу изменить мое поведение по отношению к нему,
- А. Верно. Б. Неверно.
25. Для большинства брачных пар ключ к семейному счастью на всю жизнь — это сохраняющаяся романтическая любовь.
- А. Верно. Б. Неверно.
26. Сколько всего семей в России? А. 50 миллионов. Б. 40 миллионов.
- 16
- В. 30 миллионов. Г. 25 миллионов.
- 26-1. Какую долю из них составляют семьи с несовершеннолетними детьми?
- Д. 33%. Ж. 46%. З. 59%.
27. Каков средний размер семей в России? А. 3.65 человек.
- Б. 3.54 человек. В. 3.27 человек. Г. 3.22 человек.
28. Какова доля тех россиян, которые никогда не состояли в браке?
- А. 6%.
- Б. 9%.
- В. 13%.
- Г. Ни один из ответов не является верным.
29. Процент никогда не состоявших в браке в России выше среди.
- А. Мужчин. Б. Женщин.
30. В современных семьях ценность сына выше, чем дочери. А. Да.
- Б. Нет.
31. Детей какого пола предпочитают чаще выбирать приемные родители?
- А. Мальчиков.

Б. Девочек.

В. Пол безразличен.

32. Известно, что детность семьи сокращается везде в мире. По самому точному показателю — среднему числу рождений, приходящемуся на одну женщину за всю ее жизнь, — Россия принадлежит к странам

А. Северной Европы. Б. Южной Европы. В. Восточной Европы.

17

Г. Западной Европы.

33. В России растет число сожительства (нерегистрируемых браков) и число внебрачных рождений, составляющее (от общего числа родившихся).

А. 18,2 %. Б. 17,1%. В. 16,0%. Г. 13,5%.

34. По последним данным, в России зафиксировано легальных ежегодных искусственных абортов около.

А. 5 млн. Б. 4 млн. В. 3 млн.

35. Какой из противозачаточных методов снижает практически до нуля вероятность зачатия?

А. Кондом (презерватив). Б. Диафрагма. В. Вазектомия. Г. Пиллюли.

36. В каком году группа датских ученых во главе с Христианом Гамбургером впервые осуществила перемену пола Георга Иоргенсена, ставшего первым в мире транссексуалом?

А. 1945. Б. 1962. В. 1956. Г. 1968,

37. Гомосексуальные и длительное время бездетные пары не могут быть семьями.

А. Верно. Б. Неверно.

38. Какова средняя частота коитуса (половых сношений) у супружеских пар?

А. Каждый день,

Б. Пять-шесть раз в неделю.

В. Две-четыре раза в неделю.

Г. Один раз в неделю.

Д. Несколько раз в месяц.

18

39. В России самый большой в мире разрыв между продолжительностью жизни мужчин и женщин, который составляет

А. 7 лет. Б. 9 лет. В. 11 лет. Г. 13 лет.

40. Снижение рождаемости, как известно, определяет постарение населения, которое, по критерию ООН, определяется долей лиц старше

А. 55 лет. Б. 60 лет. В. 65 лет. Г. Все ответы неверны.

41. Любовь важнее для человеческого счастья, чем секс.

А. Да. Б. Нет.

42. Каждый десятый человек в западных странах является "сек-соголиком", т.е. использует секс как психологический наркотик.

А. Да. Б. Нет.

43. По мнению выдающихся американских сексологов Уильяма Мастерса и Вирджинии Джонсон, нет исследовательских данных о связи сексуальной активности и средней продолжительности жизни.

А. Да. Б. Нет.

44. Какое слово из ниже приведенных лишнее? А. Деверь.

Б. Шурин. В. Золовка. Г. Сноха.

45. в счастливых семьях что соединяет супругов сильнее всего? А. Взаимная любовь к детям.

Б. Понимание того, что брак священен. В. Убеденность каждого из супругов, что другой — "мой лучший друг".

19

46. Какой пол ребенка предпочитается родителями в странах Запада?

А. Мужской.

Б. Женский.

В. И тот и другой в равной мере.

Г. Никакой.

47. Какой термин лишний в этом ряду? А. Инцест.

Б. Инфантицид.

В. Агамия.

Г. Абстиненция.

48. Добровольно бездетные супруги чаще, чем имеющие детей, посещают театры, концерты, музеи, выставки, спортивные зрелища, кафе, рестораны и т.д., имея больше времени и возможностей для удовлетворения своих потребностей.

А. Да. Б. Нет.

49. Брак и семья — это одно и то же.

А. Да. Б. Нет.

50. Верно ли, что сегодня люди охотнее говорят "это хорошо для меня", чем "это хорошо для моей семьи"?

А. Да. Б. Нет.

Раздел I

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ОТРАСЛЬ СОЦИОЛОГИИ

Глава 1 ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ СЕМЬИ

Социология семьи, рассматриваемая в широком смысле как социологическая наука о семье, является старейшей интеллектуальной дисциплиной. Издревле все попытки осмысления общественной жизни людей так или иначе были связаны с пониманием семейно-ролевой организации. Интерес к происхождению человечества и к человеческой истории всегда сопровождается интересом к браку, семье, родству как специфическим формам существования, сохранения и возобновления жизни поколений.

Социология семьи в узком смысле как часть общей социологии, как теория "среднего уровня" рассматривает особую сферу жизнедеятельности и культуры согласованно действующей группы людей (семьи). Социология семьи имеет дело с групповым, а не с индивидуальным субъектом жизнедеятельности. Группа людей, связанных семейно-родственными отношениями, образует ту часть социальной реальности, которую изучает социология семьи, фокусируя внимание на совместной жизнедеятельности членов семьи, то есть на семейном образе жизни.

Подчеркивая групповое качество семейной жизнедеятельности, социология семьи не остается безразличной к индивиду, но рассматривает его как члена семьи, как составную часть такого целого, которое не редуцируется к отдельной личности. Социология семьи пересекается с социологией личности, но исследует личность прежде

21

всего сквозь призму социокультурных внутрисемейных ролей, сквозь призму семейной принадлежности личности. В социологии семьи личность предстает не в своей абстрактной телесной бесполости, а конкретно как муж или жена, как отец или мать, как брат или сестра, как сын или дочь.

Индивидуальное своеобразие накладывает отпечаток на стиль исполнения внутрисемейных ролей, проявляющийся через конфигурации межличностных взаимосвязей и взаимоотношений. Поэтому социология семьи изучает семейно-родственные формы совместной жизни малой группы людей, семейный образ жизни в сравнении с одиночно-холостяцким, изучает в единстве и целостности взаимосвязь родительства-супружества-родства, то есть собственно семью. Отдельно супружество, родительство и родство могут рассматриваться в целях удобства научного анализа, но не как самостоятельные институты. В последнее время наметились тенденции к этому расчленению единого предмета социологии семьи на три обособленные части, к размыванию семьи как целостности взаимной жизнедеятельности.

Попытка свести семью прежде всего к супружеству, к "союзу сердец" иногда сопровождается таким раздроблением предмета исследования, что порой даже начинают говорить о "семьях одиночек". Следует со всей определенностью подчеркнуть неправомерность редуцирования семьи к отдельным составляющим. Отсюда отличие социологии от смежных социальных наук выявляется благодаря специфике научного подхода, а не благодаря выхватыванию отдельных семейных отношений, например, таких, как родство, из тройственного единства специфических для семьи взаимоотношений и объявлению этих отдельных отношений как бы самостоятельными объектами каких-либо специальных дисциплин.

В связи с этим этнография, или *социальная антропология*, не специализируется на изучении только одного лишь родства, а берет семью в единстве супружества-родительства-родства. Но она рассматривает это единство под своим углом зрения — сквозь призму этнических особенностей семейного уклада жизни, семейных ритуалов, обрядов, обычаев. Этнография описывает и анализирует своеобразие семейного быта в прошлом, прослеживает трансляцию, передачу семейных норм бытия, исследует образ жизни и культуру народов прошлого, многообразие форм образа жизни, в том числе историко-этническое многообразие становления самой семьи, согласования семейных ролей взрослых и детей, стереотипов семейного поведения мужей и жен, родителей и детей и т.п.

Социология семьи сосредоточивает свое внимание на настоящем, на функционировании семьи как подсистемы общества в обращении к прошлому, чтобы точнее определить тенденции изменения семьи и вероятность их действия в будущем. Этнография семьи ориентирована на прошлое, на реконструкцию семейного образа жизни на основе изучения материализованных элементов культуры прошлого (поскольку не только социологические, но и общенаучные и литературные описания прошлых эпох, как правило, отсутствуют).

Семейное право изучает процессы узаконения, легитимизации, становления и распада семьи, функционирования семьи как самостоятельной субстанции, вступающей в сложные взаимодействия с другими социальными институтами и с государством. Вопросы семейной собственности при заключении браков и разводах и во всех случаях, когда затрагиваются интересы семьи в целом или ее отдельных членов, также являются частью предмета семейного права.

Чрезвычайное значение имеет конституционное закрепление взаимоотношений семьи и государства, прежде всего в связи с проблемами социальной и экономической политики государства. Социология семьи фиксирует внимание на всех этих сторонах жизнедеятельности семьи, вскрывая то, как юридические установления ограничивают или стимулируют автономную активность семьи, ущемляя или укрепляя интересы семьи как института. Создание законодательных основ федеральной и региональной политики в области брачно-семейных отношений — одна из областей междисциплинарного сотрудничества социологов и юристов.

Социальная психология семьи исследует закономерности межличностных отношений в семье, внутрисемейные отношения с точки зрения их устойчивости и стабильности. Задачей социально* психологии является также изучение воздействия структуры семьи на внутрисемейные процессы, на семейное поведение личности. Социальная психология семьи изучает семью как малую группу, закономерности становления, функционирования в распада семьи как групповой целостности. Социально-психологические звания позволяют проводить практическую работу с семьями, диагностировать в терапевтически перестраивать семейные взаимоотношения родителей и детей, супругов, братьев и сестер. Трудно провести границу между психологическими исследованиями в рамках социологии семьи и психологии семьи, но социологов в большей степени интересует взаимосвязь институциональных и межличностных характеристик семьи, их взаимообусловленность и в меньшей — сама по себе внутрисемейная психодинамика.

23

Медицина и социология здоровья концентрируются на физиологических предпосылках репродуктивного поведения и планирования семьи, тогда как социология семьи обращена к семейному поведению и его социальным последствиям, фиксируемым в коэффициентах рождаемости, детности, абортов, применения контрацепции и т.д. Социализация детей в семье в направлении приобретения тех или иных навыков самосохранительного поведения, относящегося к сохранению здоровья и жизни, образует сферу пересечения интересов вышеназванных дисциплин с социологией семьи, рассматривающей здоровье и продолжительность жизни личности в контексте семейного образа жизни и жизненного цикла семьи.

Демография теснее всего связана с социологией семьи и анализирует семейную структуру населения во взаимосвязи с половозрастной структурой, используя данные демографической статистики о размере и составе семьи, распространенности тех или иных семейных структур, о тенденциях брачности, детности, разводимости. Изучение роли семьи в воспроизводстве населения является неотъемлемой частью одновременно демографии и социологии семьи (где оно может именоваться социологией рождаемости). *Демография* семьи обобщает факты формирования, функционирования и распада семейно-родственных групп, тогда как социология семьи наряду с исследованием эффективности выполнения семьей репродуктивной функции интересуется также эффективностью социализации (воспитания—содержания—обучения) детей в семье, подготовки подрастающих поколений к принятию ролей взрослого человека, его социальных позиций и статусов.

Социология — при условии, что ею занимаются надлежащим образом, — обречена в некотором отношении всегда оставаться наукой, вносящей сумятицу в умы. Она не годится для потворства предрассудкам, которые интуитивно защищают люди, не склонные к размышлению... Я полагаю, что несмотря на реальность нынешних материальных тягот, выпавших на долю социологии во многих странах, ее интеллектуальный закат реальностью не является... Произошло и продолжает происходить проникновение социологического мышления и социологического видения в контекст тех социальных дисциплин, которые до сих пор держались в стороне. Влияние социологии, последствия которого до конца еще не ясны, можно сегодня проследить в таких областях, как история, философия, политология, социальная география, международные от-

24

ношения, а также в других сферах научного знания. Особо следует отметить социальную антропологию. Хотя в рамках университетской структуры факультетов эта дисциплина нередко существует отдельно от социологии, их интеллектуальное сближение, провозглашенное много лет назад, в последнее время продвигается особенно быстро. Разумеется, процесс интеллектуального движения, который сближает социологию с прочими науками, нельзя назвать односторонним. Социология в равной мере выигрывает от этих контактов и обогащает их. В качестве примера... можно было бы указать на развитие исследований, посвященных семье (выделено нами. — Авт.). В данном случае использование социологических идей, а также методов, заимствованных как из социологии, так и из социальной антропологии, способствовало возникновению по существу новой субдисциплины в рамках социальной истории, кроме

того, второе дыхание обрели уже существовавшие ранее интерпретации. Сегодня мы знаем о семье несравнимо больше, чем раньше. Мы были вынуждены подвергнуть радикальной переоценке свое понимание природы нынешних семейных институтов под воздействием более систематического и адекватного проникновения в их прошлое. Изучение семьи, которое было принято считать скучнейшим занятием, оказалось одним из самых увлекательных и захватывающих предприятий (выделено нами. — Авт.)

Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // "Теория и история экономических и социальных институтов и систем". Зима 1993. Том 1. Вып. 1. С. 57;

Вопрос к читателям: Означает ли интеллектуальное сближение социологии с другими социальными науками размывание предмета этих сближающихся дисциплин? Из приведенных выше высказываний Гидденса выявляется как будто бы междисциплинарное пересечение разных наук, образующее предмет социологии семьи и саму ее лишь в недавнее время, между тем как социология семьи существует не менее века, специализируясь на изучении того аспекта социальной реальности, который имеет отношение прежде всего к универсальности социального института семьи, имеющегося во всех известных типах обществ. Так ли это?

25

Предмет социологии семьи очерчивается выяснением всех обстоятельств успеха или неудач семьи как социального института, реализующего жизненно важные для общества функции по рождению, содержанию и социализации детей, благодаря притягательным сторонам семейного образа жизни, прочности межличностных взаимодействий в семье и устойчивости мотивации личности к вступлению в брак и обзаведению несколькими детьми. Специфика социологического подхода к изучению семьи заключается в пристальном внимании к фундаментальному значению посредничества семьи во взаимодействиях личности и общества, к гармонизации взаимоотношений личности и государства через фокусировку их на интересы семьи как автономной целостности. Уяснение предмета социологии семьи в сравнении с подходами других социальных дисциплин неизбежно связано с рядом нерешенных вопросов, поскольку направленность социологии на изучение закономерностей "социальных изменений семьи", уникальных и существенных лишь для семьи функций, на анализ семьи как первичной группы взаимодействующих личностей и т.д. неизбежно сталкивается с тем, что все эти, а также и неупомянутые здесь области исследований так или иначе, но рассматриваются смежными дисциплинами. То же можно сказать и о методах подхода социологии семьи к измерению наблюдаемых явлений — многие из них давно взяты на вооружение представителями родственных отраслей социального знания. И даже самый популярный признак социологии — метод опроса — присущ и этнографии, и демографии, и другим наукам и . не составляет прерогативу одной лишь социологии. Позитивистская ориентация на выявление фактов, на фиксацию того, что есть в реальности в противовес идеологической тенденциозности, стремлению доказать превосходство каких-либо типов семьи и семейных норм, также не есть особая черта строгой "научности" одной лишь социологии. Умение конструировать многочисленные теоретические объяснения регистрируемых фактов, различные минитеории семьи — отнюдь не отличительная особенность социологического мышления — это свойственно и другим смежным наукам, особенно этнографии и истории, и тем более психологии. Следует подчеркнуть, что, характеризуя специфику социологического подхода к изучению семьи как автономной подсистемы социума, необходимо стремиться к целостному ее анализу, к единству структурных и динамических характеристик.

На схеме 1—1 представлено требование четырехмерности анализа семьи: рассмотрение семьи в социетальной среде (структурно-инсти-

26

Схема 1—1

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЕМЬИ В ЕДИНСТВЕ СТРУКТУРНЫХ И ДИНАМИЧЕСКИХ КООРДИНАТ

и СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА семья как социальный институт в системе институтов
семья как источник
социальной принадлежности, статуса
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Antonov2 #6

туциональный полюс) и внутри иерархической социальной структуры власти и престижа (структурно-статусный полюс). Структурирование внутрисемейного устройства, строения семейно-родственной общности, структуры взаимосвязей членов семьи может строиться по разным критериям, семья может анализироваться в терминах "структуры принятия решений" или "структуры поведения". Но в любом случае структурно-системный подход, концентрируясь на том, "как все устроено", предполагает воздействие структурных различий на результаты того, "как все делается", и учитывает по принципу обратной связи влияние социальных изменений на трансформации структур.

По оси социальной структуры семья рассматривается среди других институтов общества как часть, подсистема, взаимодействующая с этими институтами и с обществом в целом.

Структурный подход устанавливает место семьи в иерархии институтов, фиксирует функции семьи, которые важны для понимания ее положения в обществе, среди остальных институциональных образований. С другой

к своей страте, ратифицирует их внутрисемейное и внесемейное социальное положение, причем это касается и детей и взрослых. Таким образом, положение семьи в обществе определяется местом семьи среди социальных институтов и местом семей в стратификационно-иерархических сетях.

Разумеется, этот структурный срез предполагает также учет изменения всех структур социальных взаимоотношений семьи с внешней средой.

Легко сказать, что в современном обществе все его члены должны занимать позиции, соответствующие их способностям. Но трудно определить, есть ли у человека та или иная-способность, проявляется ли она у него в большей степени, чем у другого, и какими талантами обладает каждый человек вообще. Даже сейчас при наличии методов психологического тестирования эти проблемы во многих случаях не могут быть решены успешно. Еще более затруднительным было решение этих проблем в отдаленном прошлом. В таких условиях обществу приходится изобретать косвенные критерии для измерения и выяснения способностей его членов. Методом проб и ошибок в характере семьи и ее социальном статусе был найден один из самых важных критериев для осуществления этой цели... Так возник институт наследования социального статуса родителей детьми: рожденный в семье с высоким социальным рангом заслуживает также высокого ранга, рожденный в простой семье занимает скромное общественное положение. Таково было положение во многих обществах прошлого, таковым оно в некоторой степени остается и поныне.

Сорокин П. Социальная и культурная мобильность //Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 406.

Вопрос к читателям: Социальный статус личности является следствием социального положения семьи или все-таки статус семьи определяется статусами индивидуальных ее членов? Что жестче регламентируется — наследование социального статуса высокого ранга или низкого?

Горизонтальная ось в рассматриваемой нами системе изучения семьи фиксирует внимание на изменениях семьи, на социокуль-

турной динамике. Слева находится полюс культуры, точнее — межпоколенной преемственности, трансляции семейного опыта, ценностей, норм, ритуалов и т.п. Разумеется, прежде всего тут имеются в виду традиции отдельных семей, семейных династий или же фамилий. Но в широком смысле можно говорить также об исследовании семьи с точки зрения своеобразия семейного образа жизни при смене исторических поколений, эпох и времен.

Другой полюс динамического измерения семьи при ее социологическом анализе — это требование учета психосоциальной динамики семьи как малой социально-психологической группы, динамики семейных взаимоотношений, локализованной по фазам, или стадиям, жизненного цикла семьи.

Анализ по динамической "оси отсчета" позволяет совместить внутрисемейные межличностные видоизменения с изменениями семейной жизнедеятельности в процессе смены семейных поколений. Более того, координата "социокультурной динамики" позволяет подчеркнуть ценностно-смысловую сторону межпоколенной трансляции семейного опыта, подчеркнуть социокультурную и межличностную символику совершающихся действий, происходящих изменений.

Данная схема характеризует устремленность социологии семьи на соединение воедино трех подходов — социально-структурного, культурологического и социально-психологического. Реализация этой устремленности происходит при осуществлении процедуры социологического объяснения семейных процессов. Полное объяснение, например, кризиса семьи требует учета аналитических переменных по всем четырем полюсам схемы 1—1, хотя акцент может при этом делаться на любом из них. Так, в теории интеракционизма объяснение тяготеет к психологической интерпретации в терминах межличностных стрессов, в структурном функционализме — к институциональной интерпретации в терминах социального действия, в теории конфликта — к интерпретации в терминах противостояния и борьбы групп, страт, категорий (например, антагонизм малодетных и многодетных родителей). Принятая в этой книге интерпретация семьи как общности людей, основанной на совместной социально значимой деятельности родителей и детей, предполагает изучение свойств семьи и признаков семейных изменений в связи с особенностями общесемейной деятельности. Образно говоря, структурно-динамическое измерение семьи позволяет совместить знание о строении семьи, ее стержневом остоле с живой плотью побуждений, оценок, решений, импульсов семейной жизнедеятельности.

На схеме 1—2 изображено положение семьи в системе первичных и вторичных социальных групп.

Схема 1—2

СЕМЬЯ

В СИСТЕМЕ ПЕРВИЧНЫХ И ВТОРИЧНЫХ ГРУПП

Под первичными группами понимаются непосредственно контактные группы людей, небольшие по размеру, где отношения строятся на межличностной основе.

Вторичными являются большие группы людей, базирующиеся на формальных отношениях (хотя и окрашиваемых межличностными восприятиями) и связанные с какой-либо профессиональной деятельностью. К вторичным группам могут причисляться и социальные институты разного рода.

Семья в системе первичных групп, обычно рассматриваемая по принципу соседства и территориальной локализации, на уровне территориальных объединений является важным элементом социальной инфраструктуры деятельности, но вовсе не центральным — как изображено на схеме 1—2. Анализ содержательных взаимосвязей семьи с первичными и вторичными группами на макро- и микроуровнях социальных отношений образует стратегическую цель социологического изучения семьи.

Семья по своей сущности всегда была, есть и будет по-зитивистическим мирским институтом благоустройства, биологическим и социологическим упорядочиванием жизни рода. Формы семьи, столь текучие на протяжении человеческой истории, всегда были формами социального приспособления к условиям существования, к условиям хозяйствования в мире. Нет феномена в жизни человечества, который бы так удачно объяснялся экономическим материализмом, как семья. В этой области социологический материализм одержал наибольшие победы. Семья — хозяйственная ячейка прежде всего, и ее связь с полом всегда косвенная, а не прямая. Связь же семьи с любовью еще гораздо более отдаленная. Половая жизнь человечества никогда не вмещалась ни в какие формы семьи, всегда переливалась через все границы... Продолжение человеческого рода и его жизнеустройство на земле должны были быть поставлены в известную независимость от естественной оргийности и хаотичности пола... общество привыкло регламентировать все, что имеет отношение к продолжению человеческого рода. Семья родилась из необходимости, а не из свободы...

Бердяев Н. Смысл творчества // Эрос и личность. М., 1989. С. 86.

31

Вопрос к читателям: В вышеприведенных суждениях религиозного мыслителя, видевшего в семье и деторождении лишь быт, а в любви — бытие, всегда обличавшего низость обыденности и ценившего больше всего свободу, тем не менее, четко обозначена социальная сущность семьи. Согласны ли Вы с тем, что институт семьи возникает из социальной регламентации "естественной оргийности пола" в целях продолжения рода и его хозяйственного жизнеустройства? Можно ли, исходя из этого, считать, что социальная необходимость в семье сочетает в себе необходимость продолжения рода и необходимость существования, жизни рода? Оставляя в стороне извечный философский вопрос о соотношении царств необходимости и свободы, можно ли рассматривать многовековую историю семьи как итог гармонического сочетания интересов общества по продолжению рода с личными интересами к семейному образу жизни? Или же длительное существование семьи доказывает лишь подавление свободы личности во имя "продолжения рода", невозможность свободы в семье (с чем бы эта свобода ни связывалась) и неизбежность основанности семьи на долге, законе, общественных нормах?

При анализе социальной сущности семьи важно понимать, что семья образует базовое предусловие функционирования социума благодаря физическому и социокультурному замещению поколений, посредством рождения детей и поддержания существования всех членов семьи. Без этого воспроизводства населения и этой социализации потомства невозможно восполнение всех социальных институтов, обеспечение социальной жизни. Вместе с тем реализация основных функций семьи не есть следствие каких-либо биологических регуляторов или механизмов, а представляет собой результат действия социальных процессов, социальной системы в целом. Исследование семьи является по своей сути комплексным — оно связано с физиологическими процессами, с психологической динамикой взаимоотношений, с нормами и ценностями культуры, с экономическими условиями рынка и производства, с демографическими изменениями, с институтами армии, церкви, здравоохранения, правительственного управления и с историческими трансформациями в целом. Значимость семьи обусловлена ее уникальной ролью в воспроизводстве человеческого рода и важнейшей ролью семейного про-

32

изводства, семейной экономики в обеспечении благосостояния. Более того, например, американский социолог Карл Циммерман исходит из "явной зависимости общественных формаций от семейных систем", диктующих формы правления и социального контроля и лишь в новое время передающих эти функции "верховой власти".

В связи с этим можно напомнить знаменитое *"отступление"* от марксизма Ф. Энгельса, который считал, что определяющим моментом в истории является "ступень развития", с одной стороны, труда, а, с другой, — семьи.

Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи. Чем меньше развит, труд... тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Л.Г. Моргана // М., 1970. С. 4.

Вопрос к читателям: Из приведенного фрагмента видно, что семья сводится к родовым связям, а все рассуждения относятся к периоду смены родового строя государственным. Можно ли "степень развития семьи" трактовать как развитие разных форм организации "продолжения рода", обуславливающих изменение самих "общественных порядков"? Могут ли изменения форм семейной организации жизнедеятельности также оказывать влияние на "общественные порядки", т.е. на образ жизни и социально-экономический строй?

Важно подчеркнуть, что семья в качестве социального института не обречена на пассивность, а способна через семейную и демографическую структуры самостоятельно воздействовать на ход социально-исторического изменения. Проблема соотношения семьи с обществом и его социальными институтами, а также с личностью всегда существовала в истории и вызывала научный интерес. Возникновение социологии семьи явилось реализацией этого интереса, конкретизацией социологического восприятия мира как наблюдаемого извне и одновременно изнутри (с точки зрения личности). В привычное противопоставление общества и личности был введен сближающий их интересы посредник — семья, восприимчивость к нуждам которой каждой из сторон явилась индикатором их восприимчивости к по-

33

требностям друг друга (разумеется, в пределах, устанавливаемых информацией, подучаемой в социологических исследованиях), что и превращает проблему соотношения семьи, личности и общества в собственно социологическую проблему.

Фундаментальное значение семьи заключается в ее функции посредника, в посреднической роли. Она связывает отдельного человека с социальной структурой. Общество не сможет существовать, если его потребности, такие как производство и распределение благ, обеспечение детей и стариков, больных и беременных, социализация подрастающих поколений и др., не будут удовлетворяться. Только если индивиды будут мотивироваться к действиям, отвечающим нуждам общества, оно само сможет выжить.

Гуд У. Социология семьи // Социология сегодня. М., 1966.

Вопрос к читателям: Смысл посредничества в увязывании интересов тех, кто прибегает к услугам посредника, что предполагает потребность в посреднике со стороны участников взаимодействия. Значит, и общество и индивиды, нуждаясь друг в друге, должны прежде всего нуждаться в семье? Не проще ли обойтись без посредников вообще или расширить круг посредников, не ограничиваясь лишь семьей?

Эпм очерчивается также и предмет социологии семьи, я поэтому исследование социологическими методами стратегической значимое» семьи как посредника или, другими словами, — посреднической роли семьи, образует специфику социологического подхода к изучению семьи. Американский социолог Уильям Гуд при этом обращает внимание на то, что общество способно существовать лишь * том случае, если индивиды через посредничество семьи мотивируются к удовлетворению общественных потребностей. В повседневной жизни воздействием внешнего контроля (через правовые нормы или полицию) и внутреннего (через склонность личности к конформизму) часто бывает недостаточно, и именно семья опосредует все эти влияния и поддерживает устойчивую мотивацию в направлении интересов социума. В свою очередь, семья способна осуществлять свою посредническую роль при условии поддержки со стороны общества — если функционирование макросистемы и семьи как микросистемы взаимно дополняют друг друга в наиболее важных отно-

34

Семья представляет собой сложное и потому многозначное социальное образование: понятие социального института раскрывает значение семьи в широкой социальной перспективе во взаимосвязи с другими социальными институтами и с социальными процессами изменения, развития, модернизации. Понимание семьи как малой социальной группы сфокусировано на закономерностях становления, функционирования и распада семьи как автономной целостности. Миллионы семей в стране находятся на разных стадиях семейного цикла жизни, характеризуются различной структурой и спецификой жизнедеятельности, при этом отдельная семья одновременно обнаруживает в своем поведении признаки самостоятельной социальной единицы и признаки, связанные с ее природой как составной части социума.

Разграничение особенностей семьи как института и как группы позволяет рассматривать осуществление посреднической роли, так сказать, на макро- и микроуровнях анализа, отражать это в специальных терминах, но это вовсе не означает удвоения предмета — это все разные аспекты единого поля деятельности.

В отечественной и зарубежной социологии постоянно предпринимаются попытки перебросить "мостик" между макро- и микросоциологией семьи, совместить подходы к семье как к институту и как к группе. Это не означает растворения социологического подхода в психологическом: речь идет о создании понятийного и концептуального аппарата,

позволяющего на уровне общества отследить социально значимые результаты индивидуального и семейного поведения. С другой стороны, на уровне семьи и личности важно уметь устанавливать социальную детерминированность ценностных ориентации, установок, мотивов и действий.

Одним из вариантов интеграции институционального и микрогруппового подходов является работа в направлении анализа семьи как системы. Формально это предполагает изучение системных свойств семьи: целостности, связей с внешними и внутренними системами, структуры, уровней организации и др. Однако лишь содержательный анализ сущности семьи, законов ее изменения в полной мере реализует системный подход в пределах социологического видения и поэтому об успехе системного анализа лучше всего судить при рассмотрении теорий семьи и семейных изменений. Это замечание относится также и к другому направлению интеграции институционального и группового подходов, связанному с изучением "образа жизни" семьи, сопоставлением "семейного" и "одиночно-холостяцкого" образа жизни в зависимости от их распространенности в тех или иных обществах, в те или иные времена.

35

Ключевые термины:

социальная система, социологический подход, подсистема общества, социально-психологический подход, социальный институт, посредническая роль семьи, социальная группа, воспроизводство населения, малая группа, социальная структура, первичная группа, социокультурная динамика, межличностные отношения, семья (ро-дительство-супружество-родство), семейный и одиночный образ жизни, макросоциология семьи, микросоциология семьи, социальный статус, социокультурная роль.

Глава 2

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ СЕМЬИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

В этой главе ставится задача кратко охарактеризовать историческое развитие социологии семьи как одной из ведущих отраслей социологического знания и показать становление двух главных направлений изучения семьи — семьи как социального института и как социальной группы. Это одновременно послужит своеобразным введением в основную проблематику социологии семьи, познакомит с особенностями социологии семьи как науки и с ее достижениями по исследованию сущности семьи, двойственной природы семьи как уникального исторического феномена, соединяющего в себе свойства социального института и малой, первичной группы. До середины XIX в. семья рассматривалась как исходная микромодель общества, социальные отношения выводились из семейных, само общество философами и историками трактовалось как разросшаяся вширь семья, причем как патриархальная семья со всеми атрибутами патриархальности: авторитарностью, собственностью, субординацией и т.п. Поэтому интерес к происхождению человечества способствовал развитию исторического взгляда на семейный строй жизни. Наибольший вклад в становление исторического подхода к семье принадлежит швейцарскому историку И.Я. Бахофену, выпустившему в свет в 1861 г. книгу "Материнское право. Исследование гинекокртии старого времени и ее религиозной и правовой природы", а также шотландскому юристу Дж.Ф. Мак-Леннану, опубликовавшему в 1865 г. исследование "Первобытный брак". Каждый из них пришел к идее изменчивости форм брака и семьи в ходе истории,

36

а также к идее предшествования матриархата патриархату — независимо друг от друга.

До начала шестидесятых годов (XIX в. — Авт.) об истории семьи не могло быть и речи. Историческая наука в этой области целиком еще находилась под влиянием Пятикнижия Моисея. Патриархальную форму семьи, изображенную там подробнее, чем где бы то ни было, не только безоговорочно считали самой древней формой, но и отождествляли — за исключением многоженства — с современной буржуазной семьей, так что семья, собственно говоря, вообще не переживала якобы никакого исторического развития; самое большее, что допускалось, что в первобытные времена мог существовать период неупорядоченных половых отношений. Правда, кроме единобрачия было известно еще восточное многоженство и индийско-тибетское многомужество, но эти три формы нельзя было расположить в исторической последовательности и они фигурировали рядом друг с другом без всякой взаимной связи... Изучение истории семьи начинается с 1861 года, когда вышла в свет работа, Бахофена "Материнское право..."

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Л.Г. Моргана // М., 1970. С. 7-8.

Этнограф Ю.И. Семенов, однако, отмечает, что новые идеи не выросли на пустом месте. В античное время кроме "патриархальной теории" имелись представления о беспорядочном общении полов и общности жен, послужившие исходным моментом для идей о групповом браке.

У Демокрита и у античных материалистов на основании легенд и мифов о временах, когда брака не было, сформировались представления о *"промискуитете"*.

В "Истории" Геродота общность женщин отмечается у целого ряда народов, но эти данные не были приняты во внимание Платоном — "отцом" патриархальной теории, хотя в своем проекте идеальной республики он вводит общность жен, детей и имущества.

Аристотель последовательно развил платоновскую теорию патриархальности семьи как отвечающую природе человека и служащую исходной ячейкой государства, ибо соединение семей дает селение, а соединение селений — государство.

37

В средние века и в эпоху Просвещения патриархальная теория царствовала безгранично, хотя накапливалось все больше фактов, ей противоречащих. Факты, полученные в эпоху великих географических открытий, сопоставлялись с данными Геродота и служили основанием для выводов о реальности матриархальных отношений и группового брака.

В связи с этим можно назвать имена французского миссионера Ж.Ф. Лафито, описавшего общественные порядки индейцев Америки, шотландского юриста и историка Дж. Миллара, стремившегося объяснить "материнский счет родства" у древних народов из отсутствия брака как упорядоченного общения полов, а также немецкого ученого Д. Иениша, в 1801 г. отграничившего промискуитет от "общинного брака" (с высоким положением женщин).

И.Я. Бахофен разработал концепцию гетеризма как состояния, через которое прошли все народы в направлении к индивидуальному браку и семье, основанной на материнском праве и высоком положении женщин в обществе (*"гинекократия"*).

Дж. Мак-Леннан пришел к тем же выводам и открыл феномен, названный им *"экзогамией"* (от греч. "екаю" — вне и "гапюв" — брак) — запрет браков внутри "своих" человеческих групп и необходимость вступать в него с членами других, не своих, групп. В отличие от Бахофена он трактовал род не как разросшуюся семью или совокупность семей, а как социальную форму, предшествующую семье.

Новое учение о семье, как отмечал А.Г. Харчев, не было сразу принято всеми, а подверглось острой критике, прежде всего в работах Г. Мэна, отстаивавшего извечность патриархализма, а также критиковалось другими учеными, наиболее известными из которых являются Э. Тайлор, К. Штарке, А. Вестермарк, Э. Гроссе. Идеи матриархата и исторического развития семьи нашли поддержку у Дж. Леббока, И. Колера, М.М. Ковалевского, Л. Штернберга, в особенности у Л. Моргана и Ф. Энгельса. Идея изменчивости форм брака и семьи как центральная для эволюционного подхода нашла свое наиболее полное воплощение в исследованиях американского антрополога Льюиса Г. Моргана, в 1868 г. опубликовавшего свои первые выводы, в 1870 г. — книгу "Системы родства и свойства человеческой семьи", в 1877 г. — итоговый капитальный труд "Древнее общество" (русский перевод 1900, 1934, 1935 гг.).

Морган четко отграничил род от семьи, показав, что он является экзогамной группой, между членами которой невозможны брачные отношения. Значит, первобытный род не мог состоять из семей. Исходя из этого, первой формой рода оказывается материнский род,

38

основанный на коллективном хозяйстве и на экзогамных-эндогамных брачных отношениях при наблюдавшихся парных союзах.

Разложение коллективной собственности и появление частной собственности ведет от материнского рода к отцовскому и превращает парную семью в моногамную. Морган, таким образом, отличал моногамную семью от брачных пар, легко распадавшихся в родовом обществе, так как они не имели хозяйственной самостоятельности, частной собственности и наследования.

Эта идея была развита Ф. Энгельсом, подчеркнувшим, что моногамная семья — не итог индивидуальной любви, а выражение экономических условий господства мужа и что рождение детей, наследующих его богатство, — истинная цель моногамии.

Эволюционистский подход неизбежно сталкивается с проблемой не просто определения порядка или очередности следования форм семьи, смены исторических форм брака и семьи, но и с вопросом о том, что вообще образует саму семью, уж коли она появляется из рода, и что обуславливает ее уникальность во всех известных обществах и при всех изменениях ее социально-исторических форм. Эволюционизм неизменно стремится определить то общее, что присуще различным формам семей в разных типах обществ, т. е., другими словами, эволюционный подход сосредоточивает внимание на функциях семьи. Рассмотрение универсальности семьи и смены ее форм в истории составляет суть изучения семьи как социального института в рамках эволюционного подхода. Причем эволюционизм, связанный с идеями Дарвина и Спенсера об эволюционном натурализме, пробивал себе дорогу в науке, борясь с идеей изначальной данности патриархальной семьи.

До сих пор в зарубежной и отечественной науке сохраняется это противостояние между патриархальной теорией (человечество на всех этапах состояло из семей, а индивидуальная парная семья существовала всегда — см., например, работы Н.А. Бутинова и В.Р. Кабо) и теорией изначального промискуитета, сменяющегося экзогамным материнским родом.

Теория экзогамного рода была после Моргана значительно усовершенствована английскими этнографами Л. Файсоном и Э. Тайлором, и в особенности У. Риверсом, в связи с разработкой идеи о дуально-родовой организации, возникающей в ходе соединения двух матрилинейных экзогамных племен или фраттерий. Род состоял из Двух половин, фраттерий, в каждой из которых мужчины и женщины не могли вступать в брак друг с другом, находили себе мужей и жен среди мужчин и женщин другой половины рода.

39

Здесь следует сказать о вкладе российских ученых в разработку обсуждаемых проблем — так, М.М. Ковалевский высказал мысль о возникновении экзогамии как средства снятия конфликтов и антагонизма внутри первобытных промискуитетных объединений. С.П. Толстов и затем Ю.И. Семенов разработали концепцию производственных половых табу (запрет на половое общение в пору сезонных производственных работ), снимающих противоречие между про-мискуитетными отношениями и потребностями в развитии производственной деятельности.

С.П. Толстов поставил возникновение экзогамии в связь с функционированием половых производственных табу.

М.О. Косвен обнаружил дислокальный брак, когда супруги живут отдельно, а С.П. Толстов предположил, что в древней истории был период группового брака, являвшегося одновременно дислокальным.

Эволюционный подход к изучению семьи как социального института, изменяющего свои формы в ходе истории, но сохраняющего свою специфическую суть, более плодотворен, чем биологизаторский подход, утверждающий извечность и "естественность" индивидуальной патриархальной семьи. Однако эволюционизм не преодолевает идеи неизменности семьи и, фиксируя внимание на том универсальном и всеобщем, что характерно для любых исторических форм семьи, как бы сохраняет в неизменности эту специфическую суть семьи вообще — независимо от каких-либо исторических трансформаций.

Работы М. Леннана, Моргана, Леббека, Г. Спенсера, М. Ковалевского и ряда других лиц в общем подтвердили мнение Бахофена относительно первичной формы брака и счета по матери. Правда, не так давно выступили так же очень авторитетные лица, как Вестермарк, Старкэ, Кунов, Гроссэр и др., оспаривающие положения сторонников первого течения, но после выхода работ Г. Спенсера и Гиллена, ... Фрезера, Хауита, Колэра ... взгляды и положения сторонников патриархата оказываются ошибочными. Нам нет надобности здесь подробно излагать результаты, добытые современной этнографией и историей культуры. Достаточно будет вполне указать лишь главные положения господствующего направления, а именно: установлено, что: 1) почти у всех исследованных народов счет родства по матери предшествовал

40

отношений, наряду с временными (обыкновенно краткими и случайными) моногамическими сношениями, господствует широкая свобода брачных сношений, которая и является характерной для данной эпохи, 3) эволюция брака состояла ни в чем ином, как в постепенном ограничении этой свободы половой жизни, или, выражаясь иначе, в постепенном уменьшении числа лиц, имеющих брачное право на ту или иную женщину (или... мужчину). Эволюция состояла в переходе от группового брака к индивидуальному — см. об этом книгу М. Ковалевского "Социология" т. II, являющуюся до известной степени сводкой большинства работ по этому вопросу.

Сорокин П.А. К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян // Известия Архангельского общества "Изучение Русского Севера". 1911.

№ 1.

*

Вопрос к читателям: П.А. Сорокин не употребляет специального термина, относящегося к "свободе брачных сношений" — назовите его. Можно ли из тезисов 2 и 3 фрагмента сделать вывод о том, что ограничение свободы половой жизни сначала ведет к групповому браку, а затем к индивидуальному, моногамному?

Но семья как институт, осуществляющий определенные функции, как подсистема общества может участвовать в таких социальных изменениях, которые способны подорвать ее как таковую. Понимание этого затрудняется еще одной особенностью эволюционизма, четко выраженной в вышеприведенном фрагменте из сочинений Л. Моргана, — это представление не просто об изменении форм семьи в истории, а о *"прогрессивном"* изменении семьи *"от низших Форм к высшим"*. К сожалению, в рамках эволюционизма часто возникает тенденция трактовать развитие от прошлого к будущему как положительное изменение в одном направлении *"прогрессивного Развития"*.

Семья — активное начало; она никогда не остается неизменной, а переходит от низшей формы к высшей, по мере того, как общество развивается от низшей ступени к высшей. Напротив, системы родства пассивны, лишь через долгие промежутки времени они регистрируют прогресс, сделанный за это время семьей, и претерпевают

41

радикальные изменения лишь тогда, когда семья уже радикально изменилась.

Морган Льюис Г. Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. М., 1935// Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 36.

Вопрос к читателям: Изменение систем родства отстает от изменения семейной жизнедеятельности, поэтому по сохранившимся в силу межпоколенной инерции родственным обозначениям можно составить достоверное представление о вымретших формах семьи. Какие родственные обозначения перерастают рамки однодетной семьи или какие системы родства лишаются своего смысла при массовом распространении семей с единственным ребенком? А какие при массовой двухдетности семей? Говорит ли сложная разветвленная система родства о многодетности как предусловии ее существования или число детей не имеет значения?

Склонность видеть в любых семейных инновациях "прогрессистскую" направленность, историческую предопределенность или же удивительную приспособляемость к любой новой ситуации можно именовать концепцией инвариантности семьи, устойчивости семейного образа жизни и семьи как социального института. Идея неизменности патриархальной семьи переносится, таким образом, на семью вообще, на абстрактное нечто, якобы связанное с тем, что, люди всегда будут вступать в брак, обзаводиться детьми и тем самым участвовать в родственно-семейных отношениях. Следует подчеркнуть, что среди институционалистов-эволюционистов всегда наблюдалась и другая тенденция: трактовать социальные изменения в духе не только "прогрессивного развития", но и "упадка" культуры, общества.

Семья, как и остальные социальные институты, не застрахована и от такого хода истории, когда может возникнуть угроза существованию и семьи, и самого общества. Социальное изменение таит в себе и прогресс, и угрозу гибели. Подобное понимание развития общества сосредоточивает внимание на функциях социальных институтов, на том, что делается в их рамках, а не только на том, что объединяет различные исторические формы этих институтов совместной жизнедеятельности людей.

Позволю обратить ваше внимание и еще на один факт: на семью. Вы знаете, что она разлагается. Но должны

42

знать и то, что без здоровой семьи невозможно здоровое общество. Слишком далеко зашел здесь развал и духовный, и биологический, через половые болезни ускоряя вымирание и вырождение русского Народа. Пора остановить это бедствие. Оздоровление семьи, улучшение ее организации в том направлении, чтобы она, как первый скульптор..., создавала индивидуальность, чуждую и эгоистического шакализма и невежества слепой стадности.

Сорокин П. Из речи на собрании в Петербургском университете 22 февраля 1922 г. // Дальняя дорога. М., 1992, С. 248.

Вопрос к читателям: Согласны ли вы с тем, что в этом фрагменте духовное нездоровье есть главный факт разложения семьи? Верно ли, что следствие духовной болезни семьи — ухудшение ее организации как скульптора индивидуальности? Каковы антиподы "шакализма и стадности"?

Своеобразная концепция кризиса семьи как ослабления союза родителей и детей, супругов и распада семейного хозяйства представлена Питиримом Сорокиным в его книге "Современное состояние России" (Прага, 1922 г.) а также в статье "Кризис современной семьи" (1916 г.), сохраняющей еще социалистические иллюзии. В поздних его работах кризис семьи исследуется в терминах теории "волнообразного движения культур" (противостоящей эволюционистской теории с ее акцентом на внешних факторах изменения). Культура наших дней — "материально-предметная, чувственная" — исчерпала себя, свою имманентную природу и не может не остановиться, что чревато революциями и войнами. Индустриализация как техническая основа образа жизни вполне вписывается в парадигму упадка культуры материальных предметов, и, по-видимому, концепция П. Сорокина не может не исключать прямолинейно-прогрессистский характер изменения культуры и семьи.

О тематике предполагаемых лекций (было названо четыре темы, под номером 3 указана тема кризиса семьи как одна из двух тем, которые П. Сорокин предпочитает прочесть в первую очередь.— Авт.): 3)

Кризис современной семьи. Понятие семьи. Ее основные типы в наше время: патриархальная, индивидуальная, "огосударствленная". Социальная роль семьи в ряду других коллективов.

43

Ослабление семьи как союза супругов. Ослабление ее как союза родителей и детей. Распад семьи как хозяйственного центра. Потеря семьей опекуноско-воспитательной роли. Причины кризиса. Его смысл. Будущее семьи".

Сорокин П.А. Письмо В.Н. Фигнер от 1.02.1920 г. // Социологос. Выпуск 1. М., 1991. С. 467-468.

Вопрос к читателям: Как можно понять термин "огосударствленная" семья? Ослабление социальной роли семьи сводимо ли действительно к трем моментам — к ослаблению союза родителей с детьми, союза супругов и хозяйственного союза? Функциональный подход — вторая составная часть изучения семьи как социального института — также направлен на поиск того общего, что присуще разным типам семей в ходе истории, однако концентрирует внимание не только на универсальности семьи, на исторических формах реализации "идеи" семьи, но сосредоточен более на самой семейно-домашней жизни, на социокультурных функциях семьи как социального феномена и на взаимосвязях социокультурных ролей, связанных с браком, родством и родительством Э. Дюркгейм как "отец функционализма" непосредственно повлиял на поиск присущих семье механизмов солидарности и сплоченности концентрируя внимание на роли каждого члена семьи в семейной жизни, на роли мужчин и женщин в семейной аномии — специфическом виде нарушения семейного равновесия, свойственного мужчинам прежде всего и проявляющегося в самоубийствах мужчин. связи с разводом (женщины, по Дюркгейму, меньше подвержены суициду из-за развода). Э. Дюркгейм рассматривал параллелизм разводов и самоубийств, поскольку и те и другие имеют одну причину — разрушение социальных норм.

Вклад Дюркгейма в структурно-функциональный анализ семьи весом и высоко оценен в истории социологии. Он обратил внимание на то, что семья теряет ряд важных своих функций под влиянием урбанизации и т.п., становится

менее прочной из-за добровольности брака (взамен брака по договору родителей), и, главное, что уменьшение количества членов современной семьи уменьшает семейную солидарность.

Последний тезис до сих пор является предметом ожесточенной полемики, тем более что апологеты современной "малой семьи" усматривают здесь противоречие с другим суждением Э. Дюркгейма о социальной дифференциации, в процессе которой утрата каким

44

либо структурным элементом прежних функций не означает ослабления этого элемента. Напротив, это может быть связано с новой специализацией его в системе, т.е. с появлением как бы нового специализированного института. Однако передачу каким-либо институтом своих функций (специфических), ради которых он создавался, другим социальным институтам нельзя не считать в социологии разрушением подобного института (хотя старое название этого института зачастую переносится и передается осколочным формам его и даже приписывается новым образованиям — что само по себе составляет интересную проблему для социологического исследования).

"Оставив в стороне индивида как индивида, его мотивы и идеи ... следует изучать ... те различные состояния социальной среды (религиозные верования, семья, политическая жизнь, профессиональные группы и т.п.), под влиянием которых изменяется процент самоубийств". "Если индивид ... легко склоняется под ударами жизненных обстоятельств, то это происходит потому, что состояние того общества, к которому он принадлежит, сделало из него легкую, уже совершенно готовую для самоубийства добычу". "Число самоубийств обратно пропорционально степени интеграции тех социальных групп, в которые входит индивид".

Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб, 1912. С. 178, 266, 276.

Вопрос к читателям: Что значит состояние общества или среды, ведущее к подверженности самоубийству, измерима ли степень интеграции групп и степень изоляции индивида от этих групп?

Спрашивая, "что делает семья?" и выявляя многообразие семейной жизнедеятельности, функционалисты разработали множество концепций, объясняющих специфику семьи, понимаемой в качестве социального института. Важным является при этом вклад Эдварда Вестермарка, работы которого образуют своеобразный мост между эволюционным и функциональным подходами. Вестермарк в фундаментальной работе "История брака" показал на множестве примеров, что брачные отношения признаются таковыми лишь при появлении беременности и рождении ребенка и что поэтому не семья коренится в браке, а брак институционализируется благо-

45

даря наличию семьи. Рассматривая исторические формы семьи как развивающиеся в определенной последовательности, Вестермарк подчеркивал параллелизм линий развития и выводил из табу инцеста (запрет на кровосмешение) смену типов брака, возникновение экзогамии.

Табу как мощная негативная норма укрепляет функциональную интеграцию системы и, по-видимому, отмирание табу может быть связано с исчезновением семейных качеств, а не просто с разрушением пережитков. Как основоположник теории "первобытной моногамии" Вестермарк преувеличивает роль биологического фактора в истории, что ярко обнаруживается в инстинктивистской трактовке сохранения семьи в будущем по причине якобы глубоко укоренившихся в человечестве "родительских инстинктов".

Важным достижением функционалистов является разработка проблем материнства и отцовства, их соотношения как социокультурных феноменов. Б. Малиновский в историческом факте социальной роли отца, обеспечивающей детям законность принадлежности к социуму независимо от неопределенности установления биологического отцовства, увидел основу упрочения социального отцовства и распространения родства по отцу. Физиология не предопределяет семейно-родственные отношения, а лишь является предусловием возникновения связей. Явления культуры следует понимать как способы удовлетворения каких-либо потребностей.

У Дж. Мэдока обнаруживается наиболее полное слияние историко-эволюционной и функционалистской точек зрения. Культура не есть функция физиологии, она не природный феномен, нечто инстинктивное, это сугубо социальный феномен, искусственный, а не естественный. Человечеству для адаптации к среде и выживания не надо изменяться физиологически, достаточно изменять культуру, поведение, навыки, передаваемые через научение, социализацию, из поколения в поколение. Потому и не меняется человек анатомически тысячелетиями, тогда как культурные формы чрезвычайно изменчивы. Они порождаются приспособлением к меняющейся (в том числе самим человеком) среде, и, значит, функциональное и эволюционное взаимно дополняют друг друга.

В функциональном подходе большое внимание уделяется анализу исторического перехода семейных функций к другим социальным институтам, при котором происходит редукция экономико-производственной, религиозной, образовательной, рекреационной, воспитательной и других функций, сужение круга функций, осуществляемых самой семьей. У. Огборн сформулировал подобные идеи одним из первых. Позднее они были выражены Э.

Берджессом в иной

46

терминологии как переход от "семьи-института" к "семье-товариществу" (или супружеству-партнерству). При этом предполагается смена семьи, основанной на следовании социокультурным предписаниям, скорее, чем межличностным предпочтениям, семьей, в основе которой лежат именно последние.

Иногда это изменение, крайне неудачно названное сменой "семьи-института" "семьей-группой", понимают таким образом, будто семья вообще перестает быть "институтом", превращаясь в вольную группировку на основе

любви и симпатий, и если исчезает любовь (имеется в виду супружеская), то может исчезнуть семья. По-видимому, эта терминология просто отражает перестройку ведущих мотивов заключения и сохранения брака, она не означает того, что в "семье-институте" якобы не было любви и привязанности супругов, и не значит, будто "семья-товарищество" не должна остаться социальным институтом по выполнению специфических функций. Проблема в том, в какой мере семья с зауженным, редуцированным кругом функций способна эффективнее осуществлять конституирующие саму семью функции рождения, содержания и социализации детей? Сторонники "прогрессивистской парадигмы", разумеется, дадут утвердительный ответ, а "кризисной" — отрицательный, и, следовательно, неизбежно окажутся дискуссионными процедуры установления "научных фактов" относительно выполнения- невыполнения семейных функций. "Прогрессивисты" при этом будут потенциально наделять "семью-институт", "традиционную семью" негативными чертами авторитарности-патриархальности, поддерживаемой обычаями, родством, "жестким" контролем "недемократического" свойства, тогда как "семья-товарищество" окажется воплощенным идеалом "сознательных" и "равных" членов, относящихся друг к другу не как к "средству" удовлетворения собственных потребностей, а как к "самоудовлетворяющей ценности".

Цель социологического изучения функций семьи прошлого и настоящего заключается в выяснении факторов, способствующих гармонии интересов личности, семьи и общества, единственно обеспечивающей эффективную реализацию репродуктивной и социализационной функций семьи. Интересно рассмотреть, как исторически достигалась эта гармония, — поскольку человечеству удавалось вплоть до XX в. избегать депопуляции и массовой деморализации.

Карл Циммерман, как и некоторые другие социологи, считал, что важно изменение взаимосвязи между государством и семьей. В различные исторические эпохи может существовать или равное отношение семья и учреждений власти по поводу ответственности индивида

47

за свои действия, т.е. ответственности индивида перед семьей и тем самым перед обществом, или же преобладание непосредственной личной ответственности перед государством. Последнее обстоятельство связано с возникшим в новое время отношением государства к семье как к объекту управления и манипулирования, а не как к автономной данности, независимой от государства, церкви и других социальных институтов. Именно это восприятие семьи способствует прямому и косвенному вмешательству государства в регламентацию отношений супругов, родителей и детей, родственников, как бы один на один оставляя индивида с персонифицированными и обезличенными орудиями государственной власти. С другой стороны, возможность для личности ориентироваться непосредственно на вне-семейные институты, так сказать, минуя семью, видоизменяет и само семейное поведение индивидов, их внутрисемейные роли.

Таким образом, функциональный подход может сочетаться с эволюционным изучением семьи в качестве института, и это справедливо, так как в целом институциональное изучение семьи и общества представляет собой "чисто научное" изучение, проявление науки "ради науки".

Однако в XIX в. возникает и другое, прикладное, или эмпирическое, изучение семьи, явно перекликающееся с функциональным подходом, акцентирующее внимание на эмоциональной близости членов семьи, на их потребностях и влечениях, что в конечном счете призвано раскрыть опоры сплочения отдельных семей и самого института семьи. Речь идет об изучении семьи как малой первичной группы, имеющей свою особую историю возникновения, функционирования и распада.

Родоначальником этой социологической традиции является Фредерик Ле Пле, находившийся под влиянием идей О. Конта о семьях как "мельчайших обществах", спонтанно устойчивых при смене поколений благодаря склонности к солидарности. Чтобы понять общество, необходимо понять семью — вот формула Ле Пле, считавшего, что внешняя среда определяет экономическую жизнь людей, одновременно диктующую форму семьи, которая в свою очередь влияет на общественные процессы.

1

В качестве эмпирического метода исследования Ле Пле избрал анализ бюджета семьи как количественного выражения многообразия семейной жизнедеятельности, организация которой зависит от структурных изменений семьи, связанных с воспитанием детей. Фактически эти бюджетные обследования семьи опирались на классификацию семей, взятых от их возникновения до распада, т.е. тем самым была предвосхищена концепция жизненного цикла семьи как

3

малой группы. В начале XX столетия бюджетные исследования семьи приобрели много сторонников и в последующем оказали влияние также на изучение внутрисемейного функционирования и микросреды семьи. В целом создавалась прекрасная возможность разработки модели поведения семьи и личности, оперирующая количественными показателями групповой жизни семьи. До сих пор эти методы (значительно усовершенствованные с технической точки зрения) остаются, пожалуй, в ряду тех немногих процедур, которые позволяют количественно фиксировать групповые характеристики семьи в целом, относящиеся к экономическим индикаторам уровня жизни, использования социального времени и т.д.

Значительный след в истории эмпирических социальных исследований в Европе... оставил Фредерик Ле Пле (1806-1882)... Он решил наблюдать жизнь общества как естествоиспытатель, чтобы понять причины возникновения социальных революций. Основным объектом наблюдения Ле Пле выбрал семью как простейшую модель, клеточку всего общества. Именно в семье, по его убеждению, закладываются все особенности общества, семена его устойчивости или нестабильности. "Я поставил себе задачей, — писал он, — самолично изучить в разных европейских странах более трехсот семейств, принадлежащих к самым многочисленным слоям населения. Я посвящал по крайней мере неделю, а иногда и месяц составлению монографий каждой из них, т.е. изучал не только подробности их материальной жизни, но и чувства, страсти и вообще умственную и нравственную жизнь" (Le Play. La reforme sociale en France. Paris, 1864, V. 1. P. 33). В центре каждой монографии семьи стояло описание ее бюджета, анализ которого, по мнению Ле Пле, позволял получить точные данные о структуре и функциях семьи и обеспечивал надежную основу для сравнений и типологий семей. Ле Пле пытался использовать статьи семейного бюджета (личные расходы, расходы на образование и т.д.) как показатели прежде неизмеримых качеств и действий рабочих, и даже более широко, всей общественной организации, в которой они живут. В первую очередь его интересовало, какие траты, привычки или условия труда семьи способствуют или мешают ее возвышению в социальной иерархии... Идеи Ле Пле дали толчок к разработке сложных социально-экономических индек-

49

сов... Рассмотрение типов семей служило средством понимания исторического движения и функционирования общества в целом, а также прогнозирования реформ... В историческом движении общества Ле Пле с грустью замечал направление от патриархального типа семьи к нестабильному.

История буржуазной социологии XIX-начала XX века / Отв. ред. И.С. Кон. М., 1970. С. 132—135.

Комментарий: Следует добавить к этому, что Ле Пле понимал "патриархальную" семью как неделимую единицу, а "нестабильную" (т.е., говоря современным языком, "нуклеарную") — как втянутую в индустриализацию и урбанизацию, т.е. с разрозненным существованием родителей и детей, с ослаблением отцовского авторитета, влекущим дезорганизацию общества.

Другая традиция изучения семьи как социально-психологической группы идет от идей У. Джемса, Ч. Кули, У. Томаса, Ф. Знанецкого, Ж. Пиаже, З. Фрейда и их последователей. Взаимосвязь личности и общества рассматривается здесь на уровне первичных, межличностных отношений. Эмпирические исследования взаимоотношений в семье широко распространяются сначала в США, затем в Европе и концентрируются на взаимодействиях членов семьи в различных социальных и семейных ситуациях, на организации семейной жизни и факторах устойчивости семьи как группы. Это направление исследований противостояло историко-институционалистскому подходу как "строго социологическое". В наибольшей мере его развитию способствовали взгляды Э. Берджесса на семью как "*единство взаимодействующих личностей*". Изучение семьи "под микроскопом" исходит из анализа сил сцепления, сплоченности, устойчивости семейной группы в изменяющихся обстоятельствах. Важно выявить особенности семейной организации, позволяющие видеть, как семьи решают специфические, сугубо семейные проблемы, характерные для первичных, семейно-родственных групп. Межличностные коммуникации и межличностное согласие, близость, единство — вот основные переменные, изучению которых придается большое значение в рамках группового подхода. Э. Берджесс положил начало продольному, *лонгитюдному* исследованию семейных групп, внес временное измерение семейных взаимоотношений, что способствовало систематическому интересу к семейным процессам, к жизненному циклу семьи. В этом пункте сближаются групповой подход с функциональ-

50
ным анализом семьи, что подчеркивает взаимную дополнимость этих двух интеллектуальных традиций в социологии семьи.

Первые социологи, которые стали конкретно работать над вопросами социальной стратификации, в качестве базового элемента выделяли не индивида, а семейную ячейку. Однако с введением техники репрезентативной выборки, основу которой составлял индивид, этот социологический подход был забыт. Можно лишь сожалеть, что таким образом техническая детерминированность предала забвению целое теоретическое направление. В течение последних нескольких лет при разработке вопросов стратификации и социальной мобильности- мы пытаемся восстановить и развить это "семейное" направление. Поэтому, например, мы рассматриваем социальный статус как атрибут семейных групп, а не взятых изолированно индивидов: эти последние имеют профессиональный статус, что не одно и то же ... Вот почему мы стали развивать метод "истории семей" как новый инструмент социального наблюдения.

Берто Д., Берто-Вьям Изабель. Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // Вопросы социологии. Т. 1. № 2. 1992. С. 106.

Вопрос: Можно ли считать, что идея социального статуса как семейного, а не индивидуального атрибута, утверждаемая в вышеприведенном фрагменте, так же как и предлагаемый авторами метод "истории семей", навеяны работами Ле Пле и его учеников?

Нет двух разных социологии семьи — изучение семьи как социального института и как малой группы нельзя противопоставлять как академическое и прикладное направления. Исторически они складывались параллельно, пересекаясь друг с другом, хотя отдельные представители этих традиций иногда увлекались абсолютизацией различий этих подходов и в полемике отказывали в праве называться наукой противоположной стороне. Среди социологов, пытавшихся совместить "микроанализ" и "макроанализ" семьи, надо назвать прежде всего Т. Парсонса и К. Дэвиса. Стабильность семьи зависит одновременно и от внешних, социокультурных влияний, и от внутренних взаимодействий. Такова сущность семьи как социального феномена, и проблема заключается в адекватности применяемых концептуальных схем и терминов. Следует избегать односторонности каждого из двух подходов и эклектического соединения их.

51

Согласно Парсонсу, семья не противостоит обществу, она его подсистема, обеспечивающая стабильность социума в целом благодаря установлению "инструментальных" отношений с другими социальными подсистемами и структурами, а также "экспрессивных" отношений внутри самой семьи благодаря сохранению равновесия в межличностной динамике, сохранению интегративных тенденций¹.

По мнению К. Дэвиса, автора монографии "Человеческое общество" и знаменитой в социологии рождаемости модели "промежуточных переменных", опосредующих рождение детей (вместе с Джудит Блейк)², переход от традиционных форм семьи к современным связан прежде всего с отмиранием социокультурных норм высокой рождаемости и распространением социальных норм низкой рождаемости. Другими словами, истоки семейных изменений следует видеть не в замене "жесткого" внешнего давления; "принуждения" к семейной жизни внутренними силами брачно-семейной сплоченности, а в изменении системы ценностей и социальных норм брака и семьи. Распад ценностной системы, поддерживающей расширенную семью, не означает автоматического появления в нуклеарной семье такой "взаимной привязанности", которая вне всяких внешних влияний способна обеспечить социетальные функции по воспроизводству населения и социализации новых поколений.

Соединение институционального и группового подходов в изучении семьи, таким образом, предполагает наличие адекватных концептуальных средств, способных зафиксировать реализацию специфических функций семьи на макроуровне в зависимости от микровоздействий ее членов, устремленных на достижение индивидуальных потребностей и влечений. Необходима система терминов, описывающих и объясняющих семейные процессы как целостные. К примеру, групповое поведение семьи не сводимо к индивидуальному, но, как правило, обозначается в некоторых социологических теориях с помощью понятий, относящихся к индивидуальному поведению. С другой стороны, социетальный анализ требует иных терминологических связей, нежели понятия, заимствованные из социальной психологии малых групп. Подобная теоретико-методологическая неразработанность порождает эклектическую путаницу, когда "уменьшение" значения семьи как социального института одновременно приравнивается к "повышению" значения семьи как малой группы, значения личностных отношений и роли индивида. Очевидно, что при адекватных теоретических построениях уменьшение роли семьи как института может предполагать и уменьшение межличностной сплоченности семьи.

52

Большой вклад в анализ теоретических схем и концепций исследования семьи внес американский социолог Р. Хилл, поставивший задачу выявления среди них прежде всего тех, в которых содержатся термины, позволяющие одновременно описывать семью и как институт и как группу³. Первая работа Р. Хилла и его коллег А. Катца и Р. Симпсона⁴ обобщила американские исследования с 1920 по 1956 г. и подвела своеобразный итог тому этапу социологии семьи, который условно можно назвать "содержательно-теоретическим": социологи, работающие на макроуровне и микроуровне анализа семьи, стремились не только описать семью как институт и как группу, но и объяснить основные тенденции семейных изменений, факторы семейных процессов — содержательно раскрыть прошлое, настоящее и будущее семьи. Что происходит с семьей, куда ведут наблюдаемые тренды, что ждет ее — вот основные вопросы, требующие расшифровки смысла семейного функционирования.

Вопросы, связанные с исследовательской "кухней", с познавательной работой самого социолога и ее формами, не выносились на передний план, оставались в тени. Однако после появления монографии Х. Зетеберга "Теория и ее проверка в социологии" формально-теоретическое конструирование объяснительных теорий, концепций и гипотез стало крайне модным. Подобная деятельность в области метатеории, создания метаязыка и критики "содержательной" социологии за ее недостаточную саморефлексию, за недостаточное осмысление своих конвенциональных основ не привела к появлению какой-либо общей и даже частной социологической теории семьи. Однако необходимость систематизации и обобщения массы эмпирических выводов и заключений, упорядочения накопленного материала исследований оказалась столь настоятельной, что породила настоящий бум метаработ такого рода. Период "самоосознания" и формализации социологических концепций семьи и брака позволил действительно успешно конструировать теоретические разделы программ фундаментальных и прикладных исследований семьи, что не могло не сказаться на повышении качества социологических данных.

Согласно Р. Хиллу, первые пять подходов к изучению семьи, обладающие конструктами (понятиями), одновременно принадлежащими институциональной и групповой парадигмам, суть следующие:

- 1) институционально-исторический подход (эволюционизм);
- 2) структурно-функциональный подход;
- 3) интеракционистско-рблевой анализ, символический интеракционизм;
- \
- 4) ситуационно-психологический подход;
- 5) дивелопменталистский подход (основанный на развитии жизненного цикла семьи).

53

Остальные подходы не обладают терминологией, инвариантной для макро- и микроанализа семьи (это теории обучения, экономики домохозяйства, психоанализ, антропологический подход и др.). В 80-е гг. к этим перечням стали добавлять теорию систем, обмена, конфликта, феноменологический подход, теорию игр, радикально-критические теории феминизма и т.д.

Многообразие теорий и концепций в социологии, тем не менее, не может скрыть тот простой факт, что весь этот плюрализм научных подходов покоится на двух основополагающих теориях, изначально разрабатывавшихся классической социологией, — на теории социальных структур и теории социальных изменений. Эти теории призваны ответить на вопросы: "как все устроено" и "как все изменяется". Применительно к семье это означает изучение социальной сути семьи по роли и функциям, выполняемым в обществе, изучение динамики семейных структур и их социальных последствий. Первые два подхода из перечня Хилла укладываются в эту проблематику, три последующих сводятся к теории социального поведения личности и групп. В последние годы исследования семьи как социального института в контексте общесоциальных изменений осуществляются не столь интенсивно, как в 50-60-е гг., в пору расцвета функционализма и эволюционизма. Сегодня все популярнее микроисследования семьи, когда внутрисемейные переменные все чаще объясняются теми же внутрисемейными феноменами и процессами. Анализ семьи как малой группы, межличностных взаимодействий заслоняет остальные области социологического изучения семьи. Поэтому не случайно, что именно символический интеракционизм и примыкающие к нему подходы, такие, как этнометодология, теория обмена, драматургический подход и др., оказываются теоретико-методологической основой многих исследований семьи. В свою очередь, засилье интеракционизма с его взаимопроникновением личности и группы, личности и общности, а также личности и общества оставляет без внимания антагонизм между ними, извечное противостояние и конфликт между личностью как частью социума и обществом как целым. Что касается содержательной стороны социологических подходов к объяснению сути семейных изменений в истории, то здесь неустранимо существование двух научных парадигм — "либерально-прогрессивистской", утверждающей возникновение на обломках старой, традиционалистской семьи новых альтернативных семейных структур, и "консервативно-кризисной", предупреждающей о возможности исчезновения семейного образа жизни и необходимости в связи с этим укрепления семейных основ бытия.

Это противостояние не просто двух научных концепций — оно всеобъемлюще, обнаруживается не только в науке, но и в искусстве,

54

общественном мнении, политике, в здравом смысле всего населения и отражает различие двух мировосприятий, жизненных философий. Каждая из этих двух картин мира имеет свои истоки в античности, в письменном наследии человечества и поэтому целесообразно для обозначения этих взглядов на мир, способов мышления и чувствования, мировоззрения воспользоваться термином Т. Куна "*парадигма*"⁵. Разумеется, можно проследить истоки этого удвоения картины мира, кардинального раздвоения взглядов на реальность, начиная, допустим, с Аристотеля и Платона, когда это расхождение трактовок семьи не было итогом чистого философствования, а уже тогда выливалось в полемику о будущем семьи, изменении ее устройства и функционирования.

Согласно У. Гуду, в основе этого раздвоения больше эмоций, чем науки, это, как различие между оптимизмом и пессимизмом, ибо в науке есть только одна теория изменения семьи, эволюционная, утверждающая развитие семьи от промискуитета до моногамии, через групповое супружество, матриархат и патриархат. При этом предполагается, что все семейные системы еще не достигли своего расцвета, им это еще предстоит, но что важнее всего, так это — "восхваление" семьи недавнего прошлого, классической моногамной семьи, "*семьи западной ностальгии*"⁶. Обе парадигмы исходят из стереотипа, из идеализированной семьи времен аграрного домохозяйства, но одни, наблюдая изменения семьи и общества, говорят, что "мы прогрессируем", а другие, что "деградируем". Достоверным же является, по У. Гуду, лишь то, что семейные структуры независимы от технологических и экономических изменений, и проблема заключается в установлении их взаимовлияний. Семейные изменения могут предшествовать, например, индустриализации или способствовать ей⁷.

Относительность социологических знаний вообще и конвенциональность теорий семьи не должны вести к агностицизму, сомнению во всем. Невозможность для социологии и социальных наук в рамках определенного исторического времени находить очевидные для всех доказательства истинности тех или иных выводов делает справедливыми требования этнометодологов об эксплицировании исходных предпосылок, о подробном описании всех шагов социологической процедуры исследования и анализа данных.

Влияние социальной структуры на конструирование социологами теорий социальных явлений следует постоянно иметь в виду, особенно в связи со столкновением политических интересов, борьбой партий и разного рода группировок.

В качестве примера такого влияния политики на разработку социологических теорий и их использования при определении про-

55

грамм социальной политики можно сослаться на воздействие политического движения "за освобождение женщин", феминизма, на социальную науку. По мнению Мэри Осмонд, все науки политизированы, но в наибольшей степени — социология семьи, которая, якобы, культивирует глубоко консервативный подход и служит оправданию status quo в обществе, закрепляет неравенство полов и воспроизводит "мужское господство" в жизни и науке⁸.

Следствием такого рода радикальных взглядов является определенный нигилизм в отношении семьи и семейного образа жизни. Разумеется, в современной социологии имеются крайние точки зрения, преувеличивающие роль семьи не только в консервации сущего, но и в изменении основ социального бытия (например, Пол Томпсон считает, что семья — "главная движущая сила социальных изменений"⁹), но важно здесь подчеркнуть другое: изучение семьи — не кабинетное занятие, острота дискуссий о будущем семьи может сравниться по своему накалу с парламентскими боями.

Социология семьи в России*. Проблемы семьи с момента зарождения социологии в России являются ведущими, хотя выделение социологии семьи в качестве научной дисциплины произошло гораздо позже. В эволюции социологии семьи следует выделить три периода, каждый из которых отличается внутренним своеобразием, различными трансформациями теоретической мысли, объективными противоречиями, спадами и подъемами. Первый период — с середины XIX в. до 1917 г. Второй период — с начала 20-х гг. до середины 50-х гг. Третий период — с середины 50-х гг. до настоящего времени.

Становление социологии семьи как социологической дисциплины произошло не одновременно. Как и за рубежом, первоначально в центре внимания находились вопросы происхождения семьи.

Ученые, внесшие заметный вклад в становление социологии семьи, отличались не только в своих подходах к предмету научных поисков, но также своими идейными и политическими взглядами. Среди них в первую очередь заслуживают упоминания такие философы, писатели и публицисты, как В. Соловьев, А. Фет, К. Бальмонт, А. Белый, В. Розанов, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Л. Толстой, Г. Успенский, Н. Бердяев, П. Флоренский, С. Булгаков, А. Журавковский, В. Ходасевич, А. Карсавин, Б. Вышеславцев, С. Троицкий, И. Ильин, С. Франк.

Раздел главы написан Г.В. Соколовой.

56

Классификацию основных теоретических направлений и идейных течений, повлиявших на отечественную социологию семьи, предстоит еще создать, оценив по-новому научную состоятельность "легального марксизма", "научного социализма", социальных и экономических учений буржуазного либерализма и воскрешая многие имена ученых и общественных деятелей.

В 1880 г. вышла книга известного общественного деятеля Д. Дубакина "Влияние христианства на семейный быт русского общества в период до времени появления 'Домостроя'". Автор обобщил в ней творческий вклад этнографов Шульгина, Добрякова, историков Костомарова, Хлебникова, литераторов Забелина и Чудинова, касающийся разработки проблем социальной и экономической жизни россиян и становления семейного образа жизни. Глубокому анализу подверглись древнерусские летописи, а также такие произведения светской и церковной литературы, как "Слово о полку Игореве", "Слово Даниила Заточника", "Жития Святых", Церковные слова и поучения, Пастырские послания, "Домострой", памятники русского церковного и гражданского права, записки иностранцев о России, памятники устной народной словесности: бытовые песни, былины, пословицы и т.п.

Д. Дубакин рассмотрел многообразие влияния христианства на семейные отношения с учетом вклада греко-римского права. Большое значение имеет анализ форм брачных союзов в языческой Руси, а также различия подходов Ветхого и Нового заветов к браку и формированию семьи. Наконец, были вскрыты истоки возникновения семейного кодекса "Домостроя" (литературного памятника XVI в., впервые изданного в 1849 г.), его влияние на общественное мнение относительно семейного образа жизни в России.

Весомый вклад в разработку проблем социологии семьи внес русский социолог, правовед, историк М.М.

Ковалевский, возглавивший вместе с не менее именитым русским социологом Е.В. Роберти первую в России кафедру социологии. На основе историко-сравнительного метода М.М. Ковалевский создал теорию генетического родства всех социальных явлений и общественных институтов — "генетическую социологию".

В 1895 г. вышла книга М.М. Ковалевского "Очерк происхождения и развития семьи и собственности". Автором был дан глубокий анализ брачно-семейных отношений в древнейшую эпоху человеческого общежития. М.М. Ковалевский подверг сомнению утверждения о беспорядочности общения полов (промискуитет и гетеризм), доказывая, что родство по матери и экзогамия предполагают регуляцию и организацию половых отношений, подчиненные на первобытной стадии сохранению и воспроизводству поколений.

57

Изучая семейное право в прошлом, М.М. Ковалевский пришел к выводу: "Семья не представляет собой союза только тех лиц, которые связаны между собой браком или кровным родством; это община, члены которой живут под одной кровлей. В число их входят не только свободные, но все находящиеся в какой бы то ни было зависимости от главы общины, т.е. рабы и вольноотпущенники. Семью эту можно назвать или определить как совокупность лиц, живущих вместе и признающих власть одного и того же домовладыки"¹⁰.

Большой интерес вызывает его анализ семейной общины у славян. Южные славяне называли такую общину "братством", или "задругой". М.М. Ковалевский подробно описывает структуру общины. Глава-домоправитель, или "домочин", избирается из числа пожилых, хотя иногда делалось исключение и домочином назначался молодой, но женатый человек. Домочин управлял общинным имуществом, заведовал общинной казной, приобретал все необходимое для общины. После домочина почетом и уважением пользовалась "домочица", т.е. домохозяйка. Ею была обычно жена домочина. В некоторых местностях женщины назначали сами домочицу, но их выбор должен был утвердить семейный совет. Права и обязанности домочицы касались внутренней жизни дома. Она вела домашнее хозяйство, распределяла работу между женщинами, смотрела за порядком, улаживала ссоры и давала советы относительно брака девушек. Таким образом, как показал М.М. Ковалевский, функция лидерства распределялась в общине по полу и укрепляла семейную организацию.

Историк славянской семьи и семейной демографии С.М. Шпилевский свидетельствует о том, что семейная община имела право ограничивать власть главы семьи, разрешать или запрещать отцу отчуждение наследственного имущества¹¹.

Отец-муж не был самодержавным повелителем патриархальной семьи, проявления его власти ограничивались сравнительно узким кругом маловажных распоряжений. Вместе с тем право собственности на всех детей обвенчанной с ним (а точнее купленной им) женщины существовало продолжительное время, благодаря тому, что семья видела в этом залог своего внутреннего спокойствия и материального благосостояния.

С середины XIV в., согласно М.М. Ковалевскому, внутренняя жизнь патриархальной общины начинает постепенно трансформироваться в индивидуальную семью. Индивидуализм подрывал и разрушал семейную общину, каждый требовал предоставления ему права самому свободно распоряжаться своими личными приобретениями. Семейные разделы чаще стали происходить при жизни родителя-отца. Появилось такое понятие, как эмансипированный сын.

Пример-

58

ный возраст эмансипации у славянских семей приходился на 25 лет, по достижении этого возраста можно было обзаводиться собственным хозяйством в соответствии с наследственным правом: минората, т.е. преимущественного наследования младшим сыном, или майората, т.е. наследования старшим сыном.

Индивидуальная семья представляла собой союз, заключенный по добровольному соглашению и связанный соблюдением взаимных обязанностей и общих прав, но подчиненный контролю государства и его судов.

М.М. Ковалевский показывает, что русская женщина не более западноевропейской была подчинена своему мужу и имела льготы на владение семейным имуществом. В России существовало два начала имущественного семейного права: 1) полная общность имущественных прав супругов и 2) относительная их общность.

Полная общность имущественных прав заключалась в том, что при заключении брака муж должен был обеспечить целостность приданого своей будущей жены, заложив часть своего собственного имущества. Часть эта называлась вено (плата жениха за невесту). Если муж растрачивал приданое, то после его смерти вдова владела имуществом до тех пор, пока наследники ее мужа не вознаграждали ее за понесенные убытки. И второе: муж заведовал общим имуществом, но распоряжаться не мог без предварительного согласия жены. Сделки совершались от имени обоих супругов. В случае смерти или развода имущество снова становилось раздельным, но не делилось поровну, а возвращалось обратно приданое, состав которого был известен по Рядным записям, совершавшимся при заключении брака. Кроме того, вдова получала седьмую часть всего имущества мужа. Со второй половины XVIII в. закон устанавливает новую систему имущественных прав — полную разделенность, просуществовавшую до 1917 г. Законом также вменялось: мужу — прилично содержать жену, а жене — жить вместе с мужем. Обоюдность привилегий индивидуальной семьи приобретала новый характер равноправного союза.

С ХН-ХП1 столетия конкубинат как форма брака приобретает правовую норму. "Сущность таинства бракосочетания не в обрядах, совершаемых священниками, а в согласии вступающих"¹².

Свод законов XIX в. отступает от реального исторического развития семейного права и требует, чтобы "жена пребывала в неограниченном послушании своему мужу"¹³.

Также несовершенно был и бракоразводный процесс. Прелюбодеяние — главная причина развода — оценивалась неодинаково в отношении к мужу и жене.

59

С XVI в. издаются указы (Судебник царя Алексея Михайловича), по которым родители имеют одинаковые права на детей, т.е. могут одинаково распоряжаться судьбой детей: постричь в монахи, разрешать вступать в брак, вести за собой в холопство или занять видное место при дворе князя или боярина, или одинаково влиять на семейную мобильность своих чад. После смерти отца мать пользовалась всеми правами на ребенка без исключения. Однако безграничная власть родителей начинает контролироваться государством. Уложение царя Алексея Михайловича запрещает принимать жалобы от детей на родителей и рекомендует заключать детей в тюрьму без предварительного дознания.

В 1775 г. Екатерина II учреждает смирительные дома и предоставляет родителям право упрячивать туда своих детей.

М.М. Ковалевский анализирует, как постепенно распадаясь на малые семьи, патриархальная расширенная семья теряет свой принудительный характер. "Семья становится лучшей школой для детей: она одна только обладает незаменимой способностью действовать на подрастающее поколение личным примером и этим путем развивать в нем и ум и нравственное чувство". И далее: "...школа, в которой совершенствуются не только дети, но и взрослые. Только в семье можно приобрести способность к самопожертвованию. Семья — великая школа альтруизма, того альтруизма, который обновит мир..."¹⁴.

Книга М.М. Ковалевского еще не оценена по достоинству, так как находилась в тени работы Ф. Энгельса о происхождении семьи. В ней обобщен этнографический материал, много ценных наблюдений, касающихся социальной, экономической и социально-психологической взаимосвязи личности, семьи и общества у различных народов. Осуществлен анализ типологии семейных структур у славян и германцев. М.М. Ковалевский в этой работе также рассмотрел дискуссионный вопрос о влиянии частной собственности на разложение патриархальной семьи, на смену ее индивидуальной.

Несомненный вклад в становление отечественной социологии семьи внес социолог П.А. Сорокин. Еще будучи студентом первого курса, он начал полевые исследования форм брака и семейной жизни народа коми. Молодой Сорокин посетил несколько сел, совмещая сельскохозяйственный и научный труд. Результатом явилась статья в ежемесячном журнале "Известия Архангельского общества изучения Русского Севера" (№ 1 и 5 за 1911 г.) под названием "К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян". Автор статьи подтвердил на материале эволюционных форм брачно-семейных отно-

60

шений у зырян научно доказанные И.Я. Бахофеном, Дж. Мак-Лен-наном, Л. Морганом, Г. Спенсером, М.М. Ковалевским и др. положения относительно первобытной формы брака и зарождения матриархата.

П.А. Сорокина семья интересовала как основная ячейка и основной индикатор общества, но, подобно многим ученым, его мировоззрение складывалось под влиянием "легального марксизма" и "научного социализма". П.А. Сорокин публикует малоизвестную, но на редкость актуальную и по сей день статью "Кризис современной семьи" в "Ежемесячном журнале для всех" (№ 2 и 3 за 1916 г.). В ней автор дает глубокий анализ кризисных явлений традиционной семьи как социального института и малой группы, излагая ряд причин ослабления союза супругов, союза родителей и детей, а также союза родственников.

Падение капитализма в России в 1917 г. приводит к дальнейшей трансформации семьи, освобождению ее от частнособственнических основ и к изъятию семейных функций государством. Пролетарская диктатура "позаботилась" о правовом "раскрепощении" семьи. Советское государство "выкорчевало" элементы разрешительности при заключении брака, установило свободу развода, уничтожило понятие "внебрачного", "незаконнорожденного" ребенка, предоставило женщине ряд правовых гарантий и провозгласило ее семейное и политическое "равенство" с мужчиной. Диктатура пролетариата осуществила ряд мероприятий, не проводившихся ни одним законодательством, "Родственное чувство стало менее прочной связью, чем партийное, товарищество"¹⁵. Социологии семьи предстоит еще подробно проанализировать первые декреты Советской власти, признававшей единственной законной формой брака — гражданский брак, зарегистрированный в отделе записей гражданского состояния. В общем контексте политических и социально-экономических отношений следует также оценить государственное поощрение фактического брака и многочисленные последствия этого.

Новые пролетарские законы вызвали шквал дискуссий о развитии пролетарской "семейной ячейки". Тон задавала А.М. Коллонтай. Ее книги, статьи, лекции, посвященные "женскому вопросу", пользовались широкой известностью и популярностью, и, как ни грустно это признать, принесли свои плоды. Дети, муж, дом — все это объявлялось пережитком прошлого, в будущем виделись сплошные дома-коммуны, фабрики-кухни, детские комбинаты, ясли и сады — камеры хранения детей.

61

Прочитаем в связи с этим несколько лозунгов и выступлений А.М. Коллонтай: "Трудреспублика мобилизует женщину на производительный труд, с другой стороны, — она организует быт на новых началах, закладывающих фундамент коммунизма..." "Советские столовые, даровые обеды для малолетних вытесняют семейное домоводство". "Кухня, закабалявшая женщину, еще в значительно большей мере, чем материнство, перестает быть необходимым условием существования семьи". "Общежития, дома-коммуны для семейных и особенно для одиноких получают широкое распространение..." "...Сознанием преимущества общежитий особенно проникаются женщины: вся та часть, которой приходится совмещать семью и работу. Для этих трудящихся женщин дом-коммуна — величайшее благодеяние, спасение". "С ростом числа общежитий будет отмирать семейное домоводство, с отмиранием же индивидуального хозяйства, замкнутого в рамках обособленной квартиры, ослабнут скрепы современной буржуазной семьи. Перестав быть потребительской единицей, семья в современном виде не сможет существовать... Она распадется, упразднится"¹⁶. И далее говорилось о женщине, о ее раскрепощении, о ее "спасении" от мужа, "тиранов"-родителей и освобождении от материнства.

В этот период в социологии семьи обозначались и другие направления: исследование условий жизни быта рабочих семей (Е.А. Кабо, В.А. Зайцев), изучение социальных проблем города, народонаселения и миграции (Б.Я. Смуглевич),

бюджетов времени рабочей семьи (А. Лебедев, Д. Годин). В послереволюционный период основными источниками эмпирической информации являлись данные статистики, монографические исследования и в меньшей степени анкетные опросы — интервьюирование. Работы первых советских социологов как теоретического, так и прикладного характера не были свободны от недостатков. Однако их вклад в науку о семье был очень заметным. Социология, пожалуй, как ни одна другая наука, ярко описывала новые условия жизни и быта семей.

Партийно-административная система в приказном порядке упразднила социологию в 30-е гг., заменив ее умозрительной социальной философией. Социология была объявлена буржуазной лженаукой, не только несовместимой с марксизмом, но и враждебной ему. Само слово "социология" оказалось вне закона и было изъято из научного обихода, постепенно ушли в небытие и социологи-профессионалы. Статистика как источник информации претерпела в начале 30-х гг. серьезные изменения — из журналов был изъят раздел моральной статистики. Только в 60-е гг. социология начинает мед-

ленно возвращаться в строй, чему в немалой степени способствовало распространение социологических исследований семьи и рождаемости, активизация также демографических исследований.

Анализ развития социологии семьи в 70-80-е гг. требует особого разговора и не только потому, что в годы застоя тормозилось подлинное исследование социальных явлений, но и в связи с острой поляризацией теоретической мысли, научных школ относительно тенденций и перспектив изменения российской семьи.

Ключевые термины:

институционально-эволюционный подход, институционально-функционалистский подход, "патриархальная теория" семьи, групповой брак, индивидуальный брак, парная семья, индивидуальная семья, моногамная семья, экзогамно-эндогамный род, дуально-родовой брак, половые производственные табу, принцип отставания систем родства от семейных форм, концепция инвариантности семьи, групповой подход, изучение семьи как группы, макроанализ и микроанализ семьи, институциональная и групповая парадигмы, сужение, редукция семейных функций.

Примечания

¹ *Parsons T., Bales R.* Family, Socialization and Interaction process. L. 1956; *Кириллова М.А.* О некоторых проблемах брака и семьи в современной американской социологии // Социальные исследования. Вып. 4. 1970. С. 172.

² *Davis K.* Human Society, 1949; см. также статьи К. Дэвиса в книгах "Социология сегодня". М., 1965 и "Изучение мнений о величине семьи". М., 1971.

³ *Хилл Р.* Современные тенденции в теории семьи // Социальные исследования. Вып. 4. М., 1970, С. 137; *Hill R.* A critique of contemporary marriage and family research // Social Forces. 1955. V. 33. P. 268-277.

⁴ *Hill R., Katz A., Simpson R.* An inventory of research in marriage and family behavior // Marriage and Family Living. 1960. V. 22.

⁵ *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.

⁶ *Good W.* World Revolution and Family Patterns. 1963. P. 6-25.

⁷ *Good W.* Op. cit.

⁸ *Osmond Marie W.* Radical-Critical Theories // Handbook of Marriage and the Family / Ed.M. Sussman. New York, 1987.

⁹ *Томпсон П.* История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии. 1993, № 1-2.

63

¹⁰ *Ковалевский М.М.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1895. С. 95.

¹¹ *Шпилевский С.М.* Семейные власти у древних славян и германцев. Казань, 1869. С. 72.

¹² *Терещенко.* Быт русского народа. СПб., 1848. С. 27.

¹³ *Боровиковский А.Л.* Брак и развод по проекту гражданского уложения. СПб., 1902. С. 18.

¹⁴ *Ковалевский М.М.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1895. С. 118.

¹⁵ *Сорокин Л.А.* Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4. С. 184.

¹⁶ *Коллонтай А.М.* Труд женщины в эволюции хозяйства // Лекции, прочитанные в Университете имени Я.М. Свердлова. М.-Пгд., 1923.

Глава 3

ПОНЯТИЕ СЕМЬИ. ФУНКЦИИ И СТРУКТУРЫ

Семья, под каким бы углом зрения ее ни рассматривали, столь многослойное социальное образование, что неудивительно упоминания о ней почти во всех разделах социологии. Она сочетает в себе свойства социальной организации, социальной структуры, института и малой группы, входит в предмет изучения социологии воспитания и, шире, социализации^ социологии образования, политики и права, труда, культуры и т.д., позволяет лучше понять процессы социального контроля и социальной дезорганизации, социальной мобильности, миграции и демографических изменений. Без обращения к семье немыслимы прикладные исследования во многих сферах производства и истребления, массовых коммуникаций, она легко описывается в терминах социального поведения, принятия решений, конструирования социальных реалий и т.д.

Интерес к семье, помимо собственно содержательного изучения ее многофункциональности, поддерживается познавательным интересом к ее уникальной посреднической роли, в силу ее социокультурной природы как

феномена, пограничного по своей сути, находящегося на пересечении структур при любом конструировании социума и на границе макро- и микроанализа. Семья обладает возможностями, позволяющими осуществлять редукцию социетальных процессов к результатам социального поведения микросреды, и по-

64

зволяет выводить из эмпирически исследуемых фактов тренды глобального характера.

Исходя из этого, определения семьи должны стремиться соединить разнокачественные проявления семейной универсальности и, прежде всего, в дефиниции должны сочетаться, а не противостоять друг другу признаки семьи как социального института и как социальной группы. Прибегая к представлениям об общесемейной деятельности или о семейном поведении, можно получить удовлетворительные дефиниции семьи, объединяющие разнокачественные свойства семьи, брака и родства.

Определение семьи. Существует множество дефиниций семьи, выделяющих в качестве семьеобразующих отношений различные стороны семейной жизнедеятельности, начиная от простейших и крайне расширительных (например, семья — это группа людей, любящих друг друга, или же группа лиц, имеющих общих предков либо проживающих вместе) и кончая обширными перечнями признаков семьи. Среди дефиниций семьи, учитывающих критерии воспроизводства населения и социально-психологической целостности, привлекает определение семьи *"как исторически конкретной системы взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малой группы, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения"*, данное А.Г. Харчевым¹.

Семью создает отношение родители-дети, а брак оказывается легитимным признанием тех отношений между мужчиной и женщиной, тех форм сожителства или сексуального партнерства, которые сопровождаются рождением детей. Для более полного понимания сути семьи следует иметь в виду пространственную локализацию семьи — жилище, дом, собственность — и экономическую основу семьи, — общесемейную деятельность родителей и детей, выходящую за узкие горизонты быта и потребительства.

Они нам всегда говорят о несчастном положении супругов, связанных друг с другом против своей воли.

Они становятся на эвдемонистическую (от греч. eudaimoia — счастье, блаженство. — Авт.) точку зрения, они думают только о двух индивидах и забывают про

65

семью. Они забывают, что почти всякое расторжение брака есть расторжение семьи и что даже с чисто юридической точки зрения положение детей и их имущества не может быть поставлено в зависимость от произвольного усмотрения родителей, от того, что им заблагорассудится. Если бы брак не был основой семьи, то он так же не являлся бы предметом законодательства, как, например, дружба.

Маркс К. Проект закона о разводе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 161-164.

Таким образом, *семья — это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества-родительства-родства*, и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи.

Лишь наличие триединого отношения *супружества-родительства-родства* позволяет говорить о конструировании семьи как таковой в ее строгой форме. Факт одного или двух из названных отношений характеризует фрагментарность семейных групп, бывших прежде собственно семьями (во причине взросления и отделения детей, распада семьи из-за болезни, смерти ее членов, из-за развода и других видов семейной дезорганизации), либо не ставших еще семьями (например, семьи молодоженов, характеризующиеся только супружеством и ввиду отсутствия детей не обладающие родительством (отцовством, материнством) и кровным родством детей и родителей, братьев и сестер).

Наличие таких отношений (т.е. семьи в строгом смысле слова) обнаруживается у подавляющего большинства семей страны. С другой стороны, несемейное население состоит из тех, кто является родителем, но без супружества, либо находится в фактическом или легитимном браке без детей. Для всех этих фрагментарных, "осколочных" форм семьи лучше подходит термин *"семейная группа"*, под которой понимается группа людей, ведущих совместное домохозяйство и объединяемых только родством, либо родительством или супружеством. Обычно "ядром" семьи считают супружескую пару, и все статистические классификации состава семей строятся в зависимости от добавления к "ядру" детей, родственников, родителей супругов(2) С социологической точки зрения, правильнее за основу брать наиболее распространенный в населении тип семьи с триединством назван-

66

ных отношений — основной тип семьи, а те семейные объединения, которые образуются при вычитании одного из трех отношений, лучше именовать семейными группами. Данное уточнение связано с тем, что в последние годы в социологии семьи на Западе и в нашей стране стала заметной склонность сводить суть семьи к любому

из трех отношений, чаще всего — к супружеству, и даже партнерству. Не случайно в американской энциклопедии брака и семьи М. Сасме-на и Сьюзен Стенмец ряд глав посвящен "альтернативным формам" семьи, т.е. тому, что точнее называть семейными группами, хотя фактически эти главы относятся к супружеству, скорее даже к партнерству или сожителству³.

Функции семьи. Говоря о функциях семьи, следует помнить, что речь идет о социетальных результатах жизнедеятельности миллионов семей, которые обнаруживаются на уровне общества, имеют общезначимые последствия и характеризуют роль семьи как социального института среди других институтов общества⁴. Важно подчеркнуть, что это — функции общества, как бы закрепленные за специализированными на их выполнении институтами, и поэтому у каждого из институтов есть функции, определяющие уникальность, профиль данного института, и функции, которые сопровождают действие основных. Нельзя делить функции семьи на главные и второстепенные, все семейные функции — главные, однако необходимость указать среди них на те особые, которые позволяют отличить семью от других институтов, привела к выделению *специфических и неспецифических* функций семьи. Согласно А.Г. Харчеву, специфические функции семьи вытекают из сущности семьи и отражают ее особенности как социального явления, тогда как неспецифические функции — это те, к выполнению которых семья оказалась принужденной или приспособленной в определенных исторических обстоятельствах⁵.

Специфические функции семьи, к которым относятся рождение (*репродуктивная функция*), содержание детей (*экзистенциальная функция*) и воспитание детей (*функция социализации*), остаются при всех изменениях общества, хотя характер связи между семьей и обществом может изменяться в ходе истории. Поскольку человеческое общество всегда нуждается в воспроизводстве населения, постольку всегда остается социальная необходимость в семье как социальной форме организации рождения и социализации детей, причем такой своеобразной форме, когда реализация этих социетальных функций происходит при *личной* мотивированности индивидов к семейному образу жизни — без всякого внешнего принуждения и давления.

67

Наличие личных потребностей в семье и детях, личных желаний и влечений к браку и семье — очень важное обстоятельство, показывающее, что существование семьи и общества возможно только потому, что миллионы людей испытывают потребность в семейном образе жизни и потребность в детях, и лишь благодаря этому происходит воспроизводство населения. Если представить себе, вообразить иные формы социальной организации воспроизводства населения, основанные не на личных мотивах людей, а на принуждении, то эти формы уже не могут считаться семьей в привычном социокультурном смысле, релевантном всем известным из истории типам семьи.

С другой стороны, теоретически возможное появление биотехнологий зачатия и "вынашивания" плода вне материнского организма, "в пробирке" будет означать устранение семьи как исторически сложившейся личностной формы удовлетворения социальной необходимости в воспроизводстве населения.

Сказанное характеризует потенциальную возможность такого изменения общественной жизни, когда социальная необходимость в воспроизводстве населения приходит в противоречие со свободой выбора личностью любых форм социального поведения. Насколько реалистична подобная парадоксальная перспектива, как раз и должна ответить социология семьи, имеющая в своем арсенале помимо теорий "прогрессивного" развития семьи также и теории "кризиса" семьи.

Здесь же речь зашла об этом в связи с относительностью тезиса о том, что семья "всегда" остается со своими специфическими функциями "при всех изменениях общества". В принципе возможно такое (катастрофическое!) изменение социума, при котором социально приемлемыми оказываются насильственные меры принуждения людей к тем видам социального поведения личности, которые противоречат личным влечениям (с моральной точки зрения к катастрофическим и бесчеловечным следует отнести и "пробирочные", конвейерные формы организации воспроизводства населения, которые вполне могут быть реализованы тоталитарным государством во избежание угрозы депопуляции).

Вероятность подобного исхода зависит не от склонности к пессимистической или оптимистической оценке будущего, а от противостояния социальных сил, участвующих в разрешении конфликтов, порождаемых исторически убывающей потребностью семьи в детях и потребностью общества хотя бы в простом воспроизводстве населения.

Будущее семьи как эволюционно возникшего института, снимающего противоречие между личной потребностью супругов в детях

68

и обезличенной потребностью социума в работниках (именно тут корни рассогласования, несовпадения, корни депопуляции), зависит от способности социальной системы сохранить семью вместе с личностной вовлеченностью супругов в реализацию ее специфических функций.

Неспецифические функции семьи, связанные с накоплением и передачей собственности, статуса, организацией производства и потребления, домохозяйства, отдыха и досуга, с заботой о здоровье и благополучии членов семьи, с созданием микроклимата, способствующего снятию напряжений и самосохранению Я каждого и др., — все эти функции отражают исторический характер связи между семьей и обществом, раскрывают исторически преходящую картину того, как именно происходит рождение, содержание и воспитание детей в семье. Поэтому семейные изменения заметнее всего обнаруживаются при сравнении неспецифических функций на разных исторических этапах: в новых условиях они модифицируются, сужаются, либо расширяются, осуществляются полностью или частично и даже исчезают вовсе.

К началу XX столетия социальные институты все более совмещают с семьей и берут на себя функции образования и воспитания (школа и детсады), защиты и охраны (полиция, армия), функции питания, одежды, досуга (сфера обслуживания), функции благосостояния и передачи социального статуса (индустриальный наемный ТРУД) •

Типология семейных структур. Типы семейных структур многообразны и образуются в зависимости от характера супружества, родства и родительства.

Моногамное супружество — это брак одного мужчины с одной женщиной. Моногамия встречается в истории человечества в 5 раз реже, чем *полигамия* — брак одного супруга с несколькими, причем полигамия бывает двух видов: *полигиния* — брак одного мужчины с несколькими женщинами; *полиандрия* — брак одной женщины с несколькими мужчинами (редко встречающийся брак).

Если одновременно при структурировании семейных групп учитываются и система супружества, и система родства, то возникают такие экзотические формы брака (полигамии), как *фратеральная полиандрия* (брак нескольких братьев с одной женой) и *сороральная полигиния* (брак нескольких сестер с одним мужем).

Экзогамные браки относятся к групповым, где супругов выбирают вне данной группы, среди членов другого рода. *Эндогамные браки*

69

закключаются внутри племени, состоящего из двух экзогамных родов. Запрет на половые отношения между членами брачных родов дает полную *агамию*, тогда как временная агамия характеризуется воздержанием от сексуальных отношений на определенное время в определенные периоды, например, на время сезонных работ на основе половых табу⁶. Данная терминология обычно используется при обсуждении вопросов происхождения брака и семьи и помогает отличать групповой брак от индивидуального, агамию от *табу инцеста*, а также используется и при обсуждении проблем контрацептивного поведения⁷.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брак, семья, рождаемость за три века. М., 1977. С. 136.

antonov4 7

70

Типы семейных структур, определяемые по критериям родительства-супружества-родства, многообразны и подчеркивают какие-либо свойства в связи с линиями отца либо матери. В связи с этим в этносоциологии и социологии семьи и родства принято различать социальное отцовство и физиологическое отцовство и соответственно материнство. Отсюда на основе принципов патри- или матрилокали-зации семейных групп прибегают к выделению *патрилинеальных* и *матрилинеальных* семей, где наследование фамилии, имущества, социального положения ведется по отцу либо по матери.

По критерию власти различают *патриархальные* семья, где отец является главой семейного "государства", и *матриархальные* семья, где наивысшим авторитетом и влиянием пользуется мать. Там, где нет четко выраженных семейных глав и где преобладает ситуативное распределение власти между отцом и матерью, имеет смысл говорить об *эгалитарных* семьях.

Однако в зависимости от особенностей распределения власти и влияния в семье и от того, совместно или авторитарно принимаются семейные решения, возможно выделение большего числа семейных структур. Так, американский социолог Моррис Зелдич, помимо вышеназванных трех типов семей, где имеется одна структура влияния и где один супруг принимает решения (эгалитарность понимается как равное влияние супругов с взаимозаменяемыми ролями), выделяет еще так называемую *партнерскую* семью с совместным обсуждением семейных решений, причем если муж имеет большее влияние, то это будет партнерская семья с доминированием мужа, если жена, то с доминированием жены. *Синкратический* тип партнерства будет иметь место в случае с равным влиянием супругов. Кроме того, выделяются еще семьи с более чем одной структурой влияния, причем при совместном обсуждении решений образуется *коллегиальная* семья, а при принятии решений одним из супругов — *автономная* семья (см. схему 3 — 1)⁸.

Далее, по социальному положению супругов или родителей супругов, либо родственников, семьи могут быть *гомогенными*, где супруги примерно из одной социальной страты, и *гетерогенными*, где они происходят из разных социальных групп, каст, классов. Применяется также для более широкой характеристики семей и браков по социальным и демографическим признакам различение *гомогамных* семей, однородных по национальности, возрасту, профессии, образованию и т.д., и *гетерогамных* семей, где наблюдаются различия по социально-демографическим индикаторам.

По пространственно-территориальной локализации семьи бывают *патрилокальные*, в которых молодожены переходят жить в дом отца мужа, и *матрилокальные*, где дочь с мужем остаются жить у родителей.

Схема 3—1

СТРУКТУРА ЛИДЕРСТВА И ВЛИЯНИЯ В НУКЛЕАРНОЙ СЕМЬЕ

Источник: *Zeldich M. Family, Marriage and Kinship //Handbook of Modern Sociology. Chicago. 1964, 1974 (second ed.).*

antonov4 8

72

телей жены. В современных городских семьях чаще всего приходится говорить об *унилокальности* семей, так как наличие жилища определяет локализацию молодоженов (кстати, различают иногда *эванкюлелокальные* семьи, проживающие в доме родных дяди-тети, и также *неолокальные* семьи, имеющие возможность жить отдельно от родителей в независимом от родственников доме).

Самыми распространенными в современных урбанизированных агломерациях являются *нуклеарные* семьи, состоящие из родителей и их детей, т.е. из двух поколений. В нуклеарной семье имеется не более трех нуклеарных позиций (отец-муж, мать-жена, сын-брат или дочь-сестра). *Расширенная* семья представляет собой семью, объединяющую две или более нуклеарных семей с общим домохозяйством и состоящую из трех или более поколений — прародителей, родителей и детей (внуков).

Когда надо подчеркнуть наличие в нуклеарной семье, основанной на полигамном браке, двух и более жен-матерей (полигиния), или мужей-отцов (полиандрия), тогда говорят о *составной* или *сложной нуклеарной* семье.

В *повторных* семьях (основанных на повторном, не первом браке) вместе с супругами могут находиться дети от данного брака и дети кого-либо из супругов, приведенные им и в новую семью.

Рост разводов увеличил долю таких семей, которые в прошлом возникали практически только из-за смерти одного из супругов. В прошлом дети из повторных семей гораздо реже, чем сейчас, могли иметь при одной матери двух отцов (при одном отце двух матерей). Соответственно усложнились отношения родства между детьми, име-

Схема 3—2

СХЕМА ДВУХ НУКЛЕАРНЫХ СЕМЕЙ — ОРИЕНТАЦИОННОЙ И РЕПРОДУКТИВНОЙ

antonov 4 8

73

Схема 3—3

СХЕМА РАСШИРЕННОЙ МОНОГАМНОЙ ПАТРИЛОКАЛЬНОЙ СЕМЬИ

antonov 4 9

Примечание. Пунктирной линией обозначены семейные позиции, выходящие за пределы трех нуклеарных позиций, но не все (дяди—племянники и др.), а лишь "деды—внуки".

ющими только кровных родителей и имеющими кроме них еще приемных мать или отца.

Различные композиции нуклеарных и расширенных семей наглядно представлены на схемах 3—2 и 3—3. Более простая по структуре нуклеарная семья — это та, которая состоит из родителей и их несовершеннолетних детей — *репродуктивная* семья. Если же кто-то из детей обзавелся своей репродуктивной семьей, то по отношению к семье этого взрослого ребенка родительская семья будет выступать в качестве *ориентационной* семьи. (На схеме 3—2 центральное положение "ЭГО" может занять любой из детей в родительской, ориентационной семье, поэтому все нуклеарные позиции обозначаются относительно этого "ЭГО").

На схеме 3—3 расширенной семьи, моногамной и патрилокальной можно видеть и определенные конфигурации не только родства, но и

74

свойства (родственники жены для мужа и родственники мужа для жены — *свойственники*), и многие из этих свойственных отношений получили в культуре свои особые обозначения в силу их социальной значимости (*свекор, теща, сноха* и т.д.).

В связи с тем, что дихотомия "нуклеарная и расширенная семья" является достаточно условной и часто подвергается критике из-за распространенной склонности приписывать нуклеарной семье новые, "хорошие" качества

"современной семьи", а расширенной семье — "старые", "плохие" свойства семьи прошлого, "традиционной семьи", имеются попытки снять, противопоставление этих моделей семьи. Одна из них — типологизация семей, предложенная американским социологом Мэрреем Строссом по двум критериям — степени функциональности семьи (число и важность выполняемых семьей функций), и по способности решать семейные проблемы в зависимости от преимущественно ситуативного или нормативного принятия решений⁹.

Схема 3—4 показывает, что возможна как низкая эффективность функционирования нуклеарных семей в условиях быстрых социальных изменений, так и высокая эффективность "традиционных" семей, могущих успешно содействовать "модернизации" общества.

Схема 3—4

ТИПОЛОГИЯ СЕМЬИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СТЕПЕНИ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ И АДЕКВАТНОСТИ РЕШЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ ПРОБЛЕМ

Antonov 4 9

Полифункциональная семья, использующая весь потенциал расширенной семьи для решения конкретных ситуаций, теоретически
75

является самой эффективной моделью семьи (тип В), тогда как малофункциональная семья (тип С) не способна к адекватному разрешению семейных ситуаций (это бездетные и однодетные семьи, особенно с одним родителем).

Вместе с тем анализ схемы 3—4 убеждает в том, что критерий совместного проживания членов расширенной семьи является наиболее существенным отличием от родственных контактов, присущих изолированным друг от друга нуклеарным семьям. К тому же критерий преимущественной адаптации семьи к новым ситуациям с помощью старых норм и культурных образцов также достаточно условен и оценочен: нет поведения, полностью свободного от нормативного влияния и от рутинных ситуаций. Поэтому разделение на "высокую" и "низкую" способность к решению проблем весьма относительно.

Малодетная, в особенности однодетная семья (тип С), находится под воздействием не "старых", а новых социокультурных норм и фактически действует по общесоциальному стереотипу, не используя даже скудные возможности своих систем родства-свойства (отсюда тип Д оказывается условным, так как в реальности большинство семейных ситуаций — рутинные, а не проблемные, требующие оригинальных решений). Тип В в настоящее время наблюдается в развивающихся странах мира, там, где многодетная семья характеризуется новыми шаблонами поведения, новыми особенностями жизни (этот тип семьи называется "номинальной многодетностью" в отличие от "традиционной" многодетности семьи)¹⁰. В будущем тип В может быть представлен среднедетной семьей.

Каждый человек может быть одновременно членом нескольких нуклеарных семей — как это изображено на схеме 3—5, где "ЭГО" состоит в двух семьях, и где любая из двух нуклеарных семей имеет общего члена.

Однако эти пять семей не образуют расширенной семьи, так как не живут "под одной крышей".

В нуклеарных семьях акцент делается на брачные отношения, на супружество-родительство и родство отца и матери с детьми, детей между собой — это как бы дополнение к нуклеарной основе супружества. Напротив, расширенная семья всея своей структурой обнаруживает, что цементирующей связью является кровное родство родителей и детей, братьев и сестер. Поэтому! иногда нуклеарные семьи именуется *супружескими* (конъюгальными, в терминологии У. Гуда), а расширенные — *кровнородственными*.

76

Схема 3—5

СХЕМА ПЯТИ НУКЛЕАРНЫХ СЕМЕЙ С ТРЕМЯ ОРИЕНТАЦИОННЫМИ И ТРЕМЯ РЕПРОДУКТИВНЫМИ СЕМЬЯМИ

Antonov 4 10

77

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ СТРУКТУР (по Дж. Мэрдоку, 1949)

СТРУКТУРЫ
ЧИСЛО ОБЩЕСТВ,
ГДЕ ПРЕОБЛАДАЕТ ЭТОТ ТИП СТРУКТУРЫ

Форма семьи:

— нуклеарная

47

— расширенная

92

Форма брака:

— моногамия

40

— полигиния

145

— полиандрия

2

Выбор партнера:

— экзогамия

70

— эндогамия

33

Выбор местожительства:

— матрилокальный

24

— патрилокальный

101

— неолокальный

13

Родословная и наследование :

— по женской линии

23

— по мужской линии

61

— по обеим линиям

2

Смелзер Н. Социология. М. 1994. С. 399.

Вопрос: Можно ли сравнить распространенность моногамии и полигамии по вышеприведенным данным? Каким образом можно составить представление о наличии черт патриархальной семьи в изученных Мэрдоком типах обществ? Какие черты и признаки сильнее всего говорят о патриархальности?

Иногда возникает вопрос: чем отличается сложносоставная нуклеарная семья от расширенной семьи? Первая состоит из одной супружеской пары с детьми от данного брака или предыдущего брака и может включать кого-либо из родственников. Сложная нуклеарная семья часто основана на "осколочных" формах семейных групп плюс кто-то из родственников-своственников. В расширенном семейном домохозяйстве современного типа располагаются как минимум две

78

нуклеарные семьи и три поколения. Как правило, это родительская семья с кем-либо из взрослых детей, состоящих в браке.

Под родственными подразумеваются социальные отношения, возникающие в результате применения правил и принципов, определяющих, с кем и когда индивид может вступать в брак и кому принадлежат дети, рождающиеся от этого союза.

Таким образом, по сути дела, они выполняют функцию социального контроля над сексуальностью вообще и рождением детей, их воспитанием и присвоением в частности. Они дают определение индивиду по его рождению на основе кровных связей (филиаций) с некоторыми или всеми его предками. Филиация может устанавливаться по цепочке: отец, отец отца и т.д.; такая система родства называется отцовской (патрилинейной); если же она включает мать, мать матери и т.д., то называется материнской (матрилинейной); система родства, устанавливаемая по отцу отца и матери матери, называется билинейной, а одновременно по отцу и матери отца и отцу и матери матери — нелинейной или когнатической.

Годелье Морис. Секс, родство и власть // Пол, секс, человек. М. 1993. С. 116.

Различение нуклеарных и расширенных семей иногда имеет другие обозначения. В научной литературе встречается выделение *индивидуальных* (нуклеарных) и *линейных* (расширенных) семей, здесь фиксируется внимание на семейной линии, происхождении и преемственности семейных традиций, либо на текущей семей-

ной жизни, автономной от семей родственников. С другой стороны, Питирим Сорокин различал в 20-е гг. индивидуальные и патриархальные семьи, а среди индивидуальных — "огосударственные" (11), или иначе, как можно было бы сказать сейчас, "советские".

Семьи послеразводные, с одним родителем и детьми, называются в отличие от семей с двумя родителями — *неполными* (прежде неполные семьи в основном были семьями вдов, ныне они — главным образом итог развода).

Понятие о родстве неразрывно связано в современных представлениях с понятием о происхождении. Родственниками являются люди, связанные происхождением. Су-
79

ществуют две формы такой связи: первая — это связь между людьми, из которых один произошел от другого, вторая — связь между людьми, которые произошли от одного и того же предка. В первом случае люди просто связаны происхождением, во втором — общностью происхождения... Люди, из которых один рожден другим, связаны одной степенью родства, являются родственниками в первой степени. Внука связывает с дедом уже не одна степень родства, а две, они являются родственниками во второй степени. Правнука связывают с прадедом три степени родства, они являются родственниками в третьей степени... Любое отношение между родственниками, независимо от числа степеней родства, образует линию родства. Линия родства может состоять как из одной степени, так и из многих. В последнем случае она представляет собой цепь степеней родства... Люди, происходящие друг от друга, связаны линией происхождения, или прямой линией родства. Они состоят в родстве по прямой линии или просто в прямом родстве. В отличие от них люди, происшедшие от общего предка, характеризуются как состоящие в родстве по боковой линии, или просто в боковом родстве... Боковая линия родства есть любая линия происхождения, отходящая от общего предка, исключая лишь ту, на которой находится человек, от которого ведется отсчет и которого принято обозначать как "Я". Первой боковой линией называют линии, идущие от моих родителей через моих братьев и сестер. Второй боковой линией называются линии, идущие от родителей моих родителей через братьев и сестер моих родителей и т.д... Родственные отношения представляют собой не просто отношения между индивидами, они всегда проявляются как отношения одного индивида, который выступает в качестве центра системы и не может быть обозначен иначе, чем "Я" (лат. "ЭГО"), ко всем остальным, которые выступают в качестве его родственников и обозначаются им соответствующими терминами родства... Каждый человек для себя есть "Я", а все другие выступают по отношению к нему как его родственники. От того, кто в данном контексте выступает в качестве "ЭГО", зависит характеристика данной линии как прямой или боковой, деление прямой линии на восходящую и нисходящую. От "ЭГО" идет во все стороны отсчет степеней родства... У человека не

80

быть менее двух и более двух родителей. От него отходят две и только две восходящие линии. Что же касается нисходящих линий, то они могут быть, а могут и не быть, причем их число может быть различным. Характер реального родства определяет природу систем родства, терминологию родства.

...Однако следует говорить не просто о системах, а о системах родства и свойства. Свойство есть отношение, существующее между одним из супругов и родственниками другого, а также между родственниками обоих супругов. Каждый родственник одного из супругов для другого супруга и его родственников является свойственником. Для обозначения отношений свойства существуют особые термины (зять, тесть, теща, золовка и т.п.). Вместе с терминами родства, а также терминами, употребляемыми для обозначения супругов (муж, жена), они и образуют то, что Морган называл системой родства и свойства, хотя точнее говорить о системе терминов родства, супружества и свойства. Системы терминов родства, супружества и свойства чаще всего именуются системами родства.

Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М. 1974., С. 16-23.

Очень важно для понимания семейной жизни, для изучения механизма принятия семейных решений знание сетей родства и свойства. Сети кровнородственных связей (кровных, двоюродных, троюродных) и сети свойственных отношений прежде имели большое значение в семейной практике и потому имели специальные словесные обозначения в языке (*шурин, деверь, золовка, сноха* и т.д.).

Сегодня многие из этих семейно-родственных ролей ушли в прошлое и стали неизвестны, как показывают социологические исследования, новым поколениям. Тем не менее следует отметить, что с учетом моногамных и полигамных форм брака возможны 7 типов первичных семейно-родственных отношений (у какого-либо ЭГО будут связи с отцом, матерью, братьями, сестрами, с супругом, сыновьями и дочерьми). В свою очередь, роли отца, матери, супруга (и) имеют каждая еще по 7 семейно-родственных связей, остальные 4 роли — по 3 связи (супруги, сыновья, дочери). Итого получается: $(3 \times 7 + 4 \times 3) = 33$ вторичных отношения и 151 тип третичных родственных уз относительно ЭГО (21 тип вторичных уз дает 99 типов и 12 — 52 семейно-родственных связей). Напомним, что определение числа родственно-семейных связей относительно ЭГО не тождественно построению реального генеалогического дерева конкретной семьи.

81

Биографические истории жизни семей дают материал для генеалогии, тогда как выявление числа связей ориентировано на потенциально возможные связи, на широкий круг родственно-свойственных

ролей.

При этом нуклеарные семьи изменяются по численности, по размеру семьи (средний размер семьи, как правило, одна из обязательных статистических характеристик населения), а также по числу детей, детности. Детность семьи является чрезвычайно важным показателем, интегрирующим многие качественные характеристики и выражающим суть семейного образа жизни.

Слово "генеалогия" происходит от греческих слов "Генеа" — семья и "Логос" — слово. Переводится на русский оно примерно как "слово о семье"... Нет ничего проще и естественнее, чем попросить человека рассказать о его семье. Рассказ фиксируется на магнитофонной пленке и потом данные переносятся на генеалогическую карту или таблицу. Такую карту именуют таблицей-рассказом (ТР), так как в ней зафиксирован рассказ одного человека. По мере того, как количество ТР множится, становится необходимым связать их друг с другом, выделить какой-то единый принцип организации, обычно прибегают к построению линейных генеалогий, т.е. сведению семейном генеалогии к фамильной или клановой, либо родовой... Обычно генеалогия такого типа тянется на пять-шесть поколений... Графически она напоминает ствол без листвы".

Сколько Вам лет?/ Под ред. А.А. Кроника. М., 1993. С. 67, 75, 77.

В социологии и демографии принято разделение семей по детности на три типа: *малодетные семьи* — это те, где "мало" детей с социально-психологической точки зрения (для возникновения первичных групповых отношений среди детей двоих детей недостаточно, двое детей — это лишь пара, двухдетная семья — это семья, состоящая из двух пар — супругов и детей, парные отношения в них нельзя считать строго групповыми, так как первично-групповые отношения образуются, начиная с трех членов группы). С другой стороны, "мало" детей в семье может быть с точки зрения воспроизводства населения — демографической: чтобы предшествующие поколения завещались последующими, необходимо примерно 2,5 детей на семью

82

или четверть двухдетных семей, треть — трехдетных, 14% — бездетных и однодетных и 7% — пятидетных и более¹².

Реальная структура семей по детности в России, где уровень рождаемости упал ниже границы простого воспроизводства населения и достиг 9,7‰ в 1993 г., соответствует 1,4 детей на семью и означает чрезмерное преобладание малодетных семей с 1-2 детьми. Сейчас таковых в России 95%. Семей с 5 и более детьми — *многодетных* (где детей намного больше, чем это нужно для замещения поколений) — меньше 1% и семей с 3-4 детьми — *среднедетных* (где детей достаточно для слегка расширенного воспроизводства) — около 5%¹³.

Таким образом, структура семей по детности резко искажена: многодетных семей в 20 с лишним раз меньше, чем следует, среднедетных — в 10 раз меньше, тогда как однодетных в 5 раз больше, поэтому рождаемость не компенсирует смертности, более того, начиная с 1992 г. уровень смертности 12,6‰ превышает уровень рождаемости, обнаруживая процесс депопуляции, складывающийся из начавшегося в 60-е годы в России распространения малодетности и роста смертности.

По комплектности внутрисемейных ролей нуклеарные семьи могут быть полными, имеющими все 12 возможных ролей (2 роли супружеские: *муж, жена*; роли родительские: *отец, мать*; 4 роли родственно-родительские: *сыновья, дочери, сын, дочь*; 4 семейно-родственные роли: *братья, сестры, брат, сестра*). В основу типологии положено утверждение "*Я имею*" или "*У меня есть*". Очень важно для детей и для родителей наличие дочери-сестры или дочерей-сестер; сына-брата или сыновей-братьев. Во всех случаях здесь не количественное, арифметическое различие, а совершенно очевидное изменение качества взаимоотношений в семье. Особые качества семейных отношений в семьях с братьями и сестрами, только с братьями или сестрами, а также с братом и сестрой, либо с одним сыном или дочерью приводят к образованию 21 разновидности семейных структур, состоящих из супружеской пары и их детей (см. схему 3—6). Полные по комплектности внутрисемейных ролей нуклеарные семьи могут наблюдаться лишь в 2 случаях — среди многодетных семей с 3 сыновьями (дочерьми) и 2 дочерьми (сыновьями) и среди среднедетных семей с 2 сыновьями и 2 дочерьми. Семьи с неполным набором ролей, с 10 ролями наблюдаются у двух разновидностей многодетных семей (когда в семье 1 ребенок одного пола и 4 — другого), у двух аналогичных разновидностей семей с 4 детьми и у семей с 3 детьми.

83

Схема 3—6

КОМПЛЕКТНОСТЬ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ РОЛЕЙ В НУКЛЕАРНЫХ СЕМЬЯХ С ДВУМЯ РОДИТЕЛЯМИ

Примечание:

— чери, братья, сестры, брат, сестра, сын, дочь

— нет ролей дочери-сестры или сыновья-братья

— нет ролей дочь-сестра, дочери-сестры или сын-брат, сыновья-братья

— полный набор ролей: отец, мать, муж, жена, сыновья, до*

antonov 5 3

84

Семьи из 8 ролей наблюдаются в многодетных семьях одного пола (2 вида), соответственно 2 типа таких семей в четырехдетных семьях и 2 — в трехдетных. В малодетных семьях с двумя детьми 8 ролей наблюдаются, когда лишь 2 сына или 2 дочери, либо когда есть 1 сын и 1 дочь. В однодетной семье самая скудная структура ролей — 5, супружеская пара состоит из 2 ролей мужа и жены и фактически не является семьей.

Структура семейных ролей сужается и обедняется при уменьшении размера семьи в связи с сокращением числа детей, причем комплектными по ролям семьями являются лишь многодетные семьи с не менее чем двумя детьми одного пола, и среднететные семьи с двумя сыновьями и двумя дочерьми. Все остальные семьи — некомплектные, неполные по комплектности ролей. Однако из них предпочтительнее семьи с 10 ролями, имеющие разнополых детей, так как хуже "по качеству" семьи с 8 ролями и с детьми одного пола¹⁴.

По структуре межличностных коммуникаций семьи могут характеризоваться различной конфигурацией в соответствии с типологией малых групп с 3; 4; 5 и более членами. Разнокачественность семьи по полу и возрасту, наличие супружеской пары наряду с группой детей заставляет отдельно учитывать взаимодействия между родителями и детьми (схема 3—7). Только начиная с 3-го ребенка в семье существенно усложняются структурные связи, так как дети образуют малую группу внутри семьи.

Однодетная структура характеризуется тремя коммуникациями: одной между супругами и по одной (здесь всего двумя) — между каждым из родителей и ребенком.

Двухдетная структура имеет 6 коммуникаций: четыре между родителями и детьми (по две на каждого родителя) и по одной — внутри родительской и внутри детской пары.

Трехдетная структура имеет 10 коммуникаций: шесть между родителями и детьми (по три на каждого родителя), одна — внутри родительской и три внутри детской группы. При этом, в отличие от числа интеракций, указанных на с. 86, здесь учитываются связи только между индивидами.

Если добавить к этому еще и сходство-различие по полу и возрасту, то усложнение структуры семейных интеракций неизбежно будет сказываться (при прочих равных условиях) на степени сплоченности и устойчивости семейной группы. Известный в социологии первичных групп факт наибольшей эффективности и устойчивости групп, состоящих из 5-7 членов, подтверждается в социологии семьи статистикой разводов: увеличение детности ведет к уменьшению раз-

85

Схема 3-7 МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В СЕМЬЯХ С 1, 2 И 3 ДЕТЬМИ

antonov 5 4

Примечание: пунктиром обозначены интеракции внутри супружеской пары и между детьми.

86

водимости — однодетные структуры распадаются в 2 с половиной раза чаще двухдетных и в 9 с половиной раз чаще трехдетных.

Число взаимодействий в семье, взаимных контактов, или же *интеракций*, можно рассчитать по формуле $K = 2^n - n - 1$,

где n — численность группы, K — число двусторонних интеракций.

При наличии в семье одного индивида число интеракций окажется равным нулю ($2^1 - 1 - 1 = 0$). В паре число интеракций равно 1 ($2^2 - 2 - 1 = 1$). Кстати, это еще одно формальное подтверждение того, что супружеская пара не образует "семьи", а пара детей — собственно групповых взаимоотношений.

Лишь начиная с трех членов группы число контактов увеличивается ($k_3 = 4$), однако в случае однодетной семьи с родительской парой (в которой число интеракций равно 1) усложнение структуры интеракций идет за счет взаимодействий *отец—ребенок*, *мать—ребенок*, *родители—ребенок* (три контакта из четырех).

Далее, в семье из 4 человек число интеракций (k_4) равно 11 (9 контактов между родителями и детьми, по одному контакту внутри супружеской пары и внутри пары детей).

В семье из 5 человек (трехдетная семья) число контактов резко возрастает (до 26) за счет увеличения интеракций *родители—дети*. Число их равняется 21, тогда как в паре родителей это число по-прежнему равно 1, а внутри детской группы — 4 ($k_3 = 4$),

В четырехдетной семье при 6 членах общее число интеракций достигает уже 57, в том числе между родителями и детьми — 45.

Таким образом, в отличие от индивидуальных связей на с. 85, видно, что только родительство, взаимодействия между родителями и детьми делают семью собственно семьей (а вовсе не отношения между супругами, где число интеракций всегда оказывается неизменно скудной единицей).

Огромным становится разнообразие семейных структур, когда ставится задача классифицировать семьи с учетом их изменений во времени — от старта семейной жизни к ее финишу. Введение параметра продолжительности (возраста, стажа) брака и семьи и изменений, происходящих с семьей на протяжении ее жизни, привело к тому, что

постепенно сформировалась концепция "семейного цикла жизни", или "жизненного цикла семьи" (подробно о жизненном цикле семьи речь идет в главе 5).

Возможно, слово *цикл* здесь излишне, поскольку в жизни отдельной семьи никакой цикличности нет. Цикл возникает только в массе семей, в процессе смены поколений, когда одни и те же стадии

87

становления, функционирования и распада семьи как социально-психологической целостности повторяются в разных семьях вновь и вновь. В отдельно же взятой семье, повторим еще раз, наблюдается последовательная смена семейных событий ("*история семьи*") и о цикле и цикличности можно говорить только чисто условно. Но в отличие от динамики взаимоотношений членов семьи, быстрых изменений состояния "семейной атмосферы" термин "*цикл семейной жизни*" удобно применять как характеристику продолжительности существования семейной общности. В узком смысле можно, например, с полным правом говорить о *репродуктивном цикле*, который характеризует повторяемость, цикличность таких событий, как coitus (половые сношения), зачатие и его предупреждение, беременность и ее прерывание (подробно речь о репродуктивном цикле пойдет в главе 9). В англоязычной литературе для характеристики последовательности возрастных стадий и смены возрастных ролей человека на протяжении всей его жизни часто используется понятие "*life course*" ("*курс жизни*"). Часто даже говорят о "*социологии курса жизни*", ведя ее происхождение от классической работы У. Томаса и Ф. Знанецкого "Польский крестьянин в Европе и Америке" (1918-1920). Известны исследования Клаусена, Элдера, Рилли о последствиях изменений календаря главных событий жизни человека и семьи в контексте общественных перемен. Исследования такого рода реализуются или с помощью лонгитюдного анализа жизни отдельных семей или личностей, выяснения их жизненных историй, а также ценностных ориентаций (в том числе и установок на сроки личной жизни) или с помощью анализа жизни целых поколений или любых других когорт (совокупностей индивидов или семей, имеющих некоторое общее для них всех семейное событие, которое произошло у них у всех в одно и то же время, точнее, в одном и том же году).

Исторически сложилось так, что семейные процессы, "развитие семьи" рассматривались параллельно с индивидуальным возрастным развитием, причем подобный изоморфизм индивидуального и семейного циклов иногда считается даже обязательным атрибутом всех работ по изучению "курса жизни". Однако в рамках этой концепции (известной в социологии как дивелопменталистская) высказывались и другие точки зрения.

Высказывается мнение, например, о неплодотворности переноса данных индивидуального уровня на уровень семейный. Более того, редукция семейного цикла жизни к индивидуальному может служить индикатором кризиса семьи как на микро-, так и на макроуровне анализа. Разработка схем семейного цикла и соответствующих семейных структур является самостоятельной задачей социологии семьи.

88

Схема 3—8 ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ СЕМЬИ

antonov 5 5

Семейный цикл определяется стадиями родительства и начинается с предродительства — периода от заключения брака и до рождения первенца. Затем наступает стадия репродуктивного родительства — период между рождениями первого и последнего детей. Эта стадия частично пересекается (а в случае единственного ребенка — полностью исчезает) со стадией социализационного родительства, т.е. периодом от рождения первенца до выделения из семьи (чаще всего через вступление в брак) последнего ребенка. Завершается семейный цикл стадией прародительства — периодом от рождения первого внука до смерти одного из прародителей. Разумеется, сказанное выше относится только к так называемому *полному циклу*. Естественно, этот полный цикл в любой момент может стать неполным из-за выпадения одной из его стадий или прерваться из-за развода или смерти одного из супругов. Стадия репродуктивного родительства включает в себя репродуктивный цикл, который упоминался выше и будет подробно рассматриваться в главе о репродуктивном поведении.

Семейный цикл может выделяться по самым разным основаниям и насчитывать неодинаковое число фаз, учитывающих все возможные события в семье (болезни, разлуки, смерти, разводы и т.д. и т.п.), а не только те, о которых шла речь выше.

89

В зависимости от оснований выделения стадий семейного цикла и его содержания может меняться и семейная структура, могут возникать новые типы семей и основанные на них семейные типологии. Все это, повторим еще раз, является самостоятельной и важнейшей задачей микросоциологии семьи.

Таковы основные типы семейных структур. Разумеется, их число не ограничивается приведенными здесь. В принципе любой мыслимый критерий может стать основой выделения и анализа той или иной семейной структуры. Но те структуры, которые мы подробно анализировали выше, относятся к числу наиболее важных, поскольку именно с ними теснее всего связано выполнение семьей ее основных социальных функций.

С другой стороны, именно в их трансформации наиболее наглядно проявляется кризис семьи, утраты ею места и роли в обществе, а также в жизни отдельных его членов.

Семейные структуры, о которых мы рассказывали в этой главе, их изменения являются, с одной стороны, результатом и выражением нарастания функциональной некомпетентности семьи, а с другой, — факторами и условиями этого нарастания, стимулирующими углубление неблагоприятных явлений в семейной динамике, рост дезорганизации общества.

В последующих главах нашего учебного пособия мы подробно рассмотрим то, как семья в конкретных проявлениях семейного поведения реализует свои основные социальные функции.

Ключевые термины:

семья, семейная структура, семейное поведение, дефиниции семьи, супружество, родительство, родство, свойство, семейная группа, ядро семьи, основной тип семьи, нуклеарная семья, расширенная семья, сложная (составная) нуклеарная семья, функции семьи, специфические и неспецифические функции семьи, моногамия, полигамия, полиандрия, полигиния, эндогамия, экзогамия, инцест, патрилине-альные семьи, матрилинеальные семьи, патриархальные семьи, матриархальные семьи, эгалитарные семьи, партнерские семьи, синкратические семьи, коллегияльные семьи, автономные семьи, гомогенность (гомогамность), гетерогенность (гетерогамность), патрилоальность, матрилокальность, эванкюлокальность, неолокальность, повторные семьи, репродуктивная семья, ориентационная семья, полные семьи, неполные семьи, малодетные семьи, среднететные семьи, многодетные семьи, депопуляция, семейные роли, комплектность семейных ролей, межличностные коммуникации в семье, внутрисемейные интеракции.

90

Примечания

¹ Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979. С. 75.

² Герасимова И.А. Структура семьи. М., 1976; Ружже Л., Елисеева И.И., Кадибур Т.С. Структура и функции семейных групп. М., 1983.

³ *Handbook of Marriage and the Family* / Ed. M.Sussman & S.Ste-inmetz. New York, 1987.

⁴ Монсон П. Современная западная социология. М., 1992. С.38.

⁵ Харчев А.Г. Быт и семья в социалистическом обществе. Л., 1968. С. 16.

⁶ Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974. С. 74.

⁷ *Детность* семьи: вчера, сегодня, завтра. Руководитель авторского коллектива А.И. Антонов. М., 1986. С. 16,

⁸ *Zelditch M. Family, Marriage and Kinship // Handbook of Modern Sociology. Chicago, 1964. P. 700.*

⁹ *Strauss M.A. Family Organization and Problem Solving Ability in Relation to Societal Modernization. 1970.*

¹⁰ Кадыров Ш.Х., Медков В.М. Семья, репродуктивное поведение, демографическая политика // Мы и наши планы. М., 1987.

¹¹ Социологов Вып.1. 1991. С. 468.

¹² *Воспроизводство* населения и демографическая политика в СССР. М., 1987. С. 203.

¹³ *Состав* семьи, доходы и жилищные условия семей рабочих, служащих и колхозников. Госкомстат СССР. М., 1990. С. 176.

¹⁴ См. подробнее об этом: *Молодая семья* // Народонаселение. Вып. 18. М., 1977. С. 23-25; Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. М., 1987, С. 127-129.

Рекомендуемая литература

1. Антонов А.И. Семья: функции, структуры // Основы социологии / Под ред. А.Г. Эфендиева. М., 1993; Он же: статьи Социология семьи, Социология рождаемости // Энциклопедический словарь "Народонаселение". М., 1994.

2. Воугел Э.Ф. Семья и родство // Американская социология. М., 1972.

3. Гуд У. Социология семьи // Социология сегодня. М., 1965.

4. Семья. Книга для чтения в 2-х томах. М., 1990.

5. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1989.

6. Хилл Р. Современные тенденции в теории семьи // Социальные исследования. Вып. 4. М., 1970.

91

Раздел II

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ СЕМЬИ

Социология изучает семью как неотъемлемый атрибут жизнедеятельности общества, как "семейную координату" социальной системы. Усилия социума направлены на поддержание собственного существования в постоянно изменяющихся условиях жизни, в том числе под воздействием человеческой деятельности. Существование социальной системы имеет две стороны: существование социальных взаимосвязей, социальной структуры вместе с носителями социальных статусов, людьми и воспроизведение, воссоздание вновь социальных сетей и структур, а также самих людей как индивидов, численное замещение одних поколений другими, что позволяет заполнять места в иерархической организации в связи с выбытием или физической смертью носителей статусов и ролей. При этом ничего не говорится о воспроизводстве людей как личностей — личность как система социальных, психологических и физиологических качеств уникальна, следовательно, невозпроизводима. Поэтому в социологии и демографии говорят о *воспроизводстве населения* (поколений), а не о "*воспроизводстве*" людей. Если бы сущность личности сводилась к инструментальному олицетворению статуса и функционированию в качестве исполнителя социальных

ролей, то ни о каких социальных изменениях не было бы упоминания, не было бы никакой истории — торжествовало бы повторение пройденного, копирование уже созданного.

Поскольку же смена поколений сопровождается социализацией личности, становлением, "деланием" человеческого Я прежде всего в семье, постольку наблюдаются изменения в поведении, образе жизни, в исполнении старых ролей и изменения, связанные с инновациями самих структур. Таким образом, воспроизводство населения характеризуется рождением индивидов, количественным замещением

92

носителей статусов и ролей. Воспроизводство населения создает демографическую среду общества, тогда как социальные процессы, относящиеся к формированию и функционированию личностей не просто поддерживают существующие структуры и институты, но и изменяют их. Эти изменения социума в свою очередь влияют на демографические процессы, вследствие чего режим воспроизводства населения может оказаться менее или более благоприятным. То же самое относится и к семейным процессам социализации и содержания детей.

Сказанное выше позволяет понять отнюдь не пассивное значение института семьи. Семья не обречена на то, чтобы лишь адаптироваться к изменяющимся историческим условиям, к укладу жизни и социальному порядку. Семья занимает ключевое положение среди социальных институтов по своей экзистенциальной сущности — по поддержанию существования членов семьи и по рождению — социализации детей. Семья является таким эволюционным изобретением человечества, которое гармонично соединяет собственное существование с продлением семейного рода, фамилии и тем самым обеспечивает статусно-ролевыми исполнителями остальные социальные институты, способствуя их выживанию и существованию общества в целом. Посредническое значение семьи обретает еще одно измерение — через существование и преемственность семейных поколений достигается воспроизводство населения в обществе, воспроизводство трудовых ресурсов и носителей социальных ролей. Таким образом, социальная необходимость в семье является условием функционирования всей социальной структуры, самого общества.

Глава 4

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СЕМЬИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

Говоря о движущих силах истории, следует признать, что в числе факторов социальных изменений не могут не быть потребности функционирования института семьи. Многовековое сохранение расширенной, патриархальной и многодетной семьи, основанной на полигамном и моногамном браке, говорит об экзистенциальной важности семейной организации жизнедеятельности и семейной формы хозяйствования, семейной экономики.

Точно так же само сохранение человечества есть итог действия социальной организации, успешный результат социальной системы.

93

Поэтому история не просто демонстрирует адаптацию человека в этом мире, она представляет материал для анализа того, как и за счет чего достигался этот успех, ибо существование человеческого рода не просто изначальный и вечный факт жизни. Существование человечества может быть проблемой — в этом один из уроков XX в., деятельность самого социума таит в себе угрозу. Это может быть угроза ядерного уничтожения и экологического самоубийства, а также социальной дезорганизации из-за нравственной деградации по причине исторического краха семьи.

Исчезновение семейного образа жизни и замена его одиночно-нарциссическим ведет к плюрализму разновидностей социальной патологии. Нет научных данных, подтверждающих догму теории модернизации о том, что *"прогрессивное развитие"* общества автоматически ведет к *"прогрессу личности"* (отменяющему извечный конфликт между личностью и обществом), когда интересы личности оказываются одновременно интересами общества. Красивая иллюзия о росте "самосознания" личности не увеличивает экологическую, политическую, демографическую и любую другую "сознательность", расширяющую на основе свободы выбора зону личных решений, направленных на благо общества. Эмансипация личности от семьи и нуклеаризация самой семьи, разъединение семейных поколений, массовость малодетной семьи и ее несостоятельность в такой социализации потомства, когда оно готово мотивироваться к действиям, отвечающим нуждам общества, потому, что оно прежде, в семье, мотивируется подчинять эгоцентрические интересы семейным, — все это привело в XX в. в промышленно развитых странах к устранению семейного влияния, посредничества семьи в противостоянии личности и общества. Отсюда проистекает взаимная нереспонсивность, невосприимчивость к потребностям друг друга: личность отстраняется от всего общественного как чуждого, как безлично-государственного, а общество проваливается в пропасть тоталитаризма, принуждающего личность к всепоглощающему конформизму.

Дофамилистическая эпоха. Семья и фамилистическая культура возникают исторически, хотя отдельные парные семьи и зачатки фамилизма как системы ценностей, при которой жизнь и благополучие отдельных индивидов зависят от сплоченности и жизнедеятельности первичного микрокруга людей, связанных родственными брачными отношениями, наблюдаются на первоначальных этапах становления человечества. В борьбе за существование человеческие племена создают социальную организацию, ориентированную на выживание рода, на

функционирование родовых структур при смене поколений. Выживание индивидов было следствием адаптации рода к среде и

94

следствием успеха обучения индивида общепринятым формам жизни, усвоения правил, проверенных опытом образцов поведения.

Приобщение потомства к адаптивным нормам жизнедеятельности посредством социализации, а не инстинктов отличает человеческие племена от популяций животных. Проводниками этой социализации оказывались старшие члены рода, а не кровные "родители". В условиях группового брака и разделения рода на экзогамные и эндогамные группы функция родительства распространялась на весь род-племя, на старших представителей рода.

Потребовалась длительная эволюция для выделения и детализации социальных ролей матери и отца, других родственных уз. Важно подчеркнуть, что усилия тратились на противостояние высочайшей смертности индивидов и гибели родов. При этом удалось создать такую социальную организацию, которая органично соединяла в себе социальные нормы, регулирующие сохранение социального строя, порядка жизни, обеспечение существования членов рода и поддержку высокой рождаемости, компенсирующей все людские потери. Удивительно, но основные черты системы социальной регуляции рождаемости, нейтрализующей высокую смертность и обеспечивающей прирост населения, просуществовали тысячелетия, были восприняты как опоры фамилизма и сохранились вплоть до XXI в. Интересно хотя бы кратко рассмотреть, как достигалась концентрация всей социальной жизни на продолжении рода.

Вся общественная организация прошлого была подчинена не только интересам обеспечения безопасности, но и интересам воспроизводства населения. Социальные нормы высокой рождаемости функционировали прежде всего в форме табу на всякое предупреждение и прерывание беременности, т.е. в форме запрета на вмешательство в репродуктивный цикл — физиологическую последовательность наступления беременности и родов после сексуальных отношений (схема 4—1).

Подобные нормы, по нашему мнению, логично называть нормами *многодетности*, так как при их функционировании число живорождений у отдельных женщин находилось в зависимости только от степени плодовитости (т.е. способности к зачатию и вынашиванию), и создавалась иллюзия цельности, соединенности брачно-сексуального поведения с репродуктивным на основе запрета абортов и контрацепции (нарушение табу могло караться смертью и, значит, противоречило потребности в индивидуальном самосохранении).

В ходе развития человеческого общества невозможность непосредственного воздействия на высокую смертность вызвала запрет на непосредственное вмешательство в репродуктивные события, пред-

95

Схема 4—1 СИСТЕМА СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ МНОГОДЕТНОСТИ

antonov 5 9

шествующие родам (хотя средства предупреждения и прерывания беременности были известны издревле).

В процессе исторического развития и усложнения социальной организации запрет на контрацепцию оставался в силе из-за высокой смертности. В связи с запретом на сексуальные отношения в зависимости от сезонного цикла хозяйственных работ (*производственные табу*) из календарного года выпадала значительная часть времени, что делало излишним какое бы то ни было предупреждение и прерывание беременности.

Следует подчеркнуть, что при низкой средней продолжительности жизни (20-25 лет) нормы детности были нацелены на полную реализацию репродуктивного периода в пожизненном браке. Отсюда тенденция к раннему вовлечению в брачные отношения всех достигающих половой зрелости и к продолжению деторождения вплоть до потери плодовитости. Отсюда и "сцепление воедино" (ради единой цели — многодетности) брачно-сексуального, репродуктивного и самосохранительного поведения личности.

96

Семья в доиндустриальную эру. Социальная организация, построенная на фундаменте системы норм многодетности, подтвердила свою эффективность тысячелетиями исторической практики. Менялись времена, конкретным историческим содержанием наполнялись социальные регуляторы поведения людей, в том числе связанного с воспроизводством населения. Семья-род или семья-община, основанные на групповом браке, по мере социальной дифференциации и обособления социальных институтов, прежде всего, государства локализуются в хозяйственные объединения родственников, центром которых становится парный брак, парная семья.

Для возникновения семьи необходимо наличие экономики и собственности, отношений власти и подчинения, укорененных в сложно-иерархизированной социальной структуре. В первобытных обществах существуют производственно-потребительские отношения, но нет экономики как таковой. Только при появлении четкой социальной стратификации, классово-групповой дифференциации в рамках "командно-распределительной" экономики начинает заявлять о себе потенциал парного брака. На ранних стадиях рабовладельческого строя за несколько столетий до новой эры возникает та социокультурная форма жизнедеятельности, которая именуется семьей. Конечно, в связи с недостаточной исследованностью этого вопроса трудно определить момент возникновения семьи, но важно знать, что ее происхождение обусловлено гармоническим сочетанием многообразных функций,

укрепляющих посредническую роль семьи на основе автономного семейного домохозяйства, совместной социальной и производственной деятельности всех членов семьи, когда потребность семейного объединения в исполнителях социально-семейных ролей и в работниках одновременно оказывается потребностью членов семьи друг в друге, потребностью родителей в детях и детей — в родителях.

Обширная семья при рабовладельческом строе включала в себя не только парную семью с домочадцами, но и рабов, имущество, домашних животных. Она мало походила на патриархальную семью феодальной системы, относительно которой известно многое благодаря этнографическим данным.

Если мы обратимся к расширенной семье патриархального типа, то в ней производственно-хозяйственная деятельность сочеталась с воспитательно-профессиональной передачей знаний и навыков подрастающим поколениям, с укреплением моральных ценностей и религиозных традиций. Семья была полифункциональна, но ядром широкого круга выполняемых ею функций оставалось обеспечение воспроизводства населения.

Патриархальная семья была источником

97

благополучия и здоровья, заботы о престарелых и детях, оплотом безопасности и социального контроля и т.д. В пределах имеющейся автономии семьи от прочих общественных институтов семейный образ жизни становился чуть ли не единственной формой бытия личности (производство, обучение, отдых, игры и развлечения — все совершалось в семье). В значительной степени даже физически можно было уцелеть, лишь принадлежа к семейному клану. В этих условиях ориентация личности на семью определялась всем строем жизни, причем ценность семьи, благополучие семейного коллектива обуславливали и индивидуальное благополучие.

Подобная ориентация на семейно-родственный коллектив усиливала мотивы многодетности, так как увеличение численности семьи прямо определяло ее благосостояние и могущество с точки зрения интересов семейного производства. Установки личности на многодетность в этих условиях укреплялись также благодаря авторитарной семейной структуре и обусловленности социального положения личности в общине родительским статусом. Краткий период социализации ребенка, участие детей в домашних делах, в производстве с ранних лет, поощряли потребность в многодетности, поскольку польза от детей явно перекрывала издержки.

Кратко суммируем основные черты семейного образа жизни при феодализме.

Во-первых, "семья" и "экономика" были неразделимыми понятиями, производственные отношения существовали в форме семейных, демографических отношений, семейные проблемы были "продолжением" вопросов собственности и труда. Дети благодаря существовавшим культурным нормам возрастного старшинства рассматривались одновременно и как находящиеся на содержании, и как работника. Взрослые в такой семье также были зависимы от своих детей, нуждаясь в их экономической поддержке в старости, и поэтому уделяли огромное внимание успешной передаче экономических ресурсов семье следующим поколениям. Подобная взаимосвязь, когда благополучие каждого определяется благополучием всей семьи, и есть основа фамилизма — как характеристики образа жизни, основанного на "семьецентризме". Соответственно в такой, ориентированной на семью и домохозяйство системе жизнедеятельности социальные роли мужчин и женщин были строго дифференцированными и взаимно дополняли друг друга.

Во-вторых, доминантой общественной жизни была власть родства. Семьи были не только большими и сложными, объединяя в себе несколько поколений и боковых ветвей, но и связанными многочисленными родственными связями и отношениями свойства с большим числом других семей, с которыми они осуществляли "брачный" обмен.

98

В-третьих, преобладающей была крестьянская семья, чья жизнь, как и жизнь семьи дворянской, была неразрывно связана с землей. Земля была не только всеобщим базисом производства, но и основой, на которой держалась вся жизнь семьи. Определяющим в мотивации поведения семьи было ориентированное на детей использование земли. Семья была способом "обращения капитала", движения земельных ресурсов от поколения к поколению.

В-четвертых, это предопределяло многие другие характеристики семьи и, в частности, то, что она была многодетной (и по социально-нормативной направленности и фактически).

Пятым отличительным свойством патриархальной семьи была мощная власть межпоколенных связей. Возраст был основным агентом социального контроля, при котором старшие поколения, используя свое право распоряжения ресурсами семьи, отстаивали и увеличивали свой статус и власть.

Эти пять фундаментальных признаков — *семейная экономика, власть родственных связей, нераздельная связь с землей, многодетность и приоритет старших поколений* — обеспечивали семье устойчивость среди других социальных институтов.

Семья и индустриализация. Развитие капитализма вело к глубоким переменам образа жизни населения, и не только постоянно растущего городского, но и сельского. Прежняя роль семьи как посредника во взаимосвязи общества и личности, как основной производственной и социальной ячейки общества, способной к поддержанию норм многодетности и развитию многообразных стимулов к рождению большого числа детей, стала приходить в упадок под влиянием индустриализации и промышленного производства, вытягивающего всех членов из лона семейного производства в сферу наемного труда. Переход ряда функций семьи к другим социальным институтам превращает

семью в хозяйственно-потребительскую ячейку, где каждый из ее членов вовлекается в такую деятельность, в которой семейные связи утрачивают свое прежнее значение посредника.

Рождение большого количества детей постепенно теряет свое экономическое значение. Удлинение периода социализации детей и изменение социальной роли ребенка усиливают экономическую зависимость детей от родителей и ослабляют репродуктивную мотивацию, прежде всего экономические и социальные мотивы многодетности.

Спонтанному ослаблению норм многодетности, редуцированию их до ее нижней границы (5 детей) и ниже содействует постепенное уменьшение детской смертности, сближающее число рожденных де-

99
Схема 4—2

РАЗРУШЕНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ МНОГОДЕТНОСТИ

antonov 5 11

тей с числом доживающих до совершеннолетия. Последнее обстоятельство окончательно разрушает запрет на вмешательство в репродуктивный цикл. Улучшение санитарно-гигиенических условий жизни, успехи медицины и здравоохранения укрепляют здоровье личности, удлиняют срок жизни и непосредственно воздействуют на уменьшение смертности. А это означает, что самосохранение населения в условиях контроля над смертностью непосредственно зависит от сокращения смертности и не нуждается в какой-либо подстраховке через высокую рождаемость.

Тем самым многодетность потеряла свою главную опору, а рождение детей, функционально никак не связанное с физическим самосохранением Я, теперь могло сокращаться беспредельно, точнее, до бездетности (схема 4—2). Снятие запрета с применения контрацепции и абортов привело к дальнейшей переоценке ценностей, к углублению диссонанса между

100

всеми элементами в прошлом сбалансированной системы социального поощрения высокой рождаемости. Возможность непосредственного вмешательства в репродуктивный цикл лишает смысла прежние ограничения на добрачные и сексуальные отношения в браке, на процедуру развода и т.д. Улучшение здоровья населения, увеличение физиологических границ репродуктивного периода жизни способствуют развалу старого "механизма" социального контроля над рождаемостью. Однако не создаются какие-либо новые социальные стимулы к рождению нескольких детей, но какое-то время инерционное действие норм многодетности в изменившихся обстоятельствах продолжает обеспечивать высокую рождаемость.

Эволюционный процесс изменения структуры социально-нормативной регуляции детности, связанный с перемещением норм регулирования рождаемости на события репродуктивного цикла и с "расщеплением" ранее созданного единства всех основных видов демографического поведения, не является сам по себе "плохим". Подобное изменение структуры регуляции репродуктивного процесса человека необратимо. Важно понять, что разгадка регуляционного механизма высокой рождаемости, просуществовавшего на протяжении всей истории человечества вплоть до XXI в., таится в прежней "сцепленности" *самосохранительного, брачного, сексуального и репродуктивного поведения*. Различные исторические эпохи в зависимости от особенностей общественно-экономических формаций накладывали свой отпечаток лишь на специфику содержания мотивов многодетности, не затрагивая принципов социального контроля над соединенностью всех типов демографического поведения. Только на тех стадиях социально-экономического развития, где происходит дифференциация социальных институтов и института здравоохранения, и создается возможность целенаправленного снижения смертности, отпадает необходимость запрета на контрацепцию и, следовательно, начинается постепенное разрушение всего здания социальных норм детности.

Однако факторы, вызывающие снижение смертности, ведут к ослаблению той роли, которую выполняла семья по сочетанию интересов личности и общества. Такое ослабление посреднической роли семьи в разных странах мира происходит неравномерно в зависимости от дробления и обособления социальных институтов, и потому снижение рождаемости (в пределах многодетности) может наблюдаться и в докапиталистических формациях. Но именно на стадии крупного капиталистического производства происходит устранение семейного производства как основного вида прежней "семейной экономики", опирающейся на многодетность.

101

В свою очередь это устранение развивает ценностные ориентации членов семьи на личные достижения во внесемейных сферах деятельности, что ведет к перевесу этих ориентации над ценностью укрепления домашнего очага, наличия нескольких детей в семье. Городской образ жизни закрепляет всей массой мелочей повседневности и быта обесценивание семьи и дома, т.е. ослабляет потребности личности и семьи в нескольких детях. И поэтому нет ничего удивительного в массовом распространении малодетности — разрушение системы норм высокой рождаемости не сопровождалось созданием нового типа социальной деятельности — семейной политики, направленной на укрепление семьи с несколькими детьми.

Можно обобщить изменения семьи, происходящие в эпоху индустриализации и урбанизации, но с той оговоркой, что вопреки прогрессистской теории развития исторические достижения в технике и технологии не сопровождались непосредственно соответствующими изменениями семейных структур. Потребности самой семьи как автономной системы активизируют семейную жизнедеятельность, внося изменения в экономику, технологию, нравы, т.е. в образ жизни, социальные отношения. Поэтому некоторые социологи подчеркивают независимое влияние семьи на индустриализацию и доказывают, как, например, У. Гуд, что при любом анализе общественных трансформаций семейные структуры должны учитываться как независимые переменные, ибо смена типов и моделей семьи не может быть предсказана исходя только из экономических и технологических данных.

Если считать специфическими (для существования семьи как таковой) семейными потребностями сохранение преемственности семейных поколений, сохранение единства родительства-супружества-родства, то было бы правильно проследить, как в ходе истории эти потребности (точнее, необходимость их реализации) ищут и находят те формы социального бытия, которые способствуют устойчивости института семьи среди других институтов. Эти неспецифические функции семьи в сильнейшей степени обусловлены конкретными особенностями той или иной эпохи и могут идентифицироваться даже как атрибутивные для существования семьи. В доиндустриальные времена такова роль семейного производства, в индустриальную эру — роль наемного труда членов семьи в крупном производстве. К сожалению, недостаточно изучен вклад исторически сменяющихся друг друга неспецифических функций семьи в укрепление — разрушение единства семейных отношений.

Отсюда столь велика роль стереотипов семьи "прошлой" и "современной" в оценке происходящих изменений. Поэтому в социологи-

102

ческом исследовании важно избегать стереотипных оценок, и наилучшим методом является констатация действительно имевших место фактов о прошлых и текущих изменениях семьи. Однако полезно познакомиться со стереотипом семьи прошлого, "традиционной" семьи, который, как ни странно, принимается подспудно не только "консерваторами", идеализирующими прошлое, но и "либералами-прогрессистами", использующими этот стереотип как отправную точку движения от "домостроевщины" к "демократизму" сегодняшней семьи.

Втянуть женщину в общественно-производительный труд, вырвать ее из "домашнего рабства", освободить ее от подчинения — оупляющего и принуждающего — вечной и исключительной обстановки кухни, детской — вот главная задача.

Ленин В.И. К международному дню работниц // Поли. собр. соч. Т. 40. С. 192-193.

Вопрос: Каковы были масштабы вовлечения советских женщин в государственное производство?

В книге Уильяма Гуда "Модели семьи и индустриальная революция в мире" приводится стереотип американской семьи прошлого, хорошо отражающий представления о классической "традиционной" семье. Кратко перескажем его: "Прекрасна картина жизни на ферме у бабушки-дедушки. Много и счастливых детей, много родственников живут и трудятся вместе в огромном доме. Семья многофункциональная: семейное хозяйство, инвентарь, имущество, экономическая автономия. Отец суров и сдержан, так как последнее слово всегда за ним. Мать эмоциональна и мудра в организации бита. В семье лад, но жизнь трудна. Молодые люди женятся рано, до брака целомудренны, в браке верны. Родители могут отклонять желания молодых в выборе супруга, так как после женитьбы брачная пара получает право наследования фермы. Разводы практически отсутствуют."

Это домашнее хозяйство в большинстве случаев является самым тяжелым трудом, какой осуществляет женщина. Это труд чрезвычайно мелкий, не заключающий в себе ничего, что сколько-нибудь способствовало бы развитию женщины.

Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике // Поли. собр. соч. Т. 39. С. 98-205.

103

Подобные стереотипы везде подвергаются критике — журналисты высмеивают домостроевские принципы, историки "доказывают" и экономическую несамостоятельность семьи, и ее ложную много-поколенность, и фиктивную многодетность. Нет никакого лада и счастья, достаточно заглянуть в такие сочинения, как, например, "Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях" Н.И. Костомарова, чтобы "убедиться", как плохо было крепостничество и для семьи¹. Разумеется, все стереотипы лживы. Но каков тогда стереотип "современной" семьи?

Еще по Судебнику 1550 г. дети за всякую жалобу на родителей наказывались кнутом "нещадно". Это значит, что государство признавало за родителями полную власть и не считало для себя возможным вторгаться в их отношения... Освобождение детей знаменует и падение прав родительской власти. Хотя у нас в Уложении о наказаниях и есть еще статья..., дающая родителям право без всякого суда присуждать детей к тюрьме от 2 до 4 месяцев, но фактически она забыта и для современного морального кодекса звучит довольно дико.

Сорокин П. Кризис современной семьи // Социология, 1916. № 2-3. С. 161.

Воспользуемся вновь книгой У. Гуда, где современная семья именуется "конъюгальной", супружеской, т.е. редуцированной к супружеству как центру семейного единения с ослабленными родством и родительством. Посмотрим, как отражается в стереотипе "конъюгальности" исключение родства и ослабление родительства, т. е., как отражаются влияния нуклеаризации семьи?

Бросается в глаза политизация в стереотипе супружеской семьи именно супружеских отношений. Конечно, здесь несомненно влияние двух факторов, во-первых, идеологии технологического и экономического прогресса, вытекающей из общих радикальных принципов, распространенных в развитых и развивающихся странах, и во-вторых, идеологии протестантизма, составившей в западных странах ядро идеологии антитрадиционализма, демократизации, индивидуализма. Идеология, или система ценностных приоритетов, современной, конъюгальной семьи сформирована этими двумя влияниями и на уровне стереотипа декларирует право выбора супруга по личному желанию, выбор места проживания самой молодой семьей, а не старшими, утверждает ценность индивидуальности по сравнению с собственностью, этнической принадлежностью, полом, возрастом, семейно-фамильной "линеальностью".

104

Настоящей, истинной связи между родителями и детьми не устанавливается, и даже очень часто наблюдается более или менее скрытая враждебность: душа ребенка развивается от противного, отталкиваясь от души своих родителей. Русская интеллигенция бессильна создать свою семейную традицию, она не в состоянии построить свою семью. Жалобы на отсутствие "идейной преемственности" сделались у нас общим местом именно в устах радикальных публицистов... которые... никогда не могли добраться до корня, до семьи, отсутствия семейных традиций, отсутствия у нашей интеллигентной семьи всякой воспитательной силы".

Изгоев А.С, Об интеллигентной молодежи // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 186-187.

Вопрос к читателям: Из этих двух отрывков из П. Сорокина и А. Изгоева выясняется наличие двух полюсов: власть родителей над детьми без вмешательства государства в ее ограничение, с одной стороны, и, с другой, — отказ от власти отцов над детьми, предполагающий вмешательство государства в случае ущемления "прав детей". Учитывая исторический опыт России в XX в., возможно ли реально как-то уравновесить эти противоположные тенденции? Как социологу определить границы, за пределами которых вмешательство в дела семьи разрушает ее саму?

В стереотипе современной семьи сильна тема "демократизации", провозглашения "равенства" полов, т.е. прав и возможностей женщин, подчеркивается право женщин на выбор мужа, на расторжение брака, предпочитается модель любви как основа семейного лада, делается акцент на уникальности личности, уменьшающей неравенство членов семьи по семейному статусу. У. Гуд справедливо отмечает, что в действительности современная семья не существует согласно этим принципам, которые выражают ценностную направленность, идеал, хотя и не разделяемый всеми, но способный частично воплощаться в результатах поведения. Можно привести множество примеров, подтверждающих невозможность или ограниченность реализации этих принципов в жизни, однако задача социолога состоит не в развенчании стереотипов, а в объяснении фактов изменений семьи и в их оценке с точки зрения воздействия на единство семьи и эффективность выполнения семейных функций. Вместе с тем социология семьи не просто регистрирует происходящие изменения, а пы-

105

тается оценить их, прежде всего исходя из вклада в сохранение и успех функционирования института семьи.

Обобщим отличительные черты традиционных и современных моделей семьи в связи с переходом от доиндустриальных обществ к индустриальным.

Во-первых, для "традиционализма", фамилизма характерен родственно-семейный принцип организации жизни, перевес ценности родства над максимизацией выгод индивида и над самой экономической эффективностью, тогда как в "современной семье" родство отделяется от социально-экономической деятельности, уступая первенство экономическим целям индивида.

Во-вторых, аграрное общество имеет своей основной экономической единицей семейное домохозяйство, где, как правило, все взрослые работают дома и не за плату, а на себя. Современная модель семьи связана с разделением дома и работы, появляется наемный труд на крупных предприятиях с индивидуальной оплатой труда независимо от статуса в семейно-родственных сетях. Важно подчеркнуть, что семейное производство не исчезает вообще (хотя такая тенденция наблюдается), а перестает быть ведущим, главным элементом экономики, причем в урбанизированных регионах распространяется потребительский тип семьи, где общесемейная деятельность помимо гигиенических и физиологических процессов дополняется потреблением услуг внесемейных учреждений за счет зарплаты, добываемой членами семьи за порогом дома. Однако в силу социокультурного разделения семейных обязанностей женщины, участвующие в наемном внесемейном труде, продолжают вести домашнее хозяйство. В феминистских теориях подобная двойная занятость женщин интерпретируется как итог "господства мужчин", поэтому часто желательное "равноправное" распределение семейных функций между мужем и женой объявляется

идеалом "демократизации" семьи и в угоду этому идеалу даже сочиняются "оптимальные модели" семейного "равенства".

Однако методология исследования, разработанная для макросоциального уровня, как абсолютная схема переносится на уровень "первичной группы", что приводит к излишней политизации семейной проблематики, поскольку сама установка ученых на "демократизацию" семьи не согласуется с законами функционирования малых групп².

1
Следует помнить о социокультурной данности семейных ролей мужа и жены, отца и матери, "отстающих" от динамики политизируемых межличностных отношений. Важно также учитывать закон

106

первичной избирательности индивидов при формировании семьи и принцип предпочтения, приоритетности "своих" (из своей семьи) "чужим" людям, организациям, институтам. Эти социокультурные нормы внутри семьи сопряжены с неизбежным "неравенством" членов семьи по родству, полу, возрасту, семейному статусу, в связи с чем возникновение семейной целостности, единства семейного МЫ снимает проблему "уравнивания" на основе взаимодополнительности.

Переход от семейного производства к семейно-бытовому самообслуживанию точнее описывает трансформацию мужских и женских ролей в семье, чем смена пресловутого "жесткого" разделения труда между мужем и женой (в "традиционалистской семье") некоей "эгалитарностью" и "взаимозаменяемостью" семейных ролей (в "современной" семье).

В-третьих, незначительная психологическая разделенность между семейным домохозяйством и сельской общиной, этническими и другими социальными общностями при "традиционализме" контрастирует с резким размежеванием дома и внесемейного мира, семейной первичности и обезличенности отношений во внешнем окружении в условиях "модернизации".

В-четвертых, социальная и географическая мобильность, при "традиционализме" связанные с тем, что сыновья наследуют социальный статус и профессиональную специализацию отца, отличается от внесемейной мобильности сыновей и дочерей на стадии индустриализации.

В-пятых, система ценностей фамилизма, в иерархии которой на первых местах такие блага, как долг, семейная ответственность, ценность детей как вкладов в благополучную старость родителей, доминирование авторитета родителей и родственников, по мере "модернизации" становится менее устойчивой и престижной, уступая место ценностям индивидуализма, независимости, личных достижений, т.е. система "семьецентризма" уступает место системе "эгоцентризма".

В-шестых, происходит переход от централизованной расширенной семейно-родственной системы, состоящей из трех поколений, и доминированием старших, к децентрализованным нуклеарным семьям, в которых брачные узы, супружество становятся выше родовых-родительских, причем в самом супружестве интересы пары подчинены интересам индивида (депривация личности от семьи, изоляционизм).

В-седьмых, переход от развода по инициативе мужа (прежде всего в связи с бездетностью брака) к разводу, вызванному межличностной несовместимостью супругов.

107

В-восьмых, переход от "закрытой" к "открытой" системе выбора супруга на основе межличностной избирательности молодыми людьми друг друга, независимо от предписаний родства и традиций обмена приданым и выкупа невесты (хотя и при сохранении имущественных интересов и системы наследования, закрепляемых брачным контрактом).

В-девятых, переход от культуры многодетности с жестким табу на применение контрацепции к индивидуальному вмешательству в репродуктивный цикл, т.е. к предупреждению и прерыванию беременности; этот переход также устраняет необходимость в удлинении репродуктивного периода жизни посредством приближения к физиологическим границам — срокам начала и конца деторождения, посредством ранней и сплошной брачности, традиций пожизненного брака.

Квинтэссенцией и интегральным выражением всех перечисленных выше семейных изменений является, в-десятых, переход от эры стабильной системы норм многодетности семьи на протяжении всей письменной истории к эре непрерывного исчезновения многодетности семьи с исторической сцены. Реальные изменения семейных структур в XX в. на всех континентах позволяют говорить о переходе к эпохе спонтанного уменьшения детности семьи (вплоть до массовой однодетности) разводимости и падения брачности, поскольку нет никаких биологических и стихийных социальных "защитных механизмов", останавливающих эти тенденции на каком-то безопасном для общества уровне.

В XX в. все исторические тенденции, свойственные модернизации общества, сохранили свою направленность, углубились и расширились, и на пороге XXI в. в большинстве промышленно развитых стран в полной мере обнаружили себя последствия исторического отмирания норм многодетности, исчезновения семейного производства как преимущественного, последствия элиминирования семейной экономики, ослабления посреднической роли семьи и ее положения среди социальных институтов и во взаимоотношениях с институтом государства.

Данные статистики и социологических исследований зафиксировали следующие тенденции в изменении структуры конъюгальной семьи:

- массовую нуклеаризацию семьи, уменьшение доли семей, состоящих из трех поколений, увеличение доли престарелых одиночек, получающих уход вне семей их взрослых детей;
- снижение брачности и увеличение доли нерегистрируемых со-жительства и удельного веса незаконнорожденных детей в этих сожи-

108

тельствах, увеличение доли матерей-одиночек (материнство вне брака), рост доли "осколочных" семей с одним родителем и детьми, распространение повторных браков мужчин и в меньшей степени женщин и соответственно семей, где один из родителей не является кровным и воспитывает "чужого" ребенка, увеличение доли семей смешанного типа, где имеются дети от повторного брака, и от первых браков каждого из супругов;

- массовую малодетность и одноплодность семьи, вызванную массовой потребностью семьи в одном-двух детях, а не какими-либо помехами к реализации "большой" потребности в детях.

Большинством ученых в мире эти изменения в осуществлении супружества-родительства-родства рассматриваются как следствие незакончившегося перехода от "традиционной" семьи к "современной", но тем не менее как затянувшегося перехода, связанного с негативными моментами "развития семьи" и потому нуждающегося в ускорении движения к идеалу конъюгальности. Поэтому и выдвигаются предложения о проведении семейной политики, по сути сводимой к семейной терапии разного рода, облегчающей отдельным семьям становление "нового" и изживание "старого".

Голоса тех, кто считает эти изменения проявлением не просто кризиса семьи как института, а кризиса самого общества, немногочисленны. В значительной степени это связано с трудностями гносеологического преодоления опыта личной семейной жизни и неразработанностью вопроса о критериях оценки эффективности семьи как института.

Рассмотрим в связи с этим возможности научной оценки выполнения семейных функций и различения понятий *дезорганизации, краха и кризиса семьи*.

Крах, кризис и дезорганизация семьи связаны с различием в степени невыполнения основных функций. Если под последним понимать прекращение деторождения и (или) неспособность родителей содержать детей, а также выращивание правонарушителей и преступников, то тогда следует говорить о полном крахе семьи как социального института. В случае невыполнения большинством семей основных функций, определяемого по общепринятым критериям в рамках бытующих систем ценностей, имеет смысл проводить различие между дезорганизацией и кризисом семьи как между двумя формами неблагополучия общественного устройства жизни.

Легче всего обстоит дело с оценкой выполнения репродуктивной функции — семья остается единственным социальным институтом, обеспечивающим воспроизводство населения. Посему демографический критерий — рождение не менее 2,1 детей на замужнюю женщи-

109

ну или 2,6 детей на эффективный брак — является надежным показателем того числа детей, которое необходимо обществу (в том числе этническим общностям, народам, нациям) во избежание депопуляции. Известна даже семейная структура по числу детей, достаточная для сохранения достигнутой численности населения в будущем (среднее число детей на женщину 2,15 предполагает наличие 2% семей с 5 и более детьми, 14% семей — с 4 детьми, 35% — с 3 детьми, 35% — с 2 детьми, 10% — с одним ребенком и 4% — бездетных семей³. Но одно дело критерий воспроизводства населения, другое — оценка на его основе эффективности репродуктивной функции семьи. Находятся ученые, отказывающиеся признать правомерность привлечения этого критерия для разработки оптимальной модели семьи.

Что же касается функции социализации, то хотя оценка качества воспитания детей подвержена "субъективным" вкусам, тем не менее можно отыскать "объективный" критерий, например, минимизацию случаев правонарушений и отклоняющегося поведения. При этом важно знать и воздействие характера социализации на качество воспитания — является ли социализация сугубо семейной или сугубо внесемейной. По-видимому, большинство ученых осуждает тоталитарный вариант социализации, предложенный Платоном, — в его республике содержание и воспитание детей с первых дней после рождения осуществляются специальными общественными учреждениями. Обычно обращают внимание на те пороки воспитания при "казарменном социализме", которые обусловлены самой организацией подобных воспитательных заведений и отрывом ребенка от кровных родителей. И в случае отсутствия семьи никто не интересуется мотивами деторождения женщин, не состоящих в браке, и тем, что именно будет побуждать их к рождению детей, которые у них отбираются. При этом не ясно, возможно ли вообще такое добровольное поведение женщин, основанное лишь на "долге" перед обществом, на "сознательности"? Отсутствие интереса к мотивам индивидуального поведения в этом случае не безобидно — за этим может скрываться идея о принуждении женщин к беременности и родам либо идея об особой категории женщин-"рабынь", специализирующихся на "детопроизводстве".

Однако, если исходить из семейной социализации детей, дополняемой воспитательной деятельностью других социальных институтов, то здесь оценка эффективности функции семьи по социализации детей вполне возможна, хотя и затрудняется разнообразием и неоднозначностью бытующих в обществе ценностей.

110

В оптимальной модели семьи должно быть найдено наилучшее соотношение двух качеств социализированности детей — с точки зрения общества (общностей, социальных институтов) и с точки зрения родителей, семьи. Противостояние и противоречивость личности и общества в вопросах социализации и демографического воспроизводства делают гармонизацию этих интересов сложной и острой проблемой, ибо в семейной сфере люди предпочитают стремиться к тому, что им хочется, а не к тому, что является общественно полезным или что не имеет каких-либо отрицательных последствий глобального характера. И если, к примеру, функции семьи реализуются успешно, то это означает, что эгоистически действующие индивиды (т.е. побуждаемые к социальной активности личным интересом, индивидуальной системой потребностей) хотят жить в семье и семьей, что-то ценное находят для себя в этом.

Институт семьи существует не потому, что выполняет жизненно важные для существования общества функции, а потому, что *вступление в брак, рождение, содержание и воспитание детей отвечают каким-то глубоко личным потребностям миллионов людей*. По-видимому, именно ослабление, угасание этих личных мотивов и желаний ярче всего раскрывает кризис семьи как социального института и, в этом смысле, кризис самого общества.

С другой стороны, факты невыполнения основных функций семьи, фиксируемые статистикой и данными социальных, в том числе социологических исследований, могут и не свидетельствовать о кризисе семьи, если процесс семейной дезорганизации не затрагивает ценности семьи, не связан с девальвацией ценности детей и ценности родительства. Например, дезорганизация семьи (понимаемая как разрушение брачных союзов и сиротство детей) может иметь место во время стихийных бедствий, эпидемий и войн. Вынужденное подобными обстоятельствами откладывание реализации потребности в детях, не затрагивающее ценности родительства и детей, также не является признаком кризиса семьи.

Таким образом, ценностный конфликт личности и общества относительно рождения и социализации детей, выливающийся в невыполнение репродуктивной и социализационной функций семьи, сопровождающийся ослаблением семьи как союза родственников (процесс нуклеаризации), союза родителей и детей (процесс конъюгализации и девальвации семьи, детей, родительства), союза супругов (процесс индивидуализации, автономизации Я), ослаблением триединства родства-родительства-супружества из-за исчезновения семейного производства, совместной деятельности родителей и детей

111

(процесс замены семьецентризма эгоцентризмом) и может быть назван *кризисом* семьи.

В отличие от кризиса понятие дезорганизации семьи характеризует негативную направленность семейных изменений в ходе истории или блокирование семейных процессов чрезвычайными обстоятельствами. Крах семьи в качестве термина используется при абсолютном невыполнении специфических функций семьи, характеризующая деградацию общества, порывающего с фамилистическим строем жизни.

В начале XX в. многие социологи констатировали кризис семьи как необходимой формы рождения и воспитания детей, тщательно описывали все составляющие этого процесса "таяния", "рассасывания" семейных функций государством и обществом, но увлеченные идеями социализма (теоретического) видели в этом распаде семьи ростки новой организации общества, опирающейся на "общее", а не семейное благо.

Не избежал этих иллюзий и Питирим Сорокин, который в 1916 г. в прекрасной статье "Кризис современной семьи" (прекрасной из-за ее дескриптивной, а не утопической части) писал: ... "Интересы современной семьи...

сталкиваются с интересами общества и являются тормозом для проявления более высоких альтруистических порывов и поступков. И чем далее, тем это столкновение интересов семьи и общества растет... И нет сомнения, что в этом... единоборстве семьи и общества, интересов первого и второго... организация современной семьи будет разбита: общественные интересы — с одной стороны, и интересы личности (обратная сторона общечеловечности) — с другой, победят и фактически уже побеждают. Расширившийся ...альтруизм... и теперь уже требует... большего простора, чем узкие границы семейного альтруизма"⁴.

В этих словах классически выражены основы того всеобщего до сих пор предубеждения против семьи как тормоза всего "прогрессивного". И неважно, что прежде под общественным благом понималось социалистическое "обобществление человека" и что сейчас (после ужасов национал-социализма и ГУЛАГовского коммунизма) под ним понимается "демократизация", "равноправие", "развитие" индивидуальности и т.п., а важно, что и в начале и в конце века именно в "узком" горизонте семейного эгоизма или альтруизма, либо семейной "патриархальщины" по-прежнему видят помеху и потому радуются всем проявлениям "рассасывания семьи", построенной на "закрепощении" женщин и детей. Эти же статистические проявления одновременно трактуются как становление новой семьи как якобы "сво-

112

бодного союза равных личностей". Чем хуже, тем лучше — в этой апологетике современных изменений семьи, в этой атмосфере антитрадиционалистских настроений тонет возможность постановки проблемы кризиса семьи вообще. Климат партийных пристрастий не способствует позиции наблюдателя происходящего, социологического летописца событий. Тем не менее надо пытаться вновь и вновь исследовать последствия семейной дезорганизации с точки зрения адекватной социализации личности, изучать, как нереспонсивность (невосприимчивость) индивида относительно семьи может оборачиваться нереспонсивностью по отношению к обществу. Стоит критически взглянуть на плоды безостановочной эмансипации от семьи женщин, детей и мужчин — неужели развитие уникальности индивида невозможно при включенности Я в семейные роли? Являются ли факты семейного насилия и злоупотребления родительской властью достаточным основанием для вмешательства государства и ограничения пространства приватной жизни семьи? Действительно ли общежитийским стереотипом семейного кризиса является представление о повальном отказе от вступления в брак и в сожительства, о массовой разводимости и сплошной бездетности? Каковы перспективы распространения в общественном мнении научных представлений о кризисе семьи и ее процветании? Наконец, насколько применимо расширительное толкование слова "семья" к нынешнему плюрализму вне- или антисемейных форм жизни? Вот немногие из вопросов о настоящем и будущем института семьи, ответы на которые невозможны без социологических исследований.

Ключевые термины:

фамилизм, фамилистическая культура, воссоздание социальных связей, воспроизводство поколений, экзистенциальная роль семьи, социальная организация семьи-рода, социальные нормы многодетности, табу на вмешательство в репродуктивный цикл, социальная дифференциация институтов, полифункциональность семьи, индивидуальная направленность на семью, социальные нормы малодетности, детность семьи, противоречивость семейно-репродуктивных интересов личности и общества, семейная структура как независимая переменная, антитрадиционализм, семейное "равенство", "демократизация" семьи, критерии выполнения семейных функций, конъюгализация, семейная экономика, приоритет родственных уз, межпоколенные узы, власть старшинства, сцепленность трех типов индивидуального поведения, респонсивность личности, респонсивность обще-

113

ства, упадок посредничества семьи, перехват функций семьи, снятие запрета на вмешательство в репродуктивный цикл, расщепление типов индивидуального поведения, влияние семейных изменений на социальные, стереотип семьи "прошлого", стереотип "современной" семьи, конъюгальная семья, модернизация, семейная дезорганизация, кризис и крах семьи.

Примечания

- ¹ *Костомаров Н.И.*, Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. С. 200-206.
- ² *Пригожин А.И.* Семья как организационный феномен // Дина-мака изменения положения женщины и семья. М., 1972. С. 100-102.
- ³ *Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР.* М., 1987. С. 203.
- ⁴ *Сорокин П.* Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал для воск. 1916. № 3. С. 171.

Глава 5

СЕМЕЙНОЕ ЕДИНСТВО И ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ СЕМЬИ

Социология семьи, имеющая своим предметом посредничество семьи в конфликте индивидуальных и общественных интересов, рассматривает эти процессы не только на социетально-институциональном уровне, но и на микроуровне индивидуального и семейно-группового поведения. Поэтому социологическое изучение семьи как малой группы не сводится к социально-психологическому исследованию семьи

В этой книге основное внимание уделено семье как институту — тем специфическим функциям по рождению, содержанию и воспитанию детей, которые обеспечивают обществу воспроизводство поколений и их социализацию в конкретных исторических условиях. Точнее

говоря, социетальный анализ сфокусирован на роли семейных структур в продуцировании социальных изменений и на влиянии этих изменений на осуществление институциональных функций семьи. С другой стороны, микросоциологический анализ семьи призван раскрыть, как достигается воспитание социально-компетентных членов общества в миллионах отдельных семей, спаянных не долгом перед обществом, а удовлетворением многообразных индивидуальных потребностей

114

посредством семейного образа жизни. Семья как малая группа обладает определенными благами, достоинствами, которые могут быть привлекательными в глазах людей, в этом смысле и говорится о ценности семейного образа жизни в сравнении с холостяцким. Семья как межличностное объединение существует поэтому за счет внешних обстоятельств (как бы принуждающих жить вместе) не благодаря привычке и инерции, а исключительно из-за внутренних сил сцепления. Состояние внутрисемейных отношений, позволяющее преодолевать конфликты и внешние препятствия к семейному единению, к эффективному выполнению семейных ролей и совместной семейной деятельности, — вот забота микросоциологии семьи.

Различие микро- и макросоциологии семьи можно пояснить следующим примером. Отдельная семья может строить свою жизнь совершенно несхожим с другими образом, но как бы уникально ни вела себя семья как мини-молекула, она тем не менее таит в себе черты, делающие ее сходной с другими молекулами, образующими в целом волны житейского моря. Семья как отдельная частица и семья как часть волны — изолированная молекула и капля, придающая мощь волне. Все сравнения условны, и, разумеется, социология семьи изучает нечто целостное, однако в целях научного упрощения возможно подобное различие семьи как объекта макро- и микроисследования. Следует четко разграничить социологический и психологический подход к изучению семьи. Социальная психология интересуется поведением человека не как организма и не как "робинзона", а как участника взаимодействий с другими людьми. Семья при этом трактуется как арена взаимовлияний, как целостность, складывающаяся из взаимных контактов. Социальная психология семьи рассматривает, как возникает и поддерживается сплоченность, согласованность взаимоотношений индивидов, здесь в центре внимания — личность, стремящаяся утвердить Я-концепцию, получить признание ценности своего Я независимо от критериев внешнего мира, благодаря своей принадлежности к семейному Мы. Социальная психология анализирует семью как группу, первичную группу, состоящую из непосредственно и опосредованно (социально-символически) взаимодействующих личностей на основе многих целей и функций. Но акцент при этом делается скорее на том, как возможно возникновение нового качества из межличностного взаимодействия, как возможен феномен семейной группы, в чем признаки этого группового поведения, не редуцируемого к поведению отдельных членов семьи.

115

Социология семьи сконцентрирована на семье как целостной автономии, на семье как единстве взаимодействующих друг друга социокультурных ролей, на семье как целостности, сохраняющейся с течением времени и при чередовании событий, видоизменяющих семейную структуру. И если социология семьи анализирует индивидуальное поведение, то чаще — как следствие общесемейного, как межличностное проявление социальных статусов и ролей, социально-институциональных отношений. Социальный психолог проводит исследования семьи и разрабатывает теории внутрисемейного поведения, позволяющие осуществлять воздействие на психологический климат семьи и на семейное поведение ее членов. Социолог интересуется субъективным определением семейных ситуаций личностью для уяснения результатов поведения семьи как единой группы, сказывающихся на институциональном уровне семейных изменений. И тот и другой в равной мере должны владеть методами социальной психологии, но их применение диктуется различием исследовательских задач в отношении семьи.

Главным отличием социологии семьи является ее устремленность на выяснение законов становления, функционирования и распада семьи как малой первичной группы. Как бы ни отличались своей уникальностью отдельные семьи в разные эпохи, при различиях в строе жизни и культуре, взятые как первичные группы они характеризуются одними и теми же свойствами своего возникновения и распада на всем протяжении их существования. Специальный интерес микросоциологии семьи и состоит в изучении всего общего, что присуще семьям между датами начала и конца их существования в период той или иной продолжительности брака, нуклеарной семьи и семейной линии ("*фамилии*"), прослеживаемой в ряде поколений.

Законы смены стадий семейного цикла жизни, сокращения длительности цикла нуклеарной семьи — это первый интерес социологии к семье как к малой группе. Второй — межличностные последствия социетальных изменений структуры семьи, прежде всего, в связи с социализацией детей вообще и с приобщением к семейным ролям в частности. Наконец, интерес к индивидуально-психологическим ориентациям, порождающим альтернативные семейные формы образа жизни личности.

Эффект совместной жизнедеятельности в семье. В социологии и социальной психологии известен эффект воздействия группы, группового "климата" на результаты групповых действий и на поведение ее членов.

Причем позитивный климат, сплоченность группы, взаи-

116

мопонимание в группе и степень идентификации личности с ней -все это оказывает мощное благотворное влияние. В таких первичных группах выше производительность труда, меньше текучесть кадров, группы — экипажи самолетов — во время войны меньше подвержены уничтожению, в таких группах солдаты сражаются до последнего патрона (даже если исход войны ясен — к примеру, известна отчаянная храбрость немецких солдат за несколько дней до капитуляции), даже излечение раненых или больных происходит быстрее в спаянных группах.

Семья выделяется среди таких групп — нет ни одного индикатора социальной жизни, где бы члены счастливых семей не обнаруживали свое преимущество перед одиночками-холостяками, на которых распространяется почти вся социальная патология, весь негатив так называемой моральной статистики. В лучшую сторону выделяются показатели семейных в сравнении с несостоящими в браке независимо даже от выяснения степени сплоченности семьи. Однако в новых условиях распространения малодетности семьи эти различия начинают сглаживаться, тем не менее еще сохраняются различия между членами разных семейных структур. Известно,

что разводимость в семьях с несколькими детьми в несколько раз меньше, чем в двухдетных и однодетных семьях, и что, наоборот, в малодетных семьях вероятность заболеваний репродуктивной сферы выше, чем в семьях с тремя и более детьми. То же самое относится и к средней продолжительности жизни, причем если сравнить продолжительность жизни мужчин и женщин без учета семейности, то и тогда большая идентификация женщины с ребенком и с семьей в силу ее функции материнства удлиняет срок жизни женщин в сравнении с мужчинами на несколько лет.

Этот эффект влияния различий в структуре групп на общие и индивидуальные результаты групповой деятельности был назван Р. Зайонком *"социальной фасилитацией"*.

Жизненный цикл семьи. Переходя к рассмотрению динамики семьи как целостной группы, к изучению не просто длительности, стажа существования семей, а к анализу стадий и фаз семейной жизнедеятельности в полном, идеальном варианте (когда семья проходит последовательно все этапы своей эволюции вплоть до "естественного" конца — смерти своих основоположников) и к наиболее распространенным отклонениям от идеального разворота событий, следует уточнить, к каким именно малым группам относится семья.

Создано много классификаций групп, и самая известная среди них — различение первичных и вторичных групп.

Первичная груп-

117

ла, согласно Ч. Кули, характеризуется близкими, лицом к лицу, взаимодействиями, когда о каждом члене группы судят не по стереотипным представлениям, а по уникальным качествам. Первичные отношения означают приоритетность своих членов группы перед всеми остальными людьми, предпочтение своих чужим — повышенное внимание достоинствам и прощение недостатков и слабостей. Вторичные отношения связаны с опосредованными контактами или же с контактами, когда знания об участниках взаимодействия строятся по стереотипу, не на основе общения и взаимопонимания, сопереживания. Принцип первичности, близости особенно ощутим в семье и его реализация всегда сопровождается нарушением принципа равенства в отношениях с людьми вообще. В стенах дома не принято себя вести как на службе. В соответствии с принципом вторичности на работе, напротив, не следует переходить на семейный код отношений. В жизни это различие сохраняется в большинстве случаев и именно социализация детей в семье формирует этот механизм, доводимый до автоматизма у социальнокомпетентных личностей. Однако имеются и нарушения: подчиненным на работе иногда выгодно играть по домашним правилам с руководителями (система блата) или родителям бывает удобно воспитывать детей по справедливости, не выделяя своих и чужих. Следовательно, могут быть семьи, где доля первичных отношений невелика и где изначальная конфликтность принципов первичности — вторичности разрешается не в рамках их гармоничного сочетания, сосуществования. С социологической точки зрения при этом интересно знать, какие особенности социального строя диктуют подобную дисгармонию (например, какие черты тоталитарности способствуют этому).

Группы могут быть *"естественно"* или *"искусственно"* созданными. Семья относится к первым, наряду с соседством, деревенской или микрорайонно-дворовой общиной. Обычно такого рода группы многофункциональны. Они не создаются специально под какую-то одну задачу или цель, как на работе, в школе, в армии, в тюрьме (*"формальные группы"*). Среди искусственных групп выделяют также экспериментальные, созданные для изучения в лаборатории. Иногда различают группы дискретные, кратковременные, созданные по случаю, и группы, непрерывные по длительности. Таким образом, семья есть малая социальная группа "естественного" происхождения с целым рядом индивидуальных и социетальных функций, имеющая свою историю, протяженность во времени, обладающая семейной динамикой, т.е. закономерной сменой различных этапов и состояний.

118

Семейная динамика, с другой стороны, представляет собой смену одних семейных событий другими. Прячем под событиями понимаются не миллионы повседневных семейных ситуаций, а наиболее значимые из них, существенно влияющие на изменение семейной структуры. Самые заметные и важные события — это рождения и смерти членов семьи, присутствие или отсутствие одних или других.

Совокупности семейных событий образуют основные этапы семейного цикла жизни. В учебниках по социологии семьи любят приводить оценки семейных событий по их значимости для личности или семьи, по стрессогенности. И тогда выясняется, что позитивные события (рождение ребенка) могут соседствовать с негативными (болезнью, разлукой).

Иерархия семейных событий, взятая по отдельным стратам социальной структуры, позволяет составить косвенное представление о степени ценности семейного образа жизни. Возможны иерархии и семейных ролей, рассматриваемые в зависимости от социального статуса, пола, возраста и т.д. Например, по опросу нескольких десятков женщин и мужчин выяснилось, что на первых местах у мужчин находятся женские роли жены и матери (далее — отец, сын, дочь), а у женщин — роли матери и дочери (далее сын, отец, муж)¹.

Семейный цикл жизни может строиться по различным критериям, но при их отборе следует учесть, что это именно цикл, т.е. должна быть отражена повторяемость, регулярность семейных событий (точнее говоря: цикличность обнаруживается при смене семейных поколений, но при переходе к нуклеарным семьям с разводами и повторными браками регулярность событий также вполне обнаружима). Стадии семейного цикла должны также отражать

семейную специфику событий (не индивидуальные события, присущие лишь индивидам, и не изолированные от триединства супружества-родительства-родства отдельные события).

Этим требованиям в полной мере отвечают критерии родительства (см. схему 3—8 в главе 3), одновременно выступающие в качестве родственных отношений между родителями (прародителями) и детьми (внуками), сопровождающиеся супружескими отношениями (старта и финиша брака).

По критерию родительства выделяются всего четыре фазы или стадии пред- и прародительства, репродуктивного и социализационного родительства и, как минимум, пять ключевых событий — заключение и распад брака, рождение первенца и последнего ребенка, вступление в брак одного из детей или рождение внука.

119

Понятие жизненного цикла часто используется для описания последовательности событий от рождения до смерти, хотя его более точное значение относится к последовательности стадий родительства на протяжении жизни, начиная от рождения детей через их уход из дома к рождению их собственных детей. На уровне населения цикл повторяется от поколения к поколению. Некоторые люди не имеют детей и соответственно не входят в межпоколенный жизненный цикл. Жизненный цикл в общем плане известен как семейный цикл последовательности стадий родительства, первично определяемых вариациями в величине и структуре семьи.

Elder Y.H. The Life Course // Encyclopedia of Sociology. CIt. In: Murphy M.Y. The Family Life Cycle // Readings in Population Research Methodology. Vol. 4. Chicago, 1993. P. 15-3.

Если выделить стадии семьи в зависимости от событий, связанных с возрастом детей и изменением их жизненной ситуации, а также отделением взрослых детей от родительской семьи, событий и стадий цикла может быть гораздо больше. В любом случае все они сопровождаются указанием стажа брака на тот или иной момент, что позволяет рассчитать общую продолжительность семейного бытия и сроки отдельных стадий. Такая характеристика семейных изменений часто используется в социологической демографии и содержит в себе много информации. Например, по сокращению периода репродуктивного родительства судят о снижении рождаемости и приближении к сплошной однодетности, а по сокращению фазы прародительства — о падении брачности.

От своего возникновения до своего распада семья проходит через ряд стадий, которые являются предметом демографического анализа. Как правило, семья возникает в момент заключения брака. Семья растет с рождением каждого ребенка. От рождения последнего ребенка до того момента, когда первый ребенок покидает дом, величина семьи остается постоянной. В связи со вступлением в брак детей величина семьи постепенно уменьшается до исходной величины (два человека). Со смертью первого, а затем и второго супруга семейный цикл заканчивается.

Glick P. C. The Family Life Cycle // American Sociological Review. 1947. Vol. 12. P. 164.

120

Разработка схем семейного цикла применительно к различным историческим эпохам помогла бы углубить знания о патриархально-многодетной и нуклеарно-малодетной системах семьи.

Именно эта работа Пола Глика (процитированная в предыдущей вставке. — Авт.) считается началом современного использования понятия "жизненный цикл семьи" в демографии и социологии. В своей публикации Пол Глик проанализировал календарь (тайминг) важнейших демографических событий на основе данных переписи населения США. Следует отметить, что идея циклического изменения по возрасту известна давно. Русские социологи-аграрники применяли идею жизненного цикла в изучении крестьянской семьи. К примеру, П.Сорокин выделял четыре стадии: 1 — брачная пара в момент образования; 2 — с маленькими зависимыми детьми; 3 — по крайней мере с одним взрослым ребенком; 4 — стадия отделения всех детей.

Murphy M.Y. The Family Life Cycle // Readings in Population Research Methodology. Vol. 4. Chicago, 1993. P. 15-3.

Комментарий: Интересно сравнить критерии цикла, положенные в основу П. Сорокиным, с поздними отечественными концепциями семейного цикла, например, применяемым в статистике (см. работы А.Г. Волкова, И.А. Герасимовой, В.Л. Ружже с соавторами и др.).

Вопрос к читателям: В случае жизненного цикла многопоколенной расширенной семьи распад нуклеарной семьи не означает краха расширенной. Но что тогда ведет к гибели именно многопоколенной семьи?

По сокращению периода репродуктивного родительства — сейчас в России до 3,6 лет — можно судить о масштабе распространения малодетности семьи. Совпадение этого периода с интервалом между рождением первого и второго ребенка (в 1993 г. — 2,6 года) будет говорить о полном исчезновении семей с 3 и более детьми как социального феномена. Приближение к протогенетическому интервалу (при одновременном увеличении последнего) будет свидетельствовать о массовой однодетности семьи.

В настоящее время отечественными социологами и демографами не разработана статистическая оценка распространенности полного, идеального цикла семьи — неизвестна его средняя про-

должительность и длительность основных стадий. Можно лишь косвенно судить об этом, впрочем, как и о реальном семейном цикле, подвергающемся воздействию разводов, болезней и смертей.

НЕКОТОРЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТАДИЙ РЕПРОДУКТИВНОГО РОДИТЕЛЬСТВА

Индикаторы

1935-1940 1975-1979 1993

Длительность репродуктивного периода от заключения брака до рождения последнего ребенка

20,7 6.7 3.6

Средний возраст матери при рождении первенца

25.9 24.2 23.6

Средний возраст матери при рождении последнего ребенка

44.7 31.4 26.1

Средний протогенетический интервал

1.9 1.3 1.1

Средний интергенетический интервал

5.5 4.2 2.6

Курман М.В. Динамика среднего числа детей в семье в СССР // Подрастающее поколение. М., 1981. С. 16.

Для 1993 г. рассчитано авторами.

При среднем возрасте вступления в брак, равном 23 годам у женщин и 24,5 года — у мужчин, и средней продолжительности жизни женщин 72 года и мужчин — 59 лет, получаем среднюю продолжительность семейного цикла 42 года (состоящие в браке имеют более высокую среднюю продолжительность жизни, поэтому эта величина должна быть больше). Соответственно предрепродуктивный период длится 1,2 года (эту цифру следует скорректировать на долю женщин, вступающих в брак уже беременными или имеющими ребенка).

Репродуктивный период укладывается в 4-6 лет, социализационный без рождения детей — в 12-14 лет до совершеннолетия, период "продолженной" социализации до вступления в брак ребенка — еще в 5-6 лет.

122

Стадия прародительства (появление внуков) начинается в 48-50 лет и длится менее 10 лет у мужчин и около 25 лет у женщин. Таким образом, роль дедушки в России весьма коротка, а с учетом нуклеаризации реально распространяется лишь на пятую часть всех "дедов" (фактически еще меньше, так как нет данных о доле семей, проживающих вместе с отцом мужа или жены).

С учетом разводимости средняя продолжительность брака уменьшается с 42 лет до примерно 26 лет (длительность расторгнутых браков где-то 8-9 лет при среднем возрасте развода у мужчин 33 года и женщин 30 лет). С учетом того, что примерно 40% браков распадается до 5 лет, 30% — от 5 до 10 лет, 20% — от 10 до 20 лет и 10% — со стажем свыше 20 лет можно построить семейный цикл по стадиям разводимости. При учете овдовения, а также частоты и времени заключения повторных браков (приблизительно на 100 разводов приходится 60 повторных браков) можно составить более полную картину жизненных линий семьи.

Построение реального семейного цикла жизни по названным параметрам (а также, возможно, по болезни и смерти детей, по распространенности бесплодных браков и усыновления и т.д.) представляет собой сложную и настоящую задачу.

Анализ жизненных линий семьи позволяет составить картину динамики 40 миллионов российских семей, что имеет большое научное значение и полезно в практическом отношении. Степень редукции семейного цикла к индивидуальному циклу жизни позволяет судить о масштабах кризиса семьи и о направлениях развертывания этого кризиса. Уже сегодня по имеющимся фрагментарным данным можно судить о сокращении брачности (уменьшении реализации потенциала брачности) при относительно низкой, но растущей доле фактических сожительства, особенно после разводов, дальнейший рост которых будет доказывать крах ценности брака вообще, а не только пожизненного брака.

Массовая одноклеточность семьи, свидетельствующая об элиминировании стадии репродуктивного родительства и преобладании "контрацептивно-абортного" родительства, привязывает семейную социализацию к этапам взросления единственного ребенка и сводит ее к монополии наставничества родителей при отсутствии социализации в группе братьев-сестер. Одноклеточная семья, как изначально нацеленная на быстрый развод, будет и далее способствовать такой форме брака, которая максимально облегчает выход из брака, то есть благоприятствует фактическому браку, сожительству. Семейный цикл при сожительстве начинается с рождения первого и последнего ребенка и заканчивается при переключении хотя бы одного

из супругов на другое сожительство при достижении школьного возраста ребенка. Сожительства уменьшают социализационный период кровных родителей при дополнении его "социальным родительство" сожителей. В какой мере для всего этого процесса чередования сексуальных партнеров и "умножения родителей" единственного ребенка применимо понятие "семья", можно судить по скорости девальваций семейного образа жизни, но рано или поздно наступит момент, когда от этого слова с облегчением откажутся как, может быть, от последнего реликта "патриархальщины".

Ключевые термины:

семья как первичная группа, приоритетность членов семьи как "своих", принцип первичности, эффект воздействия группы, эффект совместного действия, эффект присутствия, социальная фасилитация семейное единение и сплочение, жизненная история (линия) семьи жизненный цикл семьи, ход жизни семьи, стадия предродительства стадия репродуктивного родительства, стадия социализационного родительства, стадия прародительства, семейные события, иерархия семейных ролей, иерархия семейных событий, критерии конструирования семейного цикла, длительность семейного цикла, полный семейный цикл.

Примечания

¹ Кроник А., Кроник Е. В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я; М., 1989.

Глава 6

СЕМЕЙНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Социализация — это процесс приобщения к принятым в обществе и его подсистемах ценностям и нормам. В широком смысле слова социализация может длиться всю жизнь. В узком смысле — ограничивается периодом взросления личности до совершеннолетия.

Семейная социализация понимается двояко: как, с одной стороны, подготовка к будущим семейным ролям и, с другой стороны, — как влияние, оказываемое семьей на формирование социально компетентной, зрелой личности.

Семья как социально- психологическая целостность оказывает социализирующее воздействие на личность посредством нормативного и информационного влияния. Чем сплоченнее семья, тем эффектив-

124

нее нормативное воздействие. Сплоченность, о которой здесь идет речь, предполагает ценностное единство, наличие фамилизма, приоритета семьи, подчинения интересов индивида семейным нормам. Однако если эта приоритетность абсолютизируется, происходит формирование конформистского поведения, когда личность ничего не делает без постоянной оглядки на доминирующих членов семьи.

Отсутствие сплоченности, дезорганизация семьи открывают двери для внесемейных влияний.

Нормативные влияния вообще и семейные в частности действуют с помощью норм-образцов, моделей поведения, знание которых позволяет каждый раз не искать заново решений в стандартных ситуациях, а вести себя как бы автоматически, в соответствии с принятыми в данной социокультурной среде и усвоенными личностью шаблонами. Семейные ритуалы в наибольшей степени связаны с нормами-образцами, поскольку степень стандартизованности, повторяемости ситуаций повседневной семейной жизни чрезвычайно высока.

...Процесс возникновения личности выступает как процесс преобразования биологически заданного материала силами социальной действительности, существующей до, вне и совершенно независимо от этого материала.

Иногда этот процесс называют "социализацией личности". На наш взгляд, это название неудачно, потому что уже предполагает, будто личность как-то существует и до ее социализации". На деле же "социализируется не личность, а естественно-природное тело новорожденного, которому еще лишь/ предстоит превратиться в личность в процессе этой "социализации", т.е. личность еще должна возникнуть. И акт ее рождения не совпадает ни по времени, ни по существу с актом рождения человеческого тела, с днем физического появления человека на свет.

Поскольку тело младенца с первых минут включено в совокупность человеческих отношений, потенциально он уже личность. Потенциально, но не актуально.

Личностью — социальной единицей, субъектом, носителем социально-человеческой деятельности — ребенок станет лишь там и тогда, когда сам начнет совершать деятельность. На первых порах с помощью взрослого, а затем и без него.

Ильенков Э.В. Что же такое личность? // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 15.

Вопросы к читателю: Согласны ли Вы с подобной трактовкой "социализации"? Действительно ли орга-

125

низм новорожденного, предоставленный самому себе, так и остается организмом, телом? Когда именно возникает ; "личность"? Можете ли наанать момент ее рождения? Семейная социализация способствует многогранному формированию данности или ускоряет рождение личности?

Напротив, нестандартные ситуации регулируются с помощью норм, принципов, определяющих ценностную направленность действий.

Нормативное воздействие в семье принимается индивидом, чтобы сохранить свой межличностный статус и получить одобрение от других. Это, однако, не означает, что индивид обязательно разделяет принимаемые им мнения.

При информационном воздействии семьи индивид разделяет семейную картину мира, принимает ее как истинную, но не ищет обязательного одобрения со стороны других.

Семьи "традиционные" и "современные" различаются между собой не как носители нормативного иди информационного влияния, по соотношению их участия в социализационном процессе.

Ослабление сплоченности семьи уменьшает как силу ее нормативного воздействия, так и ее надежность и устойчивость как источник информации для индивида.

В схемах 6 — 1 и 6 — 2 представлены проводники (агенты) социализации и исторические изменения моделей социализации детей в связи с изменением типов семьи, а также стереотипы социализированного и недостаточно социализированного ребенка. Особый интерес вызывает попытка рассмотреть следствия прямой и опосредованной депривации (изоляция) ребенка от семьи. В связи с этим следует обратить внимание на тот механизм социализации, который присущ лишь семье и не наблюдается в действии всех прочих агентов социализации.

...для социального поведения характерен особый акт, а именно — обращенность к чужой жизни и чувство себя в другом. Особая жизненная форма, которую мы назвали социальной, возникает, когда эта потребность в самоотречении ради другого становится ведущей жизненной потребностью.

...Социальная направленность в своем высшем проявлении — это любовь.

Шпрангер Э. Основные индивидуальные типы индивидуальности // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 58.

Вопрос к читателям: Из шести типов индивидуальности, выделяемых Э. Шпрангером (экономический, 126

СТРУКТУРА ОБЩЕЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

antonov 7 1

127

Схема 6—2

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ И ТИПЫ ИХ СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ (депривации) В XV-XX вв. В ЕВРОПЕ* (с сокращениями)

antonov 7 2

128

теоретический, познавательный, социальный, политический или религиозный), какой именно полнее всего проявляется в семье?

Речь идет о формировании в семье гибкой переключаемое™ ребенка с кода поведения "среди своих" на код "среди чужих" и обратно.

Чем сплоченнее семья, тем сильнее семейное **Мы**, тем отчетливее признаки и атрибуты того, что *"мы свои"*.

Оппозиция своего и чужого распространяется и на общезначимые ценности. Так, было бы дико, если бы дома, в семье близкие люди вели себя как начальники и подчиненные и т.п. Такая тенденция характерна для учреждений общественного воспитания, для детских домов и приютов, воспитатели которых стремятся к тому, чтобы дети, находясь у себя дома, вели себя как "на людях" по "полным" нормам социального поведения.

Однако общечеловеческая норма "своего" поведения в стенах своего дома отменяет служебную субординацию и требует, чтобы, например, гость, даже если он генерал и вообще начальник, вел себя именно как гость и чтобы хозяева не вытягивались перед ним во фронт, даже будучи в действительности вне домашней жизни его подчиненными.

Как известно, в разного рода неформальных группах и кликах (например, подростковых) эта тенденция "свойскости", временной отмены общезначимого абсолютизируется. Поэтому семья противостоит гипертрофии "чужести", навязываемых детям в приютах, и свирепости "мы свои", обнаруживаемой в шайках и кликах (своеобразным проявлением этого является присущее диким племенам людоедов убеждение, что они никаким людоедством не занимаются: "Мы нас не ели, мы их ели, потому что они — не мы", т.е. не люди).

Именно в семье закладываются основы умения быстро переключаться со "своего" на "чужое" и обратно. Не принадлежность детей к "плохим" или "хорошим" семьям делает их самих "плохими" или "хорошими", а неспособность семьи (благополучной или неблагополучной) привить детям умение отменять там, где надо, общечеловеческое или ущемлять исконно свое. Именно поэтому важно изучать роль социальной структуры в этом процессе, социальные факторы подобного влияния семьи на социализацию личности, характеризующейся гибкостью или ригидностью механизма самоконтроля.

Нуклеарная семья является той изначальной социальной матрицей, внутрь которой уходят корни личности и откуда берутся ее истоки Я. Семья ориентирует ребенка прежде всего на членов семьи

129

Схема 6—3 СХЕМА ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

antonov 7 3

и других родственников и лишь затем — на социальное окружение в общество в целом. Для социолога важно знать, как именно в семье индивид (в момент рождения — еще только предпосылка и предусловие человека) делается личностью.

Недостаточно сказать только о конечном результате, надо раскрыть и механизмы социализации. Это заставляет взглянуть на поэтапное формирование личности с точки зрения вклада семьи в становление механизма, управляющего поведением, т.е. в формировании структуры диспозиционной регуляции индивидуального поведения. Поскольку человек существует в истории и изменяется не за счет анатомических трансформаций или только наследственности, а благодаря изменениям своего поведения и культуры, постольку результаты действий зависят не просто от сочетания внутренних и внешних предпосылок, а от личностного определения возникающих жизненных ситуаций, т.е., говоря другими словами, от их индивидуальной оценки.

Диспозиционная структура и раскрывает поведенческий механизм этого определения ситуаций. Итак, схема поведения личности такова (схема 6—3)¹.

Индивид рождается с генетически заданным набором физиологических потребностей. Но это рождение происходит в разных по социально-экономическим условиям семьях (семейных ситуациях). Поэтому, анализируя процесс социализации, следует выделять типические ситуации в семьях разного типа, различным образом воздействующие на удовлетворение тех или иных потребностей.

Иными словами, надо знать, какие именно семейные ситуации по фазам семейного цикла и каким образом влияют на те или иные конкретные потребности социализируемого ребенка.

В разных теориях социализации подчеркиваются и разные аспекты семейной социализации, что, собственно, и отличает одну теорию от другой.

130

Наше довольство собой в жизни обусловлено всецело тем, к какому делу мы себя предназначим. Оно определяется отношением наших действительных способностей к потенциальным, предполагаемым — дробью, в которой числитель выражает наш действительный успех, а знаменатель — наши притязания:

Успех Самоуважение - Притязания .

При увеличении числителя и уменьшении знаменателя дробь будет возрастать. Отказ от притязаний дает нам такое же желанное облегчение, как и осуществление их на деле, и отказываться от притязания будут всегда в том случае, когда разочарования беспрестанны, а борьбе не предвидится исхода.

Джемс У. Личность // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 67.

Вопрос к читателям: Самоуважение можно повысить минимизацией притязаний и максимизацией достижений... Как определить оптимальную меру между этими двумя тенденциями?

В психоанализе внимание фокусируется на инстинктивных влечениях и на роли бессознательного. Семейные ситуации типологизируются по взаимоотношениям матери — сына, отца — дочери. Среди потребностей выделяется либидо (половое влечение). Изначальная социокультурная конфликтность внутрисемейных ролей родителей и детей обнаруживается, согласно психоанализу, уже в самых ранних детских возрастах. И если она не находит своего разрешения в семье, то активизирует влечения взрослого всю его оставшуюся жизнь (детерминированность взрослой жизни опытом детства, семейной социализацией в детстве, завершением воспитания в дошкольный период) . Психоанализ интересен структурированием личности как взаимодействия противоречащих друг другу "Сверх-Я" ("Super Ego"> и Оно ("Id"), достигающих уравнивания в "Я" ("Ego").

Мы преднамеренно отказываемся от развития в себе лишь того, в чем не надеемся достигнуть успеха. Таким-то образом наш альтруизм является "вынужденной добродетелью", и циники, описывая наш прогресс в морали, не совсем лишены оснований напоминать при этом об известной басне про лисицу и виноград.

Джемс У. Личность // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 69.

131

Вопрос к читателям: Получается, что многие из наших достижений всего лишь прикрытие наших несбывшихся намерений, нашей неполноценности? Можно ли установить эмпирические индикаторы уровня притязаний и достижений?

Среди диспозиций центральное место принадлежит Я как главной ценности личности. Поэтому фрейдовская трактовка Я как регулятора между половым влечением к родителю противоположного пола и социальным ограничением этого влечения интересна не содержательным конфликтом между сексуальным и социальным, а моделированием конфликта между обществом и личностью в самой структуре человеческого Я. Важно, что подобная амбивалентность Я обнаруживается с первых дней социализации и что в психоанализе показан механизм

самоограничения Я, формирования совести или социальной ответственности личности, умения подчинять индивидуальное общему. Любовь или ненависть к родителям порождают чувство вины и разные формы сублимации этих чувств.

Есть очень много мудрости в словах Ницше: "Тот, кто имеет, зачем жить, может вынести любое как". Я вижу в этих словах девиз, который справедлив для любой психотерапии. В нацистском концлагере можно было наблюдать, что те, кто знал, что есть некая задача, которая ждет своего решения и осуществления, были более способны выжить.

Что касается меня, то когда меня забрали в концентрационный лагерь Освенцима, моя рукопись, уже готовая к публикации, была конфискована. Конечно же, только глубокое стремление написать эту рукопись заново помогло мне выдержать зверства лагерной жизни. Например, когда я заболел тифом, то, лежа на нарах, я записал на маленьких листочках много разных заметок, важных при переделке рукописи, как будто я уже дождался освобождения. Я уверен, что эта переработка потерянной рукописи в темных бараках концентрационного лагеря Баварии помогла мне преодолеть опасный коллапс.

Я считаю опасным заблуждением предположение, что в первую очередь человеку требуется равновесие, или, как это называется в биологии, "гомеостазис". На самом деле человеку требуется не состояние равновесия, а скорее борьба за какую-то цель, достойную его. То, что ему необходимо, не есть просто снятие напряжения любыми

132

способами, но есть обретение потенциального смысла, предназначения, которое обязательно будет осуществлено. Человеку требуется не равновесие, а то, что я называю "нусодинамикой", т.е. духовной динамикой в рамках полярного напряжения, где один полюс представляет собой смысл, цель, которая будет реализована, а второй полюс — человека, который должен осуществить эту цель.

Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 121-122.

В когнитивных теориях, акцентирующих рациональность человеческого поведения, роль семьи обнаруживается в моральном развитии ребенка. Например, теория перехода от эгоцентризма к релятивизму Ж. Пиаже рассматривает эгоцентризм как когнитивную незрелость, как веру в то, что и другие определяют ситуации и события точно так же, как и ребенок, т.е. помещая его в центр Вселенной. Любовь и забота родителей, согласно этой точке зрения, укрепляют этот "реализм", когда мир искривляется под себя и когда оказывается невозможной подлинная кооперация с другими.

В этот же период (до 6-7 лет) зависимость ребенка как младшего от старших связана с его эмоциональной односторонностью по отношению к родителям, чувствами "слепой" привязанности и любви. Именно это, кстати, больше всего нравится в малышах малодетным родителям (бэби-комплекс).

Самоактуализирующиеся люди, все без исключения, вовлечены в какое-то дело, во что-то находящееся вне их самих. Они преданы этому делу, оно является чем-то очень ценным для них — это своего рода призвание в старом, проповедническом смысле слова. Они занимаются чем-то, что является для них призванием судьбы и что они любят так, что для них исчезает разделение "труд — радости". Один посвящает свою жизнь закону, другой — справедливости, еще кто-то — красоте или истине. Все они тем или иным образом посвящают свою жизнь поиску... поиску предельных ценностей, которые являются подлинными и не могут быть сведены к чему-то более высокому".

Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 110.

В полноценной семье после 7-8 лет освобождение ребенка от пут эгоцентризма, "реализма" и зависимого почитания родителей идет

133

быстрее. Но процесс формирования более релятивистской картины мира может задерживаться. И тогда в среде сверстников могут разгораться бои за навязывание своей Я-центристской концепции другим. Причем обычно все успехи приписываются себе, своим способностям, а неудачи — обстоятельствам, "помехам" со стороны других. "Хорошая" социализация в семье позволяет избежать этой тенденции, формирует социально компетентную личность, способную брать ответственность на себя, а не списывать все на неблагоприятные условия².

В теории Дж. Мида процесс формирования Я рассматривается как своего рода отход от центристской тенденции, как включение в свой мир других людей, как, с другой стороны, умение войти в их роль. Подражая родителям, ребенок учится входить в роль и выходить из нее, но, главное, он научается видеть себя со стороны. "Я-образ" ("*отраженное Я*", "*Looking-glass Self*") — это представление о себе, увиденное глазами других. Чем значимее эти другие для ребенка, тем больше вероятность, что Я-образ будет формироваться под влиянием оценок этих "значимых других".

При общении ребенка с отдельными "другими" начинает формироваться обобщенный образ своего Я, причем лучше всего это происходит не при парном взаимодействии, а в групповых интеракциях.

"Генерализованный другой" — это обобщенный образ других, который легче конструируется в группах, а не в диадных (парных) контактах. В сплоченных семьях "генерализованный другой" идентифицируется с семейным Мы и Я-образ складывается не как простая сумма образов других людей, а как концепция Я, присущая "генерализованному другому". Чем интегрированнее семья, тем непротиворечивей Я-концепция ребенка.

Различия Я-образов в разных группах — проводниках (агентах) социализации — будет заставлять человека подбирать таких "значимых других", которые будут подтверждать сложившуюся Я-концепцию.

Таким образом, умение входить в роль другого и видеть себя его глазами формирует ценность своего Я посредством переключения с одних ролей на другие. В теории Дж. Мида также подчеркивается та особенность ранней социализации, которая связана с неизбежностью уравнивания противоположных тенденций, а, следовательно, важной ролью семейного Мы в становлении Я.

Мы привели здесь лишь отдельные примеры из множества социально-психологических теорий формирования Я, чтобы проиллюстрировать становление центрального элемента диспозиционной структуры поведения личности. Степень вовлеченности в Я жиз

134

ненных ценностей определяет как иерархию потребностей, так и выбор тех или иных средств их удовлетворения.

Социализация в семье может трактоваться и как формирование базовой иерархии индивидуальных потребностей. Если выделить три основных уровня потребностей — потребности в физическом, психологическом и социальном самосохранении, то в принципе каждый из них может быть высшим и соответственно определять ту или иную направленность личности. Вместе с тем указанная последовательность этих потребностей раскрывает их изначальную иерархию — прежде чем ломать голову над смыслом бытия и стремиться оберегать свое Я в общении с другими, надо быть хотя бы относительно сытым и одетым. В повседневности все взаимосвязано и та или иная направленность личности обнаруживается лишь как тенденция в массе повторяющихся ситуаций.

Среди потребностей социального уровня — в образовании, труде, творчестве — выделим и потребности в браке и семье. Важно выяснить их значимость для социального самосохранения личности, то, какую роль они играют для сохранения и повышения социального статуса индивида, а также для творческого самосовершенствования личности, для ее полноценной самореализации.

Если бы поведение личности было бы полностью обусловлено биологически (как полагают некоторые ученые), тогда не было бы никакой потребности в семье... Поскольку человеческая личность не рождается, а "делается" в процессе социализации, постольку именно семья становится необходимостью...

Parsons T. and Bales R. Family. Socialization and Interaction Process. 1955.

Семейная социализация ребенка имеет решающее значение для становления семейных потребностей. Общий семейный климат прямо влияет на восприятие детьми семейных ролей и на желание обзавестись в будущем своей семьей. Этот климат в значительной мере неблагоприятен ныне для адекватной потребности в семье и семейных ролях — отсутствие совместной деятельности родителей и детей, которая непосредственно цементирует семейное единение, ведет к атмосфере потребительства и бытового самообслуживания, к редукции семейных ролей до уровня бытовщины. Профессиональная занятость членов семьи вне дома превращает эти редуцированные семейные роли и потребности в "бремя". И, к сожалению, социальная проблема соотношения семейных и внесемейных (прежде всего профессиональных) ролей все чаще трактуется через перераспределение

135

семейных ролей, через "справедливое" разделение семейного "бремени" между мужем и женой.

Процесс социализации на протяжении всего жизненного цикла индивида предлагает две основные, неравные по времени и интенсивности стадии. Первая стадия — период активного становления индивида как общественного существа — занимает около трети жизни... На этой стадии осуществляется:

- а) элементарная или первичная социализация ребенка;
- б) нормативно-фрагментарная, маргинальная социализация подростка;
- в) концептуально-целостная, результирующая социализация молодежи периода перехода от юности к зрелости — от 17-18 до 23-25 лет.

Вторая стадия — период развития сложившейся личности в ходе ее дальнейшего функционирования в обществе:

- 1) в качестве трудоспособного члена общества;
- 2) и в связи с выходом на пенсию.

Андреенкова Н. Роль семьи на разных этапах социализации индивида // Динамика изменения положения женщины и семья. М., 1972. С. 4.

Исторические особенности семейной социализации. В XX в.

уменьшение воспитательной роли семьи обнаружилось в индустриальных странах в связи с кризисом семьи и семейного образа жизни в ходе процессов: а) нуклеаризации — разъединения старших, средних и младших поколений, элиминирования трехпоколенной расширенной семьи и распространения нуклеарной, двухпоколенной семьи, состоящей из родителей и детей, при повзрослении которых происходит отдаление их от родителей, остающихся в "пустом гнезде"; б) конъюгализации — сведения, редукции единства семейной жизнедеятельности, единства "родства-родительства-супружества" к супружескому партнерству и сексу, т.е. к тем отношениям, которые предполагают минимизацию родственно-родительских связей или их полное отсутствие; в) индивидуализации — смещения центра общения с совместного супружества на формы внесемейного и внесупружеского, одиночно-индивидуального образа жизни, где преобладают ценности эгоцентрического существования.

Во второй половине XX столетия система факторов, связанных с "модернизацией" индустриально развитых стран капитализма, привела к целому ряду затяжных и негативных тенденций, свидетельст-

136

вующих о глубоком кризисе института семьи, который точнее именовать кризисом социального порядка, живущего на фамилизме, на фамилистической цивилизации. Социальный порядок, характеризующийся капиталистическим производством и рынком, наемным трудом и перехватом семейных функций, деприватизацией семейной жизни и отчуждением членов семьи, устранил ценностные опоры семейного родительства, погасив личностные стремления к обзаведению семьей с несколькими детьми. В свою очередь, широкое распространение малодетной семьи с 1-2 детьми и "серийной моногамией", т.е. с разводами и послеразводными браками и сожительствами, знаменовало крах пожизненного брака. Одновременно сексуальная и контрацептивная революции, акселерация новых поколений, кризис возрастной идентификации подростков и молодежи, рост нелегитимных сожительства и рождений, кризис репродуктивного поведения несовершеннолетних, отказы от новорожденных, рост сиротства при живых родителях, рост юношеской социальной патологии, суицидов, проституции и т.д., т.е. появление целого ряда социальных кризисов, производных от глобального кризиса семьи, раскрывали всю остроту деградации социального порядка, не сумевшего обеспечить баланс между противоречивыми интересами личности и общества.

Процессы семейного кризиса наблюдались в России с конца 60-х гг., наблюдаются они и до сих пор. Поэтому, рассматривая воспитательную роль семьи в России, нельзя не учитывать общемировые тенденции ослабления института семьи. Однако анализ воспитательного воздействия российской семьи на новые поколения осложняется действием специфических факторов.

В советскую эпоху на преемственности семейных поколений негативно сказались отмена частной собственности (это разрушило базу семейного домопроизводства и семейного наследования), резкое усиление роли государства вообще (в связи с огосударствлением всего народного хозяйства и сфер общественного обслуживания и потребления) и усиление роли государственного вмешательства в жизнь семьи в частности.

Ускоренная индустриализация и урбанизация Российской Федерации привели к резкой деформации структуры семьи, к смене расширенной, сельской трехпоколенной семьи семьей городской двухпоколенной, нуклеарной — при этом решающую роль в потере семьей ключевого положения в воспитании новых поколений имела поддерживаемая государством передача социализирующих функций семьи специализированным институтам воспитания и образования (детским дошкольным учреждениям, школам, интернатам, пионерлагерям, училищам, вузам и т.д.).

137

Единый прежде семейный авторитет подвергся многоступенчатому расщеплению, распавшись на ряд противоречащих друг другу "социализационных авторитетов". Тем самым создавался постоянный источник конфликтной социализации молодежи, находящий разнообразные формы (в соответствии с историческим временем и меняющимися условиями жизни) проявления этой конфликтности, несогласованности воспитательных воздействий — от нарушений и имитации нормативного социокультурного поведения до социальной патологии разного рода (бегство от жизни и своего Я, суицид, агрессия против других, насилие, правонарушения и преступность).

Криминальные формы конфликтной социализации в связи с расколом семейного авторитета, в свою очередь, принуждают к созданию учреждений повторной, принудительной социализации несовершеннолетних, юношества. Неэффективность репрессивной ресоциализации общепризнана, однако остается в тени понимание того, что попытки как-то компенсировать разрушение семейной социализации внесемейной, обречены на неудачу, так как замены семье в этом отношении нет.

Все ныне известные институциональные заменители семейного воспитания являются целевыми, специализирующимися на целях воспитания детей в летних лагерях и пансионатах. Вокруг этих целей выстраивается функционирование организаций с определенным уставом, штатами и т.п., подобная формализация деятельности неизбежно порождает контрорганизацию, появление различных неформальных структур, противостоящих, как правило, формальной структуре. Феномен "бурсачества" или "дедовщины" неизбежен в целевых воспитательных организациях для несовершеннолетних и в организациях, где четко обозначен возрастной

критерий, позволяющий дифференцировать молодежь внутри группы сверстников (например, в армии год призыва позволяет различать среди ровесников "стариков" и "салаг").

Семейная социализация лишена этого противоборства формальных и неформальных структур и потому, что семья не является целевой формальной организацией, и потому, что даже в расширенных семьях, базирующихся на семейном производстве, традиционные внутрисемейные роли отца-матери-сына-дочери и дополняющие их роли родства-свойства, включают в себя в полном соответствии с системой социокультурных норм семейной жизнедеятельности также определенные права и обязанности по домохозяйству и семейному производству. Можно сколь угодно иронизировать над "патриархальщиной", но в многопоколенной крестьянской семье, просуществовавшей в России в качестве преимущественного типа семьи до конца 20-х гг., было изначально снято противостояние производственных и

138

семейных ролей, так как вся жизнедеятельность строилась на семейно-производственной основе.

Расщепление семейного авторитета обнаружилось первоначально в ходе нуклеаризации — распада расширенной семьи на ряд нуклеарных семей и соответственно при расколе авторитета главы расширенной семьи и прародителей на ряд авторитетов глав нуклеарных семей, как правило, отцов. Миграция из деревень в города, в городские коммунальные квартиры, где нуклеарные семьи ютились в маленьких комнатах, — способствовала разъединению взрослых детей, имеющих свои семьи, и их родителей. Эта материально-жилищная основа отчуждения старших и младших поколений способствовала нарушению семейной преемственности поколений, отдалению, изоляции новых поколений от старших (в конечном счете — уменьшению уважения к старшим вообще). Урбанизация страны способствовала закреплению этой тенденции, новые города и рабочие поселки возникали вокруг строящихся заводов и комбинатов, жилищная стесненность рушила семейно-родственные связи, оставляя малочисленную нуклеарную семью в окружении "чужих" людей. Это резко контрастирует с интенсивностью семейно-родственных и соседских контактов на селе, где все знают друг друга и где проявление детьми и юношами девиантного поведения затрудняется атмосферой первичной близости отношений. В деревне нет феномена дворово-уличного негативного влияния на подрастающих детей и подростков, нет обезличенности городского общения. В то же время город, приучая людей к постоянным непосредственным контактам "локоть к локтю" в транспорте, в магазине и на улице, без одновременного личностно-узнаваемого общения "лицом к лицу", создает фон отчуждения людей друг от друга, феномен отсутствия людей при их физическом соприкосновении. Эта городская особенность изоляции одиночек в толпе психологически весьма опасна как основа и для криминального поведения, поэтому в городских условиях требуется какой-то дополнительный социализирующий механизм, позволяющий цивилизованным образом разрешать ситуации массового поведения, скучивания людей в очередях без ожесточенного их отчуждения. Только социально-психологические особенности семьи позволяют сформировать у личности способности переключения с кода обезличенного взаимодействия на код личностного общения и, наоборот, без каких-либо отклонений от общепринятых норм. Однако раскол семейного авторитета, особенно резкий именно в городских семьях, лишенных постоянных контактов всей системы расширенного родства, усугубляет для подрастающих поколений тенденцию к девиантности поведения среди "чужих".

139

Раскол семейного авторитета происходит также при разрушении семейного производства как арены совместной деятельности родителей и детей, как арены трудового воспитания и формирования семейных династий по профессиональной их ориентации. В семейном домопроизводстве никто не чувствует себя батраком, наемником, винтиком, а семейный авторитет родителей укрепляется благодаря их профессиональному мастерству, передаваемому в процессе обучения ученикам-детям. Вытягивание родителей в наемный труд вне семьи и дома, где-то на стороне, о чем дети имеют смутное представление фактически прекращает наследование детьми родительского дела прекращает семейную преемственность в экономико-производственном аспекте, т.е. в том самом, без которого воспитание детей в семье превращается в гигиенически-бытовое обслуживание. Отсутствие у семьи общесемейного дела в большей степени, чем отсутствие семейной собственности, лишает членов семьи чувств хозяина своей жизни, самоуважения и достоинства. "Совковость", о которой часто говорят, в большой мере сформирована тем иждивенчеством-потребительством, которое вырастает на почве наемничества, батрачества-холуйства и имитации вкалывания во внесемейном производстве, т.е. не на себя, а на нечто отчужденное. Монополизация государством народного хозяйства ставит всех членов семей (в том числе и детей, сдаваемых в ясли, сады, школы, интернаты-лагеря во время "работы" родителей) в положение клиентов-просителей милостей у чиновников госучреждений. Это подчиненное положение семьи как просительницы остро ощущается детьми, чувствующими приниженность семейных авторитетов перед лицом "представителей" государства. Только родители, имеющие свободные профессии, занимающиеся творчеством в стенах дома (имеющие возможность не ходить "на работу" от звонка до звонка), способны передать по наследству свои профессиональные знания и навыки — только немногие в условиях капиталистического наемничества способны создавать семейные династии артистов, художников, писателей, музыкантов, ученых. Эти немногочисленные исключения подтверждают огромное значение совместного общесемейного дела родителей и детей как ведущего фактора полноценной социализации потомства и поддержания высокой планки семейного авторитета. Семейное воспитание,

базирующееся на общесемейном производстве, без искусственных натяжек уравнивает в качестве семейных работников и учителей-родителей и учеников-детей. Никакая целевая организация воспитания не способна столь мягко и тонко снимать антагонизм взрослых — не взрослых, учеников — учителей, старших — младших. Напротив, семья наемников — родителей и детей, вынужденных прибегать к помощи

140

специализированных учреждений, обостряет это различие полноценных взрослых и как бы недополноценных подростков, различие, обнаруживаемое в разных формах в дошкольных учреждениях, школах и вузах, и, разумеется, в самой семье.

Есть еще один момент, связанный с разрушением семейного производства капиталистической индустриализацией — неизбежное удлинение периода социализации. Многие считают пролонгированную до 25 лет социализацию молодежи признаком прогресса, в связи с этим трудовое воспитание детей встречается в штыки, объявляется эксплуатацией детей. Здесь корни запретов труда несовершеннолетних даже вместе с родителями, поскольку труд изначально мыслится внесемейным и является таковым. В результате родителям оставляется возможность проявить себя в качестве воспитателей не в серьезном деле, а во время отдыха, туризма, спорта или при выполнении домашне-бытовых обязанностей. Затягивание учебы и ученичества без настоящего труда ставит подростков и юношей в маргинальное положение инфантилов, недозрелых, социально не признаваемых взрослыми людьми — не говоря уж об отсутствии финансового подтверждения полноценности. Пролонгация социализации, отсрочка социального признания взрослости резко противостоит процессу акселерации (ускоренного развития физического и полового созревания). Между последним, воспринимаемым подростками как ратификация взрослости, и наступлением социальной зрелости и компетентности образуется период в 10-13 лет, когда подрастающие поколения в силу неадекватности социальной организации индустриальных обществ оказываются в состоянии уже не-детей, переростков детскости и еще не-людей, недорослей. Отсюда идет нагромождение острых социальных проблем материнства несовершеннолетних, сексуальной вседозволенности, отказов от новорожденных родителями-тинейджерами, групповой секс и насилия, делинквентность и т.д. Ранние браки как попытка приобретения статуса социализированной взрослости в период затянувшегося ученичества и, как следствие, — рост разводи-мости из-за социальной неготовности к родительским ролям — все это также следствие разрыва между социальной и физической зрелостью, удлинения социализационного периода в связи с развалом семейного авторитета по причине краха семейного производства.

И в самом деле, крупное индустриальное производство с ростом производительности труда и технологической эволюцией непрерывно ведет к моральному износу и старению прежних профессиональных навыков и умений. В этих условиях техническая переподготовка старших поколений и повышение квалификации опытных кадров становится менее эффективным делом, чем обучение молодежи, которой не надо переучиваться, которой не мешает старый опыт. Насы-

141

щение молодых людей самыми современными знаниями требует соответствующего обучения в рамках общего и профессионального образования. Подобное удлинение образовательно-профессиональной социализации и порождает отсрочку желанной взрослости и одновременно обостряет проблему отцов и детей не только в семье, но и вне ее.

Молодежь, оказывающаяся более приспособленной к технологическим инновациям благодаря позже приобретенным знаниям, чем старшие поколения, фактически, приходя на производство, подрывает положение старших, чей опыт оказывается ненужным. Психологически это является основой неуважения к старшим и поэтому спонтанно, непродуманно осуществляемый процесс научно-технической перестройки производства, с одной стороны, затягивая социализации молодежи, порождает массу молодежных проблем, а с другой стороны, создавая преимущества молодым в сравнении со старшими поколениями производственников, обостряет конфликт отцов и детей, ставя их в положение антагонистов-конкурентов на рынке труда. Во всяком случае процесс технологических нововведений осуществляется таким образом, что затрудняет социализацию молодежи во многих направлениях. Воспитательный аспект индустриальной революции, к сожалению, не принимается во внимание в связи с вышесказанным, и прежде всего, с недооценкой значения семейного производства.

Индустриализация и вовлечение женщин в систему государственного производства ведут к еще одной разновидности дробления семейного авторитета. Занятость женщин-матерей вне дома объективно ставит миллионы матерей и отцов в положение конкурентов. Взамен взаимно дополняющих друг друга ролей матери и отца в системе семейного производства, взамен единства родительского авторитета и единства родительского влияния на детей и подростков, занятость женщин, понижающая уровень оплаты труда мужчин, привела к конкуренции мужей и жен на рынке труда. Подобная конфликтность не могла не сказаться и на семейных отношениях отцов и матерей, что, собственно говоря, и является причиной роста разводов. Но форма этого конфликта была перенесена с проблем внесемейной занятости на проблемы распределения домашних обязанностей мужей и жен. В рамках нуклеарной семьи общий семейный авторитет был раздроблен на два родительских авторитета, находящихся в противостоянии. Более того, произошло снижение авторитета отца и усиление авторитета матери.

Необходимо сказать, что вовлечение женщин в производство происходило в условиях существования социокультурных норм разделения мужских и женских обязанностей. Крах семейного производства коснулся прежде всего мужчин, урбанизация закрепила исчезновение тех видов домашнего труда, которые выполнялись мужчинами.

Одна

142

ко за женщинами остались их прежние домашние роли, теснее всего связанные с социокультурной функцией материнства. Отсюда проистекает доминирование матери в домашнем хозяйстве и в семье, дополняемое большим временемпрепровождением матери дома в связи с льготами, предоставляемыми матерям государством по уходу за детьми. Эти льготы, компенсирующие занятость матери в профессиональном труде вне семьи и отчасти облегчающие двойную занятость женщин-матерей, породили своеобразную систему матриархата. Речь идет о системе *"мать-государство-ребенок"*, о системе "патернализма" государства, создающего некоторые преимущества матерям в системе наемного труда и исключаяющего отца из этой взаимосвязи с ребенком. Данный момент дополнительно осложняет противоречивость отцовского и материнского авторитета, ослабляя семейный авторитет в целом. Подобная система принуждения женщин к внесемейной занятости на производстве и частичной компенсации ее рядом льгот, по охране материнства, ведущая к доминированию женщин в семье и в ряде сфер профессиональной деятельности, иногда называется некоторыми учеными системой "матриархатного государства"³. Перекос семейного авторитета в сторону роли матери обусловлен также перевесом женских поколений над мужскими в первое послевоенное десятилетие. Распространение матерей-одиночек и детей, имеющих прочерк в графе "отец", способствовало укреплению социального признания альтернативных семей с одним родителем, легитимности статуса матерей-одиночек.

Таким образом, в течение нескольких десятилетий структура родительского авторитета, присущая расширенной семье, радикально трансформировалась, сузившись до семейного авторитета нуклеарной семьи, к тому же лишённого трудового сотрудничества родителей и детей и обремененного необходимостью длительной опеки в связи с затягиванием периода социализации; наконец, зауженный авторитет семьи оказался раздроблен на два противоречащих друг другу авторитета отца и матери с усилением последнего. Последствия этого перераспределения внутрисемейного авторитета для воспитания детей и юношества специально не исследовались, тем более что в социальной реальности они одновременно вызывались воздействиями со стороны внесемейных социализирующих инстанций.

Ослабление родительского авторитета в результате передачи детей на время работы родителей вне дома в детсады-школы-училища-вузы и т.п. целевые учреждения происходило в связи с внесемейными влияниями воспитателей на формирование личности ребенка. В этой ситуации дети лишаются не просто непосредственных контактов с родителями большую часть дня, они лишаются социализирую-

143

щего влияния родителей в совместной деятельности с ними, влияния, которое замещается воспитателями и группами сверстников. Все целевые воспитательные учреждения в советскую эпоху осуществляли с помощью "парт-профкомсомол-пионерорганизаций" единую политическую социализацию, которая могла и не совпадать с политическими ориентациями родителей или с их религиозными воззрениями. В итоге дети лишь условно могли рассматриваться как продукты родительского воспитания, продления Я родителей в детях. В лучшем случае они оказывались физическими слепками с родителей без воспроизведения родительских линий поведения, семейной преемственности.

Спад рождаемости связан с тупиковыми, неразрешимыми проблемами родителей — рожать детей ради деторождения, или ради того, чтобы их пичкали чем-то чуждым посторонние люди? Как выкручивались родители из этих антиномий репродуктивной мотивации, показали социолого-демографические исследования: социальные и экономические мотивы рождения детей обесценились и сошли на нет, а сугубо личные мотивы в связи с невозможностью сделать ребенка доподлинно своим редуцировались к "бэби-комплексу". Ведущим мотивом стало обзаведение малышом, маленьким, полностью зависимым от взрослых, искренне любящим родителей и послушным - в этом выразилось негативное отношение к последующим возрастным стадиям детей (отрочеству и юношеству) с их неподчинением старшим. В итоге — практически мало кто решается на трех и более детей в семье, вторым обзаводится лишь четверть наиболее чадолюбивых, ну а первенец появляется как дань вступлению в брак. Начиная с конца 60-х гг. ведущими в подрастающих поколениях становятся когорты единственных детей.

Политизации воспитания служили средства массовой информации, устная пропаганда, занятия в политкружках и т.д. Декларативность подобным образом навязываемой "сознательности" не могла вести к участию в сложившейся социальной структуре, к такому взрослению молодежи, когда дети занимают места своих отцов, принимая их социальные функции и роли. Сегодня известно, что в начале 90-х гг. молодежь отвергла уготованную ей отцами и дедами систему, продемонстрировав отказ от стремления занять место старшего поколения, от социальной преемственности поколений. Конечно, причины этого многообразны, но здесь хочется сфокусировать внимание на конфликтности социализации новых поколений. Противоречие между декларируемыми ценностями и реалиями, известными всем и повседневности, не способствовали истинной интернализации декларируемых ценностей. Преобладала имитация принятия официальных норм, "сознательности", что затрудняло общечеловеческую пробле

144

му социализации личности — создания такого внутреннего самоконтроля, когда без внешнего принуждения человек ведет себя социально-компетентно, гибко маневрируя между рифами личного, группового и общественного.

Формирование личности коллективиста-альтруиста, когда общественное становится органической частью лично-эгоистического интереса, оказалось невозможным на основе подчинения личностного общему. Но при этом большое значение имело ослабление семейного авторитета, семейного механизма созидания такого самоконтроля Я, когда учитываются общественные оценки индивидуальных действий. С другой стороны, разрушение семейной преемственности, согласованности ориентации дедов-отцов-внуков прямо повлияло на крах социальной преемственности, советской модели социализации молодежи, не захотевшей идти по стопам старших поколений. Противоречивость и противоположность социализирующих авторитетов при пролонгации периода социализации и ослаблении семейной социализации потомства — вот фон эклектической, фрагментарной, дисфункциональной социализации. В этих условиях проблема полноценной социализации поколений, проблема органического замещения внешнего (со стороны общества) контроля внутренним самоконтролем может решаться путем отхода от общественного в сторону групповых подростковых и молодежных субкультур.

Занятость родителей и детей вне дома, ведущая к дефициту эмоционального контакта между ними, толкает детей к поиску глубоко личных интимных отношений в неформальных группах сверстников, возникающих в рамках целевых формальных воспитательных учреждений и в территориальных объединениях по месту жительства ("уличных", "дворовых" группах). Разваливающийся и противоречивый семейный авторитет компенсируется при этом авторитетом группы равных и авторитетом ее лидера. Тоска по семейно-близким первичным отношениям гонит ребят к неформальным контактам, компенсирующим то, что утрачивает семья. Однако где-то к 7-му классу школы эти группировки приобретают самостоятельную ценность в глазах их участников, все более закрепляя их отчуждение от семьи.

Происходит переоценка референтных фигур, подростки прощаются с детством, с иллюзиями в отношении своих родителей, в дальнейшем эти субкультуры усиливают значимость непосредственных контактов в группе. Так закладываются основы формирования и девиантных подростковых клик. Неуверенность подростков, оторванных от семьи или вытолкнутых оттуда, перед ситуациями соперничества за лидерство среди ровесников сильнее притягивает их друг к другу по законам стаи — отсюда обязательность в соблюдении групповых принципов, нетерпимость к отклонениям от них, вовлеченность и

145

самоидентификация с группой, тотальный конформизм, выражающийся, в частности, в нетерпимости к другим группам, во враждебности к ним.

В группах ровесников процветают буршество и дедовщина, некритическая и агрессивная приверженность групповым ценностям, снимающая проблему индивидуальной ответственности за групповые действия. Здесь истоки немотивированности поведения в группах переадресовки самоконтроля на уровень группового Мы. Таким образом, функционирование подростковых и молодежных субкультур разного рода благодаря вовлеченности в неформальные группы сверстников ухудшает социализацию поколений, их вхождение в социальный контекст. Исследования социальных психологов у нас и за рубежом говорят о том, что группы сверстников, как правило, оказываются барьером на пути полноценной социализации, социально ответственного действия самоконтроля личности.

Следует подчеркнуть, что возникая там, где теряются живые контакты между родителями и детьми, на основе дефицита первичности, личностно окрашенного общения, эти неформальные объединения не способны возместить то драгоценное качество семейной социализации, которое ведет к формированию личности, отзывчивой к нуждам общностей и общества в целом без какого-либо группового "этноцентризма".

Семейный механизм гармонизации своего и чужого, гибкости переключения кодов поведения на основе интернализации общезначимого незаменим, как показывают исследования неформальных групп на производстве, в армии, школе и др. Этот механизм семейной социализации не обнаруживается в целевых воспитательных заведениях. Вместе с тем опыт и результаты исследований показывают, что кризис семейного авторитета способствует возникновению антисоциализационных объединений, препятствующих становлению социальной совести, принятию моральных норм и ценностей. Усиление неформальных группировок молодежи сказалось в конце 80-х гг. на склонности ко всему латентному, антиофициальному и антиофициозному.

Ключевые термины:

депривация в семье, двойственность семейной социализации, нормативное и информационное влияния в семье, нормы-образцы и нормы-принципы, межличностный статус в семье, соотношение нормативности и информативности в семье, семейное Мы, внесемейное ОНИ, пределы редукции общезначимых норм, пределы экспансии семейных норм, свои и чужие, принцип переключаемости этих ко

146

дов, диспозиционная структура регуляции поведения, определение семейных ситуаций, психологические механизмы формирования социальной ответственности, эгоцентризм и релятивизм, Я-образ и Я-концепция, структура индивидуальных потребностей, потребность личности в семье, расщепление семейного авторитета, конфликтная социализация, институциональные родители, целевая внесемейная социализация, пролонгированная социализация, трудовое воспитание и антагонизм старших-младших, социальная компетентность, ратификация "взрослости",

делинквентность, воспитательные аспекты индустриализации, фамилистическая система "родители-дети", система "матриархатная": мать-государство-ребенок, дисфункциональная социализация, дефицит первичных контактов, группы неформалов, интернализация общезначимых норм, самоконтроль личности.

Примечания

¹ Применительно к репродуктивному поведению эта схема подробно рассматривается в главе 9.

² *Муздыбаев К.* Психология ответственности. Л., 1983. С. 123.

³ *Carlson A.* Family Questions. N.Y., 1988. P. 229; *Карлсон А.* Семья и конституция // Семья в России. 1995. № 1-2; *Карлсон А.* Вперед — к прошлому: перестройка семейной жизни в постсоциалистической Швеции // Вести. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1995. № 2.

Рекомендуемая литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1980; 1995.
2. *Берне Р.* Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986.
3. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. М., 1988.
4. *Волков А.Г.* Семья — объект демографии. М., 1986.
5. *Кон И.С.* Ребенок и общество. М., 1988.
6. *Мид М.* Культура и мир детства. М., 1988.
7. *Ольшанский В.Б.* Практическая психология для учителей. М., 1994.
8. *Пезешкиан Н.* Позитивная семейная психотерапия. М., 1993.
9. *Смехзер Н.* Социология (гл. 4, 11, 12, 13, 20). М., 1994.
10. *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969.

Раздел III

СЕМЬЯ КАК ОБЪЕКТ

ПОТРЕБНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

И ТИПЫ СЕМЕЙНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В этом разделе учебного пособия речь идет о типах семейного поведения личности. Семейное поведение личности реализует наиболее фундаментальные потребности — потребность в браке, сексуальную потребность и потребность в детях и родительстве, которые в совокупности характеризуют потребность в семье. Семейное поведение — в своих конкретных формах брачного, сексуального и репродуктивного поведения — реализует и процесс формирования и жизнедеятельности семьи, выполнения ею основных социальных функций.

Каждый день тысячи людей вступают в брак и разводятся (в России, например, в 1993 г. ежедневно заключалось свыше 3000 браков и регистрировалось более 1800 разводов). Миллионы вступают в сексуальные отношения, многие из которых заканчиваются зачатиями (около 15 тысяч зачатий в день), рожают детей (более 3800 рождений в день), совершают множество других действий и поступков. Все это — частные, хотя и важные события в жизни отдельного человека, отдельной семьи. Но именно эти события образуют процесс возобновления поколений, процесс воспроизводства человеческого рода.

Решение сделать что-то, совершить поступок (например, вступить в брачную связь) — сугубо личное дело. Чтобы понять его, надо многое знать о данном конкретном человеке, о том, кто он, каковы его интересы, убеждения и т.д. Но этого даже, миллионы раз повторенного знания об индивидуальном, конкретном совершенно недостаточно для того, чтобы понять эти явления как общественные, социальные.

148

Например, в России ежегодно рождается около трехсот тысяч детей, чьи матери не состоят в зарегистрированном браке. И хотя каждое такое рождение уникально и неповторимо, можно найти, однако, много общего в них, такого, что создает в этом явлении некие повторения, правильности и регулярности, устойчивость которых намекает на то, что здесь речь идет об общественном явлении, о социальном процессе, подчиняющемся определенным закономерностям. Скажем, в сельской местности вероятность родить ребенка вне брака выше, чем в городах.

Относительно чаще рожают вне брака женщины моложе 20 лет и те, чей возраст превышает 35 лет. Причем эти (и другие) соотношения весьма устойчивы и не меняются от года к году и от территории к территории.

Или возьмем вступление в брак. Молодоженам кажется, что это событие в их жизни неповторимо, непохоже ни на какое другое, что они вступают в брак "по любви" и что никакие внешние по отношению к этой любви обстоятельства не повлияли на их решение соединить свои жизни. А между тем, как и в случае с внебрачной рождаемостью, здесь также обнаруживаются свои правильности, регулярности и закономерности. Оказывается, что с большей вероятностью вступают в брак люди, в чем-то похожие друг на друга, имеющие некоторые одинаковые или близкие характеристики.

Эти примеры можно продолжать и продолжать. Однако и сказанного достаточно, чтобы констатировать: в частной жизни людей, в их сугубо индивидуальном поведении (семейном в данном случае) обнаруживается повторяющееся, закономерное, позволяющее говорить о существовании генерализованных, всеобщих моделей и образцов поведения и деятельности.

Включение этих общезначимых образцов человеческого поведения, связанного с реализацией семьей ее важнейших социальных функций по упорядочению сексуальных отношений и по воспроизводству человеческого рода, в

социологическую систему координат — социальная структура, межличностная динамика и социокультурная легитимность (нормативность) — и являются целью того раздела социологии семьи, который направлен на исследование семейного поведения и его основных форм, прежде всего поведения брачного, сексуального и репродуктивного.

Изложению основных теоретических и прикладных результатов исследования семейного поведения посвящен данный раздел учебного пособия. При этом логика изложения будет соответствовать "естественному порядку вещей", в котором рождению детей предшествует вступление в брак (или в фактический брачный союз — сожитительство) и нормальные сексуальные отношения.

149

Глава 7 БРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Брачное поведение — это поведение, целью которого является удовлетворение потребности в браке, поведение, связанное с выбором брачного партнера (т.е. с брачным отбором). Под *брачным отбором* понимается процесс, в результате которого из совокупности (пространства) возможных выборов брачного партнера так или иначе, тем или иным способом отбирается тот, в каждом данном конкретном случае единственный партнер (партнерша), который (которая) и становится мужем (женой) или тем, с кем "живут вместе".

Процесс брачного отбора исторически конкретен, он зависит от экономических, социальных, социокультурных и других условий, существующих в обществе. Основные особенности процесса брачного выбора связаны с тем, что в разных культурах и на разных стадиях исторического развития различны как пространство возможных выборов, так и степень свободы индивидуального выбора.

В первом отношении, то есть в том, как определяется пространство возможных выборов брачного партнера, все культуры различаются по тому, допускаются или нет в них повторные браки. Если повторные браки допускаются, если допускается "*серийная моногамия*", то совокупность, из которой производится отбор брачного партнера, является предельно широкой и включает в себя как не состоящих, так и состоящих в браке.

Правилом здесь является то, что человек, мужчина или женщина, постоянно доступен для брака, независимо от того, состоит он в браке или нет. Как пишет американский социолог Б. Фарбер, "каждый человек, по крайней мере, теоретически, всегда является потенциальным супругом для всех других лиц противоположного пола. Здесь важно то, что состояние в браке ничуть не ограничивает человека в том смысле, что он продолжает оставаться возможным супругом в позднейших браках"¹.

Напротив, в культурах, где повторные браки не допускаются, в культурах традиционной, жесткой *моногамии*, пространство возможных выборов не включает в себя тех, кто уже состоит в браке. Человек вступает в это пространство по достижении установленного обычая или законом брачного возраста и покидает его, вступив в брак.

В нашем обществе, то есть в обществе европейского, западного типа, историческая тенденция состоит в переходе от строгой монога-

150

мии, когда вступление в повторный брак даже в случае овдовения было затруднено (особенно для женщин), к моногамии серийной, когда повторные браки становятся обычным делом.

Например, в России в 1991 г. для четверти как мужчин, так и женщин, вступивших в брак, этот брак был повторным, причем из общего числа вступивших в повторный брак мужчин 88% сделали это после развода (для женщин аналогичная доля равняется 83%). Еще выше доля вступающих в повторный брак в Москве: в том же 1991 г. брак был повторным для 36,4% мужчин и для 32,1% женщин, причем на долю послеразводных приходилось 90% повторных браков мужчин и 88% повторных браков женщин². Аналогичные данные можно привести и по США. В этой стране в середине 80-х гг. около 46% всех заключаемых браков были повторными по крайней мере для одного партнера³.

Во втором отношении, то есть в том, что касается степени свободы индивидуального выбора, между различными обществами также существуют большие отличия. В некоторых культурах, а в прошлом практически повсюду преобладают браки, организуемые родителями или другими родственниками, под чьей опекой находятся молодые люди. В других доминирует "свободный" выбор, когда основными его "агентами" являются сами вступающие в брак. Однако в любом случае вступление в брак, выбор брачного партнера не являются произвольными. Они подчиняются действию определенных факторов культурного, социального, психологического и даже отчасти социально-биологического характера, к краткому рассмотрению которых мы переходим.

Факторы брачного выбора. Наиболее широкими и одновременно действующими наиболее мощным образом являются культурологические факторы.

Важнейшим из них является так называемое *правило эндогамии-экзогамии*. Этот термин обычно применяется в этнологии для описания того, как происходит брачный выбор между родами одного племени. Его функциональная роль состоит в ограничении поля возможных выборов брачного партнера, в исключении из него тех, кто не может быть брачным партнером.

В социологии семьи для характеристики процесса брачного отбора в современных условиях употребление этого термина может быть, разумеется, только условным и весьма ограниченным. При этом *правило эндогамии* следует

понимать как предписание (принуждение) выбирать себе брачного партнера из своей собственной этнической группы, но из разных кланов (если они есть). *Правило же эндогамии* запрещает брак внутри собственной семейной группы, то

151

есть направлено на предотвращение браков между близкими родственниками.

Правило эндогамии, или, как его еще называют, *эндогамное давление*, действует сильно и жестко, когда речь идет об этнической или расовой принадлежности.

Данные как демографической статистики, так и социологических исследований наглядно подтверждают это.

Бели рассматривать долю лиц, вступивших в брак с представителями другой национальности, среди всех вступивших в брак как выражение действия правила эндогамии, то получим, например, следующую картину. В 1989 г. в бывшем СССР среди основных национальностей тогдашних союзных республик доля лиц, вступивших в брак с представителями других национальностей, составляла (в общем числе браков): среди русских — 16.1% у мужчин и 17.7% у женщин; среди украинцев — 32.4% и 32.1%; среди белорусов — 38.5% и 37.2%; среди узбеков — 6.5% и 5.2%; среди казахов — 7.3% и 7.3%; среди грузин — 16.5% и 8.8%; среди азербайджанцев — 12.1% и 4.7%; среди литовцев — 11.5% и 12.0%; среди молдаван — 27.9% и 29.0%; среди латышей — 24.7% и 23.6%; среди киргизов — 6.1% и 5.8%; среди таджиков — 13.5% и 11.2%; среди армян — 21.5% и 14.0%; среди туркмен — 8.2% и 4.0%; среди эстонцев — 14.7% и 14.8%⁴.

Аналогичная ситуация наблюдается и в США. Правда, в этой стране основным избирательным признаком действия правила эндогамии является не этническая, а расовая принадлежность. В 1990 г. из более чем 50 млн брачных пар только 1,8% являлись межрасовыми, причем доля "черно-белых" пар, то есть браков между белыми и афро-американцами, не достигала и полупроцента⁵.

Правило эндогамии, впрочем, не универсально. В современных культурах, в которых его действие вообще является более слабым, оно к тому же практически снимается в случаях, если вступающему в брак более 30 лет, или если брак — повторный. В крупных городах правило эндогамии практически не действует. Его действие также резко ослабевает на территориях со смешанным по этническому составу населением, где контакты и общение между представителями различных национальностей являются более частыми и интенсивными.

Правило экзогамии, в противоположность правилу эндогамии, обладает универсальным и жестким действием, подкрепляясь в ряде случаев правовыми нормами, прямо запрещающими брак внутри одного клана. Хорошо известное всем табу инцеста является ярким примером социокультурного запрета, редуцирующего действие пра

152

вила экзогамии применительно к близким родственникам и не допускающего браков между родителями и детьми, братьями и сестрами, кузенами и кузинами.

К социологическим факторам брачного выбора относятся *гомогамия* и *близость (соседство)*.

Термин "гомогамия" обычно употребляется для обозначения тенденции заключения браков между людьми, обладающими некоторыми общими или сходными характеристиками — социальными, психологическими, физическими и т. д. Противоположная тенденция обозначается термином *гетерогамия*⁶. Вероятность того, что у людей возникнет взаимная симпатия и притяжение друг к другу и что они вступят в брак выше в том случае, если они похожи друг на друга в том или другом отношении.

Обратите внимание, что понятия *эндогамия* и *гомогамия* зачастую сближаются. Однако между ними есть разница, которая заключается в том, что перенесенный в социологию семьи термин *эндогамия* обозначает, по сути, некое социокультурное принуждение, заставляющее индивида действовать в брачном выборе определенным образом. Термин же "гомогамия" (соответственно и гетерогамия) является чисто социологическим (хотя им также пользуются и этнологи), означающим, что браки между индивидами со сходными индивидуальными характеристиками являются более вероятными, чем браки между индивидами, чьи характеристики сильно отличаются друг от друга. Это различие необходимо иметь в виду.

Социологические теории, рассматривающие гомогамию как один из основных факторов выбора брачного партнера, утверждают, что важнейшими характеристиками в этом отношении являются: возраст, этническая принадлежность, социальный статус, образование, уровень интеллекта, внешность и... совместимость внутренних часов⁷. При этом наибольшей является роль возраста, этнической принадлежности и образования. О роли этнической принадлежности речь шла выше. Добавим только, что, помимо действия правила эндогамии, в том, что касается этнической принадлежности, действуют и чисто социологические факторы, прежде всего степень этнической однородности той или другой территории.

Роль возраста в брачном отборе подтверждается многочисленными статистическими и социологическими данными. При этом роль возраста несколько специфична, поскольку в этом случае более вероятным является не совпадение (равенство) возрастов партнеров, а небольшое превышение возраста партнера мужского пола.

153

Например, в 1993 г. в Российской Федерации было заключено 1 106 723 брака. Из них браки, в которых невеста была старше жениха, составляли 11%. Браки, в которых жених и невеста имели одинаковый возраст (точнее говоря, их возраст

находился в одном и том же пятилетнем возрастном интервале), — 40%. И, наконец, браки, в которых жених был старше невесты, — 49%. При этом почти две трети таких браков составляли те, в которых возраст жениха был на один пятилетний интервал больше, чем возраст невесты⁸.

Аналогичные данные дают и социолого-демографические исследования. Например, в проведенном нами исследовании репродуктивного поведения двухдетных московских семей "Москва—1978" было получено следующее совместное распределение возраста респонденток и их мужей на момент вступления в брак (табл. 7—1)⁹.

Таблица 7 - 1

Возраст мужа и жены в двухдетных московских семьях на момент вступления в брак.

"Москва-1978", %

antonov 8 2

В целом по данным этого исследования, в 42% семей возраст мужей и жен находился в одном и том же возрастном интервале, в 52 % семей муж был старше жены и в 4% — жена старше мужа. Как и в вышеприведенных статистических данных, в двухдетных семьях наиболее предпочтительной была разница в возрасте супругов в один пятилетний интервал¹⁰.

Аналогична ситуация и в других странах, например, в США, где, по словам американских исследователей В.М.Кепхарта и Д.Едлички, в культуре глубоко укоренилось предпочтение женщинами мужчин более старшего возраста и, наоборот, предпочтение мужчинами более молодых женщин. В глазах мужчин возраст ассоциируется с большей женской привлекательностью в юности, а в глазах женщин с более высоким статусом мужчин в более старших возрастах¹¹.

154

Роль образования как фактора брачного отбора столь же велика, Американский исследователь Брюс Экланд, говоря о роли образования в брачном отборе, указывал на то, что, по его мнению, "половину сходства социальной принадлежности в браке обеспечивает ас-ортативная брачность по образованию"¹².

То же самое можно сказать и о других характеристиках личности. Поэтому вероятность вступления в предбрачные, а затем и в брачные отношения у людей с одинаковым или близким образованием выше. Это можно проиллюстрировать на примере расчета так называемого коэффициента брачной ассоциации по образованию для всех браков, заключенных в Российской Федерации в 1989 г. (табл. 7—2). Коэффициент брачной ассоциации по образованию показывает, во сколько раз та или иная комбинация уровней образования мужей и жен имеет большую (если его величина больше 1) или меньшую (в противоположном случае) вероятность по сравнению с ситуацией, когда все потенциальные женихи и невесты имеют равные шансы вступить в брак друг с другом.

Таблица 7—2

Коэффициенты ассоциации браков по образованию. Россия, 1989

antonov 8 2

Как видно из табл. 7—2, для мужчины с любым уровнем образования максимальной является вероятность вступить в брак с женщи-

155

ной, имеющей тот же самый уровень образования (выделенные полужирным шрифтом значения, расположенные на главной диагонали таблицы). Наоборот, чем дальше уровень потенциальной невесты от уровня образования жениха, тем меньше вероятность того, что они "найдут" друг друга и вступят в брак. Приведенные в таблице данные исключительно ярко характеризуют действие фактора гомогамии. В целом по России в 1989 г. около половины всех браков составляли браки, в которых муж и жена имели одинаковый уровень образования¹³.

Поскольку уровень образования тесно коррелирует с социальным статусом (принадлежностью), постольку образовательная гомогамия одновременно означает и статусную гомогамию, когда партнеры принадлежат к одной и той же (или близким) социальным группам. Кроме того, весьма велика вероятность того, что эти партнеры окажутся схожими друг с другом и в том, что касается их ценностей, убеждений, отношения к различным сторонам жизни, как и в том, что касается их (или их родителей) дохода, профессии и т.д.

В целом, если брать эти три характеристики (возраст, образование и социальное происхождение), то в процессе брачного выбора действует довольно заметная тенденция предпочтения мужчинами более молодых женщин с относительно меньшим образованием, принадлежащих к относительно более низкой социальной группе и противоположная тенденция для женщин. Эта тенденция называется *брачный градиент*.

В обществах с сильно дифференцированной социальной структурой (там, где речь идет о стратах, а не классах в традиционном нашем понимании) брачный градиент может вызывать "переизбыток незамужних женщин старших возрастов, блестяще образованных, профессионально занятых"¹⁴, не имеющих возможности найти «себе брачного партнера из-за завышенных притязаний относительно статуса и образования. Подобное, впрочем, можно наблюдать у нас, когда многие высокообразованные женщины вынуждены оставаться одиночками из-за того, что не могут найти себе "подходящего" жениха. Отсюда, кстати, вытекает и существование "второго пика" внебрачной рождаемости: потеряв надежду выйти замуж такие женщины "сознательно" выбирают дорогу одинокого материнства.

Правило гомогамии действует и в отношении некоторых других личностных характеристик. Среди них чаще всего называют ум (интеллект), физическую привлекательность и даже, как уже говорилось выше, совместимость внутренних часов или сходство биологии

ческих ритмов партнеров (говоря проще, "жаворонки" предпочитают "жаворонков", а "совы" — "сов"¹⁵, а также брачный статус и ценностные ориентации, включая политические взгляды, религиозные убеждения и т. д. Если сходство в ценностных ориентациях вытекает из образовательной и статусной гомогамии, то относительно брачного состояния можно сказать следующее. Согласно данным американских авторов, "никогда не состоявшие в браке предпочитают выбирать также никогда не состоявших в браке, разведенные — разведенных, а вдовы — вдовых"¹⁶. Эта же тенденция действует и в нашей стране. Например, в 1989 г. в России имели место следующие значения коэффициентов ассоциации браков по брачному состоянию, расчет которых аналогичен описанному выше расчету коэффициентов ассоциации по образованию (табл. 7—3)¹⁷.

Таблица 7—3

Коэффициенты ассоциации браков по брачному состоянию. Россия, 1989 г.

antonov 8 3

Другим важнейшим социологическим фактором брачного отбора, наряду с гомогамией, является близость (соседство). Под близостью понимается пространственная, территориальная близость, проживание по соседству, а также работа в одной и той же организации (близость рабочих мест) или учеба в одном и том же учебном заведении. Роль близости связана с тем, что соседство, совместная работа или учеба повышают вероятность встречи с партнером, который, к тому же, с большей вероятностью будет иметь сходство и по другим личностным и социальным характеристикам, включая сходство ценностей, интересов.

Еще в начале 30-х гг. американский социолог Джеймс Боссард на материале 5000 браков, заключенных в г. Филадельфия, пока-

157

зал действие фактора близости. Согласно его данным, из этого числа брачных пар одна шестая, или почти 17%, проживали в одном и том же квартале Филадельфии, одна треть, или свыше 33%, в пяти ближайших кварталах и половина — в двадцати ближайших кварталах¹⁸.

Отечественные исследования не позволяют дать информацию, сопоставимую с данными Дж. Боссарда. Однако действие фактора близости прослеживается и в результатах, полученных и у нас в стране. В частности, по данным Г. В. Жирновой, в 70-е гг. в городах Центральной России примерно треть опрошенных ею брачных пар познакомились друг с другом на работе или в учебных заведениях, местом знакомств остальных были или места общественного отдыха, культурно-массовых развлечений, или то, что называется "в гостях"¹⁹. И то, и другое полностью укладывается в смысл социологического фактора близости.

Соотношение мест знакомств будущих супругов, %

antonov 8 4

Петраков А. А. Демографический мир семьи. Ижевск, 1988. С. 27, 35.

Примечание. "Группа вступивших в брак по желанию" — это те, кто вступил в брак "из-за внутреннего, искреннего желания создать семью, иметь детей"; "группа вступивших в брак по обязанности" — это те, кто "вступил в брак, потому что так было нужно: пришло соответствующее время, боязнь остаться вне брака по возрасту, требовала обстановка(!)".

Действие социокультурных и социологических факторов брачного отбора объясняет, почему в процессе поиска "суженого" домини

158

рует тенденция к гомогамии, к тому, что любовники или супруги оказываются схожими (как правило) в своих наиболее существенных характеристиках. Но действие этих факторов не объясняет, как конкретно происходит отбор, каковы его социально-психологические механизмы, каким именно образом получается так, что одни браки оказываются гомогамными, а другие — гетерогамными. Ответы на все эти вопросы дают социально-психологические и психологические теории брачного отбора, в фокусе внимания которых такие проблемы, как комплементарные (дополнительные) потребности, обмены, социализационные факторы, в том числе влияние родителей.

В частности, одна из теорий, связывающих степень гомогамии с влиянием родителей, исходит из предположения, что тот факт, будет ли брак детей гомогамным или нет, зависит от характера чувств, эмоций, связывающих родителей и детей. Степень родительского влияния на брачный выбор детей (а это влияние направлено в сторону гомогамного выбора, на повторение детьми родительского опыта) зависит от силы чувств, связывающих разные поколения в семье. При этом, как предполагается, если эти чувства позитивны, то вероятность того, что дети поступят так, как "делали" и как хотят их родители, выше, чем в случае, когда эти эмоции негативны. В последнем случае дети могут даже оказаться "девиантами", "уйти из семьи и из культуры, представляемой родителями". Но это — редкий случай. Гораздо чаще и даже чаще всего

детей и родителей связывают положительные эмоции, дети воспринимают опыт родителей как пример для подражания. Вот почему доминирует тенденция к гомогамии.

Еще одним аспектом, на который обращает внимание социализационный подход, является предположение о том, что в своих поисках будущего партнера люди, как правило, ориентируются на образ родителя противоположного пола, т.е. дочери имеют тенденцию выбирать партнеров, в чем-то похожих на отцов, а сыновья — на матерей. Вместе с тем моделью, так сказать, их "взрослого" для детей является родитель того же пола. Это предположение ведет свое происхождение от теории З. Фрейда, утверждавшего, что в выборе сексуального объекта человеком проявляется смещение энергии либидо с самого первого объекта любви, т.е. с родителей. Иначе говоря, согласно З. Фрейду, мужчина ищет жену, похожую на мать, а женщина — мужа, похожего на отца.

В социологической литературе можно найти данные, подтверждающие этот тезис. В частности, Д. Едличка в своем исследовании 7000 супружеских пар обнаружил, что вероятность найти в опрошенной совокупности пары, в которых имелось сходство одного из парт-

159

неров с родителем противоположного пола, была выше, чем это теоретически возможно при случайном выборе²⁰.

Д.У. Гленн и П.Т. Баррет со своей стороны показали, что старший сын вступает в брак в среднем в более молодом возрасте, чем сыновья последующих очередностей; что мужчина с более старшим отцом в среднем женится позже; что дети из этнически смешанных браков предпочитают выбирать себе партнера из этнической группы родителя противоположного пола; что, наконец, люди более склонны к союзам с теми, кто в физическом отношении более похож на родителя противоположного пола, чем своего собственного²¹.

В социально-психологическом плане такой характер выбора брачного партнера находит свое объяснение в том, что человек, выбирая другого, похожего на родителя противоположного пола, как бы выбирает уже что-то хорошо знакомое как в плане личностных характеристик, так и в плане разделяемых ценностей. Такой выбор "как бы заранее обеспечивает чувство комфорта и предсказуемости, а общие ценности помогают установлению связей партнеров друг с другом, поскольку людям нравятся те, кто соглашается с ними"²².

Еще одной социально-психологической теорией брачного выбора является *теория комплементарных потребностей* Р.Ф. Уинча (ТКП-теория)²³. Основной тезис этой теории состоит в том, что люди предпочитают выбирать себе в супруги тех, чьи психологические особенности противоположны и комплементарны (дополнительны) их собственным. Например, человек робкий и склонный к зависимости, скорее всего, согласно Уинчу, предпочтет партнера сильного и доминантного. Это связано с тем, что индивид всегда стремится максимизировать степень удовлетворения своих потребностей, а максимум этот, по Уинчу, достигается в том случае, когда специфические потребности мужчин и женщин комплементарны друг другу. Суть ТКП-теории Уинча может быть афористически выражена, как "противоположности притягиваются". В основе ее — наблюдения, которые Уинч провел за 25 брачными парами в Северо-Западном университете. Хотя сам Уинч был убежден в правильности своей теории, другие исследователи отнеслись к ней критически. Характерным в этом плане было замечание Мейера и Пеппера о том, что "открытия Уинча — это артефакт. Или из-за неправильной методологии, или из-за того, что он изучал брачные пары"²⁴.

Тем не менее другие авторы, отталкиваясь от подхода Уинча, пытались усовершенствовать его теорию. Одним из примеров этого является *инструментальная теория* Р.Сентера²⁵, который исходил из предположения, что люди стремятся выбрать себе в качестве брачных партнеров тех, чье поведение и другие характеристики обес-

печивают (или кажется, что обеспечивают) максимум удовлетворения и минимум затрат для их потребностей. При этом, в отличие от Уинча, Сентер полагает, что одни потребности более значимы, чем другие, причем для некоторых потребностей это различие значимости одинаково для обоих полов, а для некоторых других — нет. Например, по словам Сентера, мужское доминирование — более значимая ценность для женщин, но для мужчин женское доминирование менее привлекательно. Обратная ситуация имеет место в случае с такой потребностью, как потребность в заботе. Отсюда, согласно выдвинутому Сентером *принципу гендерной - конгруэнтности*, вытекает, что ценности (потребности), которые более типичны для мужчин, должны позитивно коррелировать с потребностями, более типичными для женщин. В частности, Сентер предполагал, что наибольшее притягивание будет иметь место в случае, когда мужское доминирование противостоит женской потребности в интимности, покровительстве, заботе²⁶.

Хотя инструментальная теория Р. Сентера эмпирически и методически разработана более тщательно и хотя некоторые из его 239 гипотез (!) получили статистическое подтверждение, основные принципы ТКП-теории продолжают подвергаться критике со стороны многих авторов. Как подчеркивают Кепхарт и Едличка, можно практически не сомневаться, что схожесть партнеров является важным источником взаимной притягательности, но и комплементарность также значима для некоторых людей. Вопрос по-прежнему не ясен²⁷.

Еще одной теоретической интерпретацией процесса брачного отбора является *теория обмена*. Основанная на модели социального взаимодействия Дж. Хоманса, согласно которой базисом возникновения нормативного порядка в обществе является взаимная полезность людей, выгоды, которые они получают в результате обмена между собой разного рода благами (не обязательно материальными), теория брачного обмена развивается различными авторами.

Согласно Хомансу, в обществе всегда существует некая шкала ценностей, которые могут быть вовлечены в обмен, и человеческое поведение строится в соответствии с нею. Человек "обменивает" некоторые свои качества на качества или свойства других людей: физическую привлекательность на благосостояние, богатство на громкий титул и т. п. При этом ценность человека как целого складывается из суммы ценностей его отдельных, вовлекаемых в обмен качеств. Человек, имеющий более высокую ценность (обладающий более высоким статусом социальной привлекательности), получает "плату" от того, чья ценность ниже. Согласно Хомансу, "все без

161

исключения социальные взаимодействия на всех уровнях подчиняются принципам обмена эквивалентами"²⁸. При этом человек приобретает способность производить оценку (приписывать "стоимость") личностным или социальным характеристикам людей (себя в том числе) в процессе социализации.

Соответственно этому теория брачного обмена постулирует, что на основе брачного выбора лежит процесс оценивания качеств (личностных и социальных) возможного партнера и определения того, кто из возможных партнеров может принести больший выигрыш при меньших затратах. Характеристики индивида при этом рассматриваются как некое благо, подлежащее обмену и имеющее определенную рыночную цену. В качестве такого блага может выступать в принципе все, что угодно, но обычно указывают на следующие важнейшие их классы²⁹:

— *"индивид"*. В данном случае речь фактически идет о соотношении на брачном рынке численностей "подходящих" друг для друга мужчин и женщин. Это соотношение может измеряться по-разному, начиная от самого простого и грубого общего соотношения полов и населения до более тонких пропорции, учитывающих как возраст потенциальных партнеров, так и другие их важнейшие характеристики (образование, этническая принадлежность и т.д. и т.п.)³⁰ Интуитивно ясно, что ценность каждого отдельного индивида на брачном рынке зависит от подобных соотношений, которые понижают ценность тех, чей пол имеет избыток, и наоборот, затрудняя или облегчая им вступление в брак³¹;

— *возраст*. О роли этого "блага" речь шла выше;

— *внешний облик*, включающий в себя не только физическую внешность, но и манеры поведения, умение себя вести и т. п.;

— *статус*, рассматриваемый как комбинация различных социально-экономических характеристик (благосостояние, происхождение, образование и т. п.). Подобно впечатлению от внешнего облика субъективная оценка статуса важна для принятия решения о продолжении или прекращении "романтических отношений";

— *социально-психологические характеристики личности* (эмпатия, эмоциональность, экспрессивность, способность к пониманию сотрудничеству и т. п.);

— *ценности, убеждения* и т. д. Общие или совпадающие ценности облегчают взаимодействие с потенциальным партнером и могут служить фактором принятия решения о брачном выборе. Ценности сильно отличающиеся друг от друга, могут стать непреодолимым препятствием для брачного выбора даже в случае сильной страсти.

Хрестоматийный пример этого — отказ Ф.М. Достоевского от брака

162

с А.В. Корвин-Круковской (сестрой знаменитой С.В. Ковалевской) из-за "диаметральной противоположности" их взглядов³². Душечка — героиня одноименного рассказа А.П. Чехова — хрестоматийный пример другого рода, пример отказа от собственной личности, от убеждений в обмен на страсть, теплоту связей, положение в обществе и т.п.

Современные исследования показали, что число возможных партнеров для брака, доступных для мужчин или для женщин, оказывает значительное влияние на основные структуры общества, включая их социальные, культурные, экономические и психологические элементы. Дисбаланс в относительной доступности мужчин и женщин существенным образом влияет на их сравнительный статус и власть, на нормы сексуального поведения, на динамику коэффициентов брачности, стабильность семьи и рождаемость. В современных США растущий недостаток мужчин для женщин в наиболее бракоспособных возрастах был проанализирован в его влиянии на увеличение возраста вступления в брак, рост доли одиноких, снижение брачной рождаемости, рост разводимости, внебрачной рождаемости, женской занятости и на рост доходов женщин за последние два десятилетия. Действительно ли так уж плох недостаток мужчин? Удивительно мало усилий было затрачено для оценки относительных источников поступления мужчин и женщин на брачный рынок. Наиболее часто цитируемый показатель — соотношение полов во всем населении — слишком грубо, поскольку включает в себя и тех, кто или еще слишком юн, или

уже слишком стар, чтобы испытывать существенный риск вступления в брак, развода или рождения ребенка. Другие показатели определялись относительно численности мужчин в тех возрастных группах, из которых женщины с большей вероятностью выбирают себе мужей. Например, Гольдберг брал отношение численности женщин в возрасте 18-21 года к численности мужчин в возрасте 21-24 года, Аскер — численности женщин в возрасте 18-22 года к числу мужчин в возрасте 20,25-25,25 года. Однако общим недостатком этих показателей является то, что они включают как состоящих, так и не состоящих в браке (одиноких). В этой связи Хиршман и Матрас ввели более подходящий индекс: отношение численности одиноких женщин в возра-

стном интервале к численности одиноких мужчин в трех или четырех возрастных интервалах, из которых эти женщины с большей вероятностью выбирают себе мужей. Эти отношения отражают определенную и фиксированную разницу в возрастах мужчин и женщин в 2-3 года. Между 1950 и 1979 гг. разница медианных возрастов вступления в первый брак для мужчин и для женщин сократилась с 2,5 лет до 1,8 года. Соотношение полов в бракоспособных возрастах весьма чувствительно к установленной фиксированной разнице возрастов супругов. В таблице приведены четыре оценки соотношения полов для белых женщин в возрасте 20-24 года, основанные на общей численности мужчин и женщин этого возраста, численности одиноких мужчин и женщин с фиксированной разницей возрастов в 0 лет, 2 и 3 года.

Таблица 1

Соотношения полов в бракоспособных возрастах. США, белое население, 1970 и 1980

Число мужчин Показатель

на 100 женин

1970 1980

Общая численность мужчин в возрасте 20-24

-----'----- 94,6 101,5

Общая численность женщин в возрасте 20-24

Число одиноких мужчин в возрасте 20-24

132,5 126,6 Число одиноких женщин в возрасте 20-24

Число одиноких мужчин в возрасте 22-26 Число одиноких женщин в возрасте 20-24

Число одиноких мужчин в возрасте 23-27 Число одиноких женщин в возрасте 20-24

Три из четырех показателей табл.1 показывают улучшение ситуации на брачном рынке для женщин в возрасте 20-24 года между 1970 и 1980 гг., однако масштаб этого улучшения различен для разных показателей.

Goldman N., Westoff Ch.F., Hammerlough Ch. Demography of the Marriage Market in the United States // Population Index. Vol. 50. P. 5-7.

164

Качества и характеристики личности, выступающие как подлежащие обмену блага, или личностные ресурсы, и втягиваемые на брачный рынок, оцениваются, как сказано выше, участниками процесса брачного отбора. При этом рыночные определения, или определения обмена, действуют на трех уровнях взаимоотношений, детерминируя как возможных участников обмена, так и его условия и процесс принятия решения на брак. Попытку дать целостное описание процесса брачного выбора представляет собой теория "стимулов — ценностей — ролей" (СЦР-теория) Бернарда Мурштейна³³.

СЦР-теория является общей теорией развития диадических взаимоотношений. Первоначально она была разработана Мурштейном для анализа процесса ухаживания, затем применена для изучения межрасовых браков и затем с небольшими модификациями расширена применительно к исследованиям дружбы и супружеских взаимоотношений. СЦР-теория является теорией обмена, устанавливающей, что "в условиях относительно свободного выбора аттракция (привлекательность) и интеракции зависят от обмена ценностями тех благ и обязательств, которые оба партнера предлагают друг другу"³⁴. Согласно Мурштейну, процесс развития отношений детерминируется тремя классами переменных, которые он называет *стимулы*, *ценностное сравнение* и *роли*. Эти переменные действуют на всем протяжении процесса брачного отбора (знакомство, ухаживание, решение на брак), но каждая из них имеет зону максимального влияния на соответствующей стадии этого процесса, которая соответственно этому получает свое название — стадия "стимуляции", стадия оценивания и ролевая стадия³⁵.

На стадии стимуляции действуют факторы, которые "притягивают" индивидов друг к другу, делают их привлекательными друг для друга благодаря их физическим, интеллектуальным, социальным и другим характеристикам. "Индивиды тянутся друг к другу на основе взвешенной амальгамы атрибутов стимуляции"³⁶.

Следующей стадией является стадия ценностного сравнения, когда взаимному оцениванию подвергаются системы ценностей и установок, в частности, представления и установки друг друга относительно брака, половых ролей, числа детей в семье и т. д. По словам Мурштейна, "обозначение" ценностное сравнение "относится к интересам, установкам, взглядам и даже потребностям, когда они выглядят как вытекающие из убеждений. Первичный фокус стадии ценностного сравнения — это сбор информации о другом путем вербальной интеракции с ним... Речь идет об информации, которую каждый получает о другом, такой, как отношение к религии, политические взгляды, отношение к людям, интерес к спорту, искусству, ганцам и тому подобное"³⁷.

165

Некоторые люди могут вступать в брак на основе одной или двух первых стадий. Однако большинство проходит и ролевую стадию. Для них, говорит Мурштейн, сходство ценностей — необходимое, но не достаточное условие. Таковым для большинства является ролевая совместимость, сходство взаимных представлений о семейных (и вне-семейных) ролях мужчин и женщин. Достижение ролевой совместимости — это, вероятно, бесконечный процесс, поскольку ролевая притирка происходит на всем протяжении существования брачного союза и никогда не завершается полностью³⁸.

В межнациональных браках всегда заложены трудности даже и без тех осложнений, которые вносят меняющиеся роли мужчин и женщин. Мужчины британского происхождения, как правило, принимают как раз те решения, которые принимаются женщинами американского происхождения: как обставить дом, где развести розы на террасе, куда поехать в отпуск. Во время второй мировой войны было забавно наблюдать за этими двумя типами браков. Если жена была американкой, а супруг англичанином, то в доме велась непрерывная война из-за того, кому что надлежит решать. Но если супруг был американцем, а жена англичанкой, то браку, по всей вероятности, суждено было распаться, так как ни он, ни она не считали своим делом решать, кого пригласить на обед или пойти ли вечером в кино.

Мид М. Иней на цветущей ежевике // Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 41.

Вопросы к читателю:

1. Какие факторы брачного отбора действовали в описанных выше браках?
2. Какая из научных теорий, о которых шла речь выше наилучшим образом описывает эти семьи?
3. Какова, по Вашему мнению, вообще прочность межэтнических браков по сравнению с браками моноэтническими?

Таковы вкратце основные концепции брачного отбора, описывающие брачное поведение. Разумеется, сказанное здесь не исчерпывает ни всей сложности процесса брачного отбора, ни его теоретических Интерпретаций. Мы хотели дать материал, скорее, для первоначального знакомства с закономерностями брачного поведения, брачного выбора. На схеме 7—1 брачный выбор представлен

166

Схема 7—1 ПРОЦЕСС БРАЧНОГО ОТБОРА

antonov 8 8

167

как процесс движения через культурные, социологические и психологические фильтры и постепенного сужения пространства возможных выборов³⁹.

Культурные, социологические и психологические фильтры брачного отбора.

КУЛЬТУРНЫЕ ФИЛЬТРЫ

Для партнеров, решивших вступить в брак,

Факторы эндогамии

и Факторы экзогамии

должны быть учтены

После удовлетворения социокультурных предусловий начинают действовать социологические и психологические фильтры.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ФИЛЬТРЫ

Близость = тенденция выбирать брачного партнера среди тех, кто живет, работает или учится рядом.

Гомогамия = тенденция выбирать брачного партнера, похожего на выбирающего в следующих отношениях:

Возраст

Физический облик

Раса (этнос)

Совместимость внутренних часов

Образование

Религия (убеждения)

Социальная группа Брачный статус (состояние)

Интеллект (ум)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФИЛЬТРЫ Чувство любви (страсть) Схожесть с родителем

противоположного пола

Комплементарные Соотношение цены и прибыли потребности

в обмене

Личностные характеристики

Knox D., Schacht C. Choices In Relationships. An Introduction to Marriage and the Family. Saint Paul, 1991. P.186.

Процесс брачного отбора завершается тем, что человек находит того единственного, как он думает, "другого", с которым он хочет и может соединить свою жизнь и вступить в брак или в бракоподобные отношения. С этого момента для человека заканчивается та стадия его жизни, которая описывается термином "брачное по-

168 ведение" и начинается стадия поведения сексуального и репродуктивного.

В следующей главе мы переходим к изучению первой из этих двух важнейших сторон человеческой жизни — сексуального поведения.

Ключевые термины:

близость, брачное поведение, брачный выбор, брачный градиент, гетерогамия, гомогамия, комплементарные потребности, экзогамия, эндогамия.

Примечания

¹ Farber B. Family: Organization and Interaction. San Francisco, 1964. P. 109.

² Численность, состав и движение населения в Российской Федерации. М., 1992. С. 419, 421.

³ Kephart W.M., Jedlicka D. The Family, Society and Individual. New York, 1991. P.174.

⁴ Демографический ежегодник. 1991. М., {б.г.}. С. 402.

⁵ Statistical Abstract of the USA: 1990. Wash. 1990. Table 53.

⁶ Multilingual Demographic Dictionary. Eng. Section. P. 68; см. также: Энциклопедический словарь "Народонаселение", М., 1994. С. 81, 86.

⁷ Knox D., Schacht C. Choices in Relationships. An Introduction to Marriage and the Family. 3rd Edition. Saint Paul et al, 1991. P. 181.

⁸ Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М., 1994. С. 130-131.

⁹ Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М., 1986. С.95.

¹⁰ Там же. С.96.

¹¹ Kephart W.M., Jedlicka D. Op.cit. P. 176.

¹² Eckland B.K. Theories of Mate Selection // Social Biology. Spring-Summer 1982. P. 19.

¹³ Рассчитано по: Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990. С. 285.

¹⁴ Knox D., Schacht C. Op. cit. P. 182.

¹⁵ См. об этом: Locitzer K. Are you out of sync with each other? // Psychology Today. Jul.-Aug. 1989. P. 66.

¹⁶ Knox D., Schacht C. Op. cit. P. 183.

¹⁷ Рассчитано по: Демографический ежегодник СССР. С. 269.

¹⁸ Bossard J.H.S. Residential propinquity as a factor in marriage selection // American Journal of Sociology. 1932. V. 38. P. 219-224.

169

¹⁹ Журнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем, М., 1990. С. 93-97, 135.

²⁰ Jedttcka D, Indirect parental influence on mate choice: a test of the psychoanalytic theory // Journal of Marriage and the Family. 1984 V. 46, P. 65-70,

²¹ Glenn A, Barrett P,T, Parental characteristics and partner choice of some evidence for Oedipal imprinting // Journal of Biosocial Science 1987. У, 19. P. 157-161.

²² White M.K. Dating, mating and marriage. New York, 1990. Cit. in Knox D, Schacht C. Op. cit. P. 185.

²³ Winch R.F. The theory of complementary needs in mate selection / American Sociological Review. 1955. V. 20. P. 552-555; Winch R.F. Mate Selection; A study of Complementary Needs. New York, 1958.

²⁴ Meyer f.P, A S,Pepper. Need compatibility & marital adjustment in young married couples // Journal of Personality & Socie! psych. 1977, Vol. 35, P, 331-342.

²⁵ Center R. Sexual attraction & love: An instrumental theory. Springfield, 1975,

²⁶ см: Murstein B.J. Mate selection in 1970s // Journal of Marriage & the Family. 1980. V. 42, No. 4. P. 61. (Decade Review: Family Research, 1970-1979).

²⁷ Kephart W,M., Jedlicka D, Op. cit. P. 180.

²⁸ См. об этом: Основы социологии. Курс лекций. М., 1998 С. 65-66.

²⁹ Kephart W.M., Jedlicka D, Op. cit. P. 175-177.

³⁰ См. об этом: Goldman N., Westoff Ch.F., Hammerslough C. Demography of the marriage market in the US // Population Index. V. 50. 1984. P. 5-25.

³¹ О роли соотношения полов в процессе брачности в нашей стране см,: Чуйко Л,В. Браки и разводы. М., 1975. С. 66-68; Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в СССР. М., 1989, С. 11-16.

³² Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1987. С, 108-109.

³³ Murstein B.J. Who Will Marry Whom? Theories & Research to Marital Choice. New York, 1976.

³⁴ Murstein B.J. Mate Selection in 1970s (see note 26). P. 59.

³⁵ Ibid,

³⁶ Ibid.

³⁷ Cit. in: *Kephart W.M., Jedlicka D.* Op. cit. P. 179.

³⁸ *Murstein B.J.* Op. cit. (see note 26). P. 59-60.

³⁹ *Kerkhaff A.C. & D.Keith.* Value Consensus & Need Complementarity in Mate Selection // *American Sociological Review.* V. 27. June 1962. P. 295-303.

170

Глава 8

СЕКСУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Термин "*сексуальное поведение*", как и "*репродуктивное поведение?*", заимствован из биологии. В этой науке они употребляются как синонимы. И это не случайно.

Оба они используются биологами для обозначения комплекса физиологических и поведенческих реакций животного, направленных на удовлетворение половой (сексуальной) потребности, в результате чего на свет появляется потомство, или, другими словами, осуществляется процесс репродукции (размножения).

Естественно, перенос этих понятий из биологии в социологию не мог не привести к изменению их содержания. В частности, понятия "сексуальное поведение" и "репродуктивное поведение" обособились друг от друга, перестали быть синонимами. Разумеется, это разделение не является чисто терминологическим. Оно стало возможным только потому, что и в реальности сексуальное и репродуктивное поведение представляют собой совершенно разные (хотя и близкие) явления, совершенно разные комплексы отношений.

В современных условиях, когда вмешательство в процесс деторождения не только технически доступно благодаря производству искусственных аборт и достаточно эффективной контрацепции, но и социокультурно допустимо, более того — нормативно, сексуальное и репродуктивное поведение — это два различных и автономных типа социального (семейного) поведения.

Они управляются различными потребностями и интересами, имеют свои собственные вполне определенные цели и мотивировки. Их связь друг с другом обнаруживается фактически лишь в том, что сексуальное поведение, как и прежде, пока еще остается единственным средством (если не считать экстракорпорального, искусственного оплодотворения) достижения целей репродуктивного поведения. Однако это такое средство, которое само по себе стало целью, самодостаточно и не нуждается, вообще говоря, ни в какой "внешней" поддержке и может реализовываться независимо от каких-либо внешних по отношению к нему потребностей, хотя бы и потребности в деторождении.

Это — одно из тех фундаментальных изменений, которые привнесло в семью, семейные отношения общественное развитие. Обособление сексуального и репродуктивного поведения, ставшее результатом радикальных изменений брачно-семейных отношений, технически обосновано доступностью контрацепции и ис-

171

искусственных абортов, а социокультурно — действием социальных норм, разрешающих их использование и даже подталкивающих к нему¹.

В прошлом для сексуального и репродуктивного поведения в целом была характерна их слитность, единство и неразделенность (синкретизм), обусловленные действием соответствующих социальных норм, запрещавших как предотвращение наступления беременности, так и ее прерывание. И в этом плане применительно к прошлому можно говорить о репродуктивном поведении в широком смысле слова, поведении, в котором сексуальность, половые отношения были лишь одним из моментов, своего рода неизбежным злом, которое терпели лишь по необходимости. Сексуальное поведение было практически полностью подчинено (по крайней мере, в том, что касалось семьи, и в рамках европейской цивилизации) исключительно целям деторождения. Современным отголоском такого, резко негативного и репрессивного отношения к сексуальному поведению является половая мораль, которой придерживаются жители общины Гелтчетте.. (Инис Биг) в Ирландии, изученной в 70-е гг. американским антропологом Дж. Мессенджером².

Глобальный процесс трансформации семьи выразился, повторим еще раз, и в том, что бывшая неразделенность сексуального и репродуктивного поведения оказалась снятой. Они автономизировались, обособились друг от друга. Их цели и мотивы разделились, более того, возникла их инверсия. Рождение детей остается одной из целей сексуального поведения, причем чисто условной, занимающей крайне ограниченное и сокращающееся место вообще на всем пространстве человеческой жизни.

Что же такое сексуальное поведение? Согласно современным представлениям, *сексуальное поведение — это система действий и отношений, которые опосредуют удовлетворение полового влечения (сексуальной потребности)*

Сексуальное поведение, и это надо постоянно иметь в виду, — это социальное, человеческое поведение, в котором человек преследует определенные цели, стремится к реализации определенных интересов, но на основе использования биологических механизмов. В сексуальном поведении соединены физиологические, психологические и социокультурные процессы, но соединены таким образом, что первые оказываются подчинены, включены в контекст последних. В сексуальном поведении проявляется совместное действие как биологических (в том числе и генетически заданных), так и социальных, социокультурных сил (аскриптивный, т.е. определяемый при рождении

кусственных абортов, а социокультурно — действием социальных норм, разрешающих их использование и даже подталкивающих к нему¹.

В прошлом для сексуального и репродуктивного поведения в целом была характерна их слитность, единство и неразделенность (синкретизм), обусловленные действием соответствующих социальных норм, запрещавших как предотвращение наступления беременности, так и ее прерывание. И в этом плане применительно к прошлому можно говорить о репродуктивном поведении в широком смысле слова, поведении, в котором сексуальность, половые отношения были лишь одним из моментов, своего рода неизбежным злом, которое терпели лишь по необходимости. Сексуальное поведение было практически полностью подчинено (по крайней мере, в том, что касалось семьи, и в рамках европейской цивилизации) исключительно целям деторождения. Современным отголоском такого, резко негативного и репрессивного отношения к сексуальному поведению является половая мораль, которой придерживаются жители общины Гелтчетч (Инис Бит) в Ирландии, изученной в 70-е гг. американским антропологом Дж. Мессенджером².

Глобальный процесс трансформации семьи выразился, повторим еще раз, и в том, что бывшая неразделенность сексуального и репродуктивного поведения оказалась снятой. Они автономизировались, обособились друг от друга. Их цели и мотивы разделились, более того, возникла их инверсия. Рождение детей остается одной из целей сексуального поведения, причем чисто условной, занимающей крайне ограниченное и сокращающееся место вообще на всем пространстве человеческой жизни.

Что же такое сексуальное поведение? Согласно современным представлениям, *сексуальное поведение — это система действий и отношений, которые опосредуют удовлетворение полового влечения (сексуальной потребности)*

Сексуальное поведение, и это надо постоянно иметь в виду, — это социальное, человеческое поведение, в котором человек преследует определенные цели, стремится к реализации определенных интересов, но на основе использования биологических механизмов. В сексуальном поведении соединены физиологические, психологические и социокультурные процессы, но соединены таким образом, что первые оказываются подчинены, включены в контекст последних. В сексуальном поведении проявляется совместное действие как биологических (в том числе и генетически заданных), так и социальных, социокультурных сил (аскриптивный, т.е. определяемый при рождении

нии пол, полоролевая структура общества, его половая и сексуальная культура и мораль и т.д.).

Термин "сексуальное поведение", во многом синонимичный понятию "половая жизнь", мы будем употреблять, чтобы подчеркнуть социальное, активное, субъективно-деятельное начало половой жизни человека, чтобы поместить последнюю в социологическую систему координат, акцентировать те ее аспекты, которые отражают ее целеполагание, внутреннюю, ценностную и установочно-мотивационную сторону. Термин "сексуальное поведение" употребляется и для акцентирования самодостаточности половой жизни, ее отличия и отдельности от репродуктивного поведения, от целей деторождения.

Характерной чертой сексуального поведения человека является множественность, неоднородность целей, достижению которых служит вступление в сексуальные отношения. Сексуальное поведение может удовлетворять целый ряд других (кроме сексуальной) потребностей, радикально меняя свой личностный смысл для человека и его мотивацию, свое, следовательно, символическое значение для индивида. Надо иметь в виду, однако, что в этой множественности целей сексуального поведения, в его отрыве от целей рождения детей может таиться опасность их (целей) отчуждения, дегуманизации, ориентации сексуального поведения на девиантные, отклоняющиеся формы (гомосексуализм, групповой секс, порнография и т.д. и т.п.). Масштабы, которые в современных условиях приняли подобные ано-мичные формы сексуального поведения, приобретение некоторыми из них квазинормативного статуса служат одним из выражений кризиса семьи, симптомом и предвестником ее возможного и весьма вероятного краха в будущем.

Согласно современным представлениям, целями сексуального поведения могут быть³:

- релаксация, снятие полового напряжения;
- деторождение, удовлетворение потребности в зачатии и в акте рождения;
- чувственное наслаждение как самоцель (гедонизм);
- познание, удовлетворение полового любопытства. Эта цель особенно значима для начинающих половую жизнь, в первую очередь подростков;

— коммуникация, обретение чувства психологической личностной интимности, полного слияния с другим человеком. По мнению И.С. Кона, эта цель является своего рода надцелью и сверхмотивом для всего вышеперечисленного, входящего в нее в качестве подчиненных компонентов (подцелей);

173

— сексуальное самоутверждение, получение наглядных и убедительных доказательств собственной сексуальной состоятельности, потенции. Эта цель также является исключительно значимой для подростков, хотя и не только для них. Мотивирующая Сила стремления к сексуальному самоутверждению чрезвычайно высока;

— внесексуальные цели, т.е. цели, внешние по отношению к собственно сексуальному поведению. Таковыми могут быть какие-либо материальные блага и выгоды, а также любые в принципе безличные социальные ценности, к приобретению которых может стремиться человек. Сюда же относится и поддержание определенного ритуала или привычки. Например, сексуальные отношения в браке могут одновременно и поддерживать стабильность супружеских взаимоотношений и символизировать ее;

— компенсация, замена, возмещение каких-то иных, дефицитных для индивида в силу каких-то причин, видов и форм деятельности или способов эмоционального удовлетворения.

Этот плюрализм целей и мотивов сексуального поведения отражает его сложность и комплексный характер, соединение в нем индивидуального и социального, биологической основы и "научения", социализации, того, что привнесено в индивидуальное сексуальное поведение социальной системой, обществом.

Классификация половой жизни (по Г.С. Васильченко)

А. Экстрагенитальные формы.

1. Платоническая любовь.
2. Танцы.
3. Гейшизм.

Б. Генитальные формы.

I. Суррогатные и викарные (заместительные).

1. Поллюции.
2. Мастурбация.
3. Петтинг.

II. Суррогатные формы коитуса.

1. Вестибулярный коитус.
2. Coitus intra femora.
3. Нарвасадата (coitus intra mammae), подмышечный коитус и др.
4. Coitus per anum:
 - а) гетеросексуальный;
 - б) гомосексуальный.

174

III. Нормативный гетеросексуальный коитус.

IV. Орогенитальные (лабиогенитальные) контакты (кейра, фелляция, куннилингус),

V. Сексуальные действия с животными.

Общая сексопатология / Под ред. Г.С.Васильченко. М., 1977. С. 179.

Важнейшими понятиями, раскрывающими содержание сексуального поведения как социокультурного феномена, являются понятия "половая роль", "половая культура", "сексуальный сценарий".

Понятие "половая культура" характеризует совокупность званий, верований, социальных норм и ценностей, запретов и предписаний, имеющих отношение к различиям между полями и их взаимоотношениям. Взятое в более узком, специальном смысле, это понятие характеризует ту часть совокупности, о которой речь шла выше, которая выполняет регулирующую и нормативную роль по отношению к собственно половой жизни и сексуальному поведению человека. Половую культуру в этом, узком значении слова, часто называют также сексуальной культурой. Следовательно, когда мы говорим о половой (сексуальной) культуре, мы хотим тем самым подчеркнуть социокультурное содержание сексуальных отношений, хотим акцентировать то, что привнесено в них обществом, культурой и что отличает половую жизнь человека от сексуального поведения животных.

Сексуальная культура регулирует сексуальное поведение человека, формирует систему ценностей, запретов и правил, а также образцов поведения, которая, будучи усвоенной в процессе социализации, определяет сексуальный сценарий индивида, стиль его взаимоотношения с партнером, вводит половую жизнь в социально приемлемые рамки на благо общества, семьи, брака. Разумеется, при этом степень усвоения сексуальной культуры общества индивидом может быть совершенно различной, характеризуя индивидуальную сексуальную культуру.

Понятие "половая (сексуальная) культура" тесно связано с понятием "половая (сексуальная) роль". Под половой ролью обычно понимают совокупность социокультурных норм, определяющих то, какими должны или не должны быть мужчины или женщины, как они должны или не должны себя вести.

Как видно' из этого определения, половая роль является конкретизацией понятия "социальная роль", предложенного американским социологом Дж.Мидом, который под социальной ролью понимал отвечающий принятым социокультурным нормам способ поведения

175

людей в системе межличностных отношений, который зависит от их места и позиции в обществе, т.е. от статуса. Доминирующим типом у мундугуморов были свирепые стяжатели — мужчины и женщины; нежные же и ласковые мужчины и женщины оказывались париями этой культуры. Женщина, которая проявила бы великодушие, накормив грудью ребенка другой женщины, овдовев, просто не нашла бы себе нового супруга. Как от мужчин, так и от женщин ожидалось, что они должны быть открыто сексуальными и агрессивными. Как правило, оба пола не любили детей, а в тех случаях, когда детям позволяли остаться на свете, родители сильно тяготели к детям противоположного пола. У арапешей женщин стремились отстранить от работы в огородах, защищая эти огороды, ямссу не нравилось иметь дело с женщинами. У мундугуморов пары совокуплялись в чужих огородах, чтобы испортить ямс владельцев. Как у арапешей, так и у мундугуморов я обнаружила сильную унификацию личностной культуры, причем и у мундугуморов считалось, что мужчины и женщины должны воплощать единый тип личности. Идея поведенческих стилей» отличающих мужчин и женщин, была чужда обоим народам.

Мид М. Иней на цветущей ежевике // Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 57.

Соответственно под половой ролью обычно понимают совокупность норм, порождаемых культурой и обращенных к индивиду, которые говорят ему, какое поведение ожидается от него другими, что он должен и может делать как мужчина или как женщина. Сексуальной же ролью называют тот аспект роли половой, который относится к сексуальным отношениям и который характеризует (и предписывает) ожидания-требования к индивиду со стороны других, общества в сфере половой жизни.

Понятие же "сексуальный сценарий" характеризует, как сказано выше, ту часть сексуальной культуры, которая усвоена индивидом, стала частью его личности и потому управляет его сексуальным поведением "изнутри", будучи частью системы его диспозиций. Это понятие введено американскими исследователями У. Саймоном и Дж.

Ганьоном в 1967 г.⁴

Это понятие, смысл которого близок к смыслу таких слов, как "план", "программа поведения", и т.п., "обозначает достаточно ши-

176

рокую когнитивную структуру, соединяющую многообразные символические и невербальные элементы в организованный и хронологически последовательный ряд, на основе которого люди могут одновременно предвосхищать свое поведение и оценивать его в данный момент. Нормативные компоненты сексуального сценария — кто, что, с кем, где, когда, как и почему должен, может или не должен и не может делать в сексуальном плане — в общих чертах задаются соответствующей культурой"⁵.

Разумеется, наличие у индивидов общих для всех элементов сексуального сценария (общей, совпадающей части воспринятой от общества сексуальной культуры) не означает отсутствия тех или иных индивидуальных вариаций, обусловленных различиями происхождения и индивидуальной истории ⁶.

Дамы и рыболовство несовместимы

Крупнейшее в Африке озеро Виктория в последние годы стало превращаться в своего рода братскую могилу для его обитателей. Специалисты объясняют это ухудшением экологической ситуации. Однако менее искушенные в науке жители угандийского острова Луверо на севере озера считают, что рыба исчезает по вине тех, кто допустил к ее ловле женщин. А такое вольнодумство, естественно, до добра не доводит.

Старейшины утверждают, что еще совсем недавно местные рыбаки никогда не возвращались домой без рыбы. И все потому, что они следовали наказам стариков. На острове живут около тысячи мужчин и ни одной женщины. Как ни странно, кругом полная чистота. Все отходы сбрасываются в озеро. Местные жители убеждены, что сорить на земле — значит накликать на себя беду и навсегда остаться без рыбы. Еще хуже — появление на острове женщины. Даже жене и двум дочерям старейшины запрещено появляться на Луверо.

Что касается представительниц властей, рыбаки требуют, чтобы те о своих визитах предупреждали заранее и появлялись только днем. Местное поверье гласит: окажись женщина на острове ночью, все рыбацкие лодки непременно затонут, а страшный ветер нагонит столько воды, что навсегда отрежет Луверо от внешнего мира.

Сегодня, 1994, 26 февр.

177

Сексуальный сценарий, будучи частью диспозиционной системы, имеет трехкомпонентную структуру, включающую в себя как когнитивные (понятия, представления, оценочные суждения), так и эмоциональные в побудительные элементы, совместное действие которых определяет особенности индивидуального сексуального поведения — его цели, время начала половой жизни, частоту половых сношений, принимаемые и отвергаемые их формы, сексуальную направленность и т.д.

Для характеристики индивидуального сексуального сценария и соответственно поведения чрезвычайно важным является также знание того, какая именно — более либеральная, перmissive, терпимая или более строгая, репрессивная — система сексуальных ценностей (половая мораль) усвоена индивидом. Мы уже упоминали о половой морали ирландской общины Инис Бит. В действительности в мире существует широкий спектр культур и субкультур, различающихся по степени *пермиссивности* (терпимости) в отношении сексуального поведения и отражающих преобладание тех или иных систем сексуальных ценностей.

Эти системы современных сексуальных ценностей некоторые авторы подразделяют на следующие основные типы: *легализм, ситуационная этика, гедонизм, аскетизм и рационализм*.

Легализм как этическая сексуальная система связан с принятием или отвержением, одобрением или осуждением сексуальных отношений на основе господствующей в обществе половой морали, репрессивной по преимуществу и признающей сексуальные отношения только с целью деторождения и на основе легально признанных брачных союзов. Приведенный выше пример ирландской общины Инис Бит является крайним, экстремистским выражением легализма, свойственного иудео-христианской половой морали. В ее рамках полевые сношения, рассматриваемые как дар божий, допустимы только в браке и только для рождения детей. В рамках легализма осуждаются также все формы половой жизни, кроме нормативного гетеросексуального коитуса.

Ситуационная этика является одной из наиболее распространенных в настоящее время разновидностей половой морали. Как следует из самого термина "ситуационная этика", в основе ее убеждение в том, что сексуальное поведение должно определяться актуальным ситуационным контекстом, т.е. конкретной ситуацией. Человек должен, согласно этому взгляду, руководствоваться только любовью, доброй волей и уверенностью в том, что последствия будут хорошими. Следование правилам и нормам сторонник ситуа-

ционной этики обуславливает характером ответа на вопрос о том, имеет ли место в том или ином случае взаимная симпатия и любовь. Если да, то принимаются и признаются любые сексуальные отношения. Гедонизм как этическая система исходит из того, что единственным основанием сексуальных отношений являются не моральные нормы и не ситуационный контекст, а исключительно наслаждение, удовольствие. "Делай то, что приятно!" — вот девиз гедониста, считающего, что половое влечение, подобно голоду и жажде, не должно быть объектом моральных ограничений. В своей крайней форме гедонистическая этика может оправдывать даже сексуальное насилие, а приверженец гедонизма может превратиться в своего рода "сексоголика" или "сексомана".

Аскетизм связан с отказом от сексуальных отношений, как и от других "мирских удовольствий", с убеждением, что наибольшее удовлетворение человек получает не от чувственных наслаждений, а от духовного самосовершенствования, удовлетворения так называемых "высших" потребностей. К счастью, аскетическая мораль не имеет широкого распространения (особенно в своих крайних формах).¹

И, наконец, рационализм как одна из современных этических систем (в том числе и систем сексуальных ценностей) исходит из приоритета разума, из необходимости выявить рациональные основания для выбора стратегии сексуального поведения, оценить баланс возможных издержек и позитивных и негативных последствий вступления в половые отношения с тем или иным партнером.

Говоря о сексуальной морали и ценностях, связанных с половой жизнью, необходимо также отметить, что во всем, что касается сексуальных отношений, в современном обществе продолжает сохраняться (в той или иной степени) половая, или, как теперь модно говорить, *гендерная асимметрия*, различия в том, что могут или не могут, должны или не должны делать мужчины или женщины.

"Предписания сексуальной культуры всегда неоднородны и неоднозначны. Изучая сексуальные нормы и запреты, необходимо учитывать, кем, кому, что, с кем, насколько и почему запрещено"⁷. И гендерная асимметрия, или двойной стандарт, — один из наиболее ярких примеров такой неоднородности, касается ли это допущения добрачных связей, вне- или сверхбрачных отношений и многих других аспектов сексуального поведения. И хотя общая эволюция брач-

но-семейных отношений, в том числе и сексуального поведения, выражается, помимо прочего, и в постепенном изживании двойного стандарта (за что особенно активно выступают многие женщины), он пока еще не исчез окончательно, перемещаясь в довольно неожиданные формы. В частности, в настоящее время одним из выражений этого двойного стандарта является практически всеобщее убеждение, что контрацепция — это исключительно или почти исключительно "женское дело".

Каковы же основные тенденции и закономерности сексуального поведения в современном мире? И каким образом социологическая наука исследует и интерпретирует сексуальное поведение?

Первый вопрос, который нас интересует, — это вопрос о добрачном сексуальном поведении и, в частности, о сексуальном поведении подростков. Этот вопрос — первый не только потому, что, с точки зрения жизненного цикла семьи, добрачное сексуальное поведение предшествует браку, но и потому, что последовательное увеличение распространенности добрачных половых связей является одним из ярких проявлений кризиса семьи в современном обществе.

За последние 20-30 лет во всем мире резко усилился интерес к проблемам, связанным с добрачным, особенно подростковым, сексуальным поведением. Особый упор на сексуальное поведение подростков неслучаен, поскольку именно на подростковый возраст приходится значительная и растущая часть добрачных половых связей и поскольку именно сексуальные связи подростков порождают наибольшее число экономических, социальных, медицинских и других проблем.

Как отмечают авторы подготовленного ООН обзора репродуктивного поведения подростков в развитых странах мира, "доминантой многих высказываний и суждений по этому поводу является беспокойство. Беспокойство из-за растущего уровня рождаемости в самых молодых возрастах, из-за высокой доли нежелательных и незапланированных беременностей у подростков в контексте изменяющихся сексуальных установок и поведения и роста возраста первого брака. Это беспокойство связано с большим числом разнообразных негативных последствий сверхранных и ранних беременностей. Оно может только усиливаться в связи с тем, что число таких беременностей растет на фоне продолжающегося снижения рождаемости"⁸.

В этой длинной для учебника цитате отражена общая для развитых стран проблематика и значение сексуального и репродуктивного

180

поведения подростков и молодежи. Добрачное сексуальное поведение, добрачные половые отношения не являются чем-то новым, возникшим только в самое последнее десятилетие. Приведем в этой связи некоторые данные из работ демографов и историков семьи. Хотя приводимые оценки несколько отличаются друг от друга, все они, как правило, отражают общую тенденцию роста добрачных половых связей за последние два-три века.

Так, американский историк семьи Э. Шортер, основываясь на имеющихся данных о внебрачных рождениях, пришел к выводу, что за 1750-1850 гг. практически во всех странах Европы имел место весьма существенный рост коэффициента внебрачной рождаемости. Доля внебрачных рождений за этот период выросла, по данным Э. Шортера, с 1-3 до 10-15% всех рождений. Выросло также число добрачных беременностей. По мнению Шортера, главным фактором этого роста было увеличение добрачных половых связей, оцениваемое им как "*революция в эротизме*"⁹.

Английский историк и демограф Питер Ласлетт, уже известный вам, подсчитал, что между 1750 и 1800 гг. от одной до двух пятых всех зачатий в Англии происходили вне брака. П. Ласлетт к тому же считал, что женихи и невесты в то время обладали гораздо большим сексуальным опытом, чем это принято думать. В американских колониях Англии, где в силу преобладания протестантских сект (пуритане, квакеры и др.) господствовала более строгая и репрессивная сексуальная мораль, за сто лет, с конца XVII до конца XVIII в. процент беременных невест увеличился более чем в пять раз¹⁰.

Ученые расходятся в оценке причин такой динамики репродуктивного поведения (напомним, что в условиях низкого уровня применения контрацепции и искусственных абортов репродуктивное поведение практически совпадало с сексуальным). Одни, как Шортер, видят в ней выражение либерализации половой морали и даже "революции в эротизме". Другие, как французский историк Ж.-Л. Фландрен и бельгийский историк И. ван Уссель, видят в этих же явлениях результат усиления антисексуальных репрессий и подавления сексуальности, связанного с индустриализацией¹¹.

Как бы то ни было, с социологической точки зрения и с позиций теории кризиса семьи как социального института, весьма интересной представляется точка зрения, согласно которой распространенность добрачных половых связей обусловлена степенью прочности семьи и ее сплоченностью, строгостью семейного контроля за

181

поведением молодежи, подкрепляемого внесемейными институтами (соседская община, церковь и пр.), степенью интеграции и всеобщности системы социальных норм и ценностей. Чем прочнее семья, чем определеннее взаимоотношения поколений в семье, чем строже и всеохватнее социальный контроль, тем выше "половая сдержанность до брака" и тем менее распространены добрачные сексуальные связи, в том числе среди молодых людей и подростков¹².

Как было показано выше, история XX в., в том числе и в нашей стране, это, по сути, — история углубляющегося кризиса семьи, расшатывания ее основ и внутренних ее связей. И потому неудивительно, в свете сказанного, что на всем протяжении столетия шел неуклонный рост добрачных половых связей, увеличивались масштабы сексуального поведения подростков. Об этом говорят как данные статистики, так и результаты проведенных в разных странах социологических исследований.

Каковы же масштабы этого явления у нас в стране и в мире? Первое, хотя и не полное представление об этом, т.е. о вовлеченности подростков в сексуальные отношения, могут дать данные о числе, доле и динамике рождений у женщин в подростковых возрастах. Эти данные обобщены в уже цитировавшемся выше обзоре репродуктивного поведения подростков в развитых странах мира, подготовленном специалистами ООН.

В послевоенные годы четко выделяются два периода, отличающиеся друг от друга динамикой подростковой рождаемости. Для первого из них (до 1970 г.) был характерен рост подростковой рождаемости почти во всех развитых странах. При этом общая рождаемость в этих странах довольно быстро падала. Особенно быстро (в два и более раз) выросла подростковая рождаемость¹³ в Норвегии и Великобритании, еще в семи странах показатели подростковой рождаемости выросли в полтора с лишним раза.

Этот рост, по мнению многих авторов, был связан со снижением возраста полового созревания, возросшей автономией и свободой подростков (свободой прежде всего от семьи!) и ослаблением традиционной морали, что в совокупности результировалось в возрастании уровня добрачной сексуальной активности¹⁴.

В дальнейшем, однако, ситуация изменилась. Динамика подростковой рождаемости (но не подросткового сексуального поведения!) обнаружила три различные модели своего изменения¹⁵.

Для первой модели характерны низкий уровень подростковой рождаемости (100-200 рождений на 1000 женщин в возрасте

182

до 20 лет), а также ее дальнейшее снижение к концу 70-х гг. По этой модели изменялась подростковая рождаемость в ряда западноевропейских стран и в Японии. Для второй модели были **характерны** более высокий, чем в первом случае, уровень подростковой рождаемости (от 200 до 400 промилле) в начале периода и его последующее крутое падение. Особенностью третьей модели был сравнительно невысокий уровень подростковой рождаемости (около 200 промилле) в начале 1970-х гг., который, однако, в противоположность первой модели затем резко повысился. Более чем у 1.1 млн детей и подростков в США в возрасте от 13 до 19 лет (т.е. более чем у 10% девочек-подростков этого возраста) ежегодно наступает беременность. По данным Института А. Гуттмахера, 7 млн американских мальчиков и 5 млн девочек в возрасте 13-19 лет живут активной половой жизнью.

Исключением из правил может послужить особа, до 19 лет не имевшая интимных отношений.

Б е ч к и Ш . Молодежь и помощь несовершеннолетним в США. Попытка структурного анализа. М., 1991. С. 121.

По второй модели изменялась подростковая рождаемость в некоторых странах Западной и Северной Европы, в Австралии, Канаде. Этой же модели следовали и белые подростки в США. По третьей модели происходило изменение подростковой рождаемости в Восточной и Южной Европе.

Истинной любви может помешать бедность

Десятки тысяч молодых американцев дали обет девственности, отказавшись от добрачного сексуального опыта.

"Истинная любовь умеет ждать", — считают они и участвуют в движении с аналогичным названием. Движение поддерживает ряд звезд спорта и эстрады, призывающих молодежь отказаться от безответственности, вседозволенности и ждать прихода настоящего чувства. Между тем эксперты полагают, что движение "Истинная любовь умеет ждать" вряд ли будет пользоваться популярностью у молодежи из бедных районов. По прогнозам статистиков, в этом году более одного миллиона девочек-подростков заберемене-

183

неют, а более трех миллионов тинейджеров заразятся СПИДом или венерическими заболеваниями.

Сегодня. 1994. 26 февраля.

В нашей стране динамика подростковой рождаемости соответствует, скорее, третьей из описанных выше моделей, т.е. для нее характерен рост подростковой рождаемости со среднего уровня (см. примечание 13). Величина суммарного коэффициента подростковой рождаемости для нашей страны не рассчитывается, однако ее можно оценить, умножив по возрастной коэффициент рождаемости для возрастной группы 15-19 лет на 5. В итоге получается, что за период со второй половины 50-х гг. до 1992 г. этот показатель менялся в России следующим образом (табл. 8—1)¹⁶.

Таблица 8—1

Динамика суммарного коэффициента подростковой рождаемости в Российской Федерации, промилле, 1958-1992

antonov 95

Правильная интерпретация этих данных предполагает, что даже умеренные относительные показатели рождаемости у подростков

отражают значительные абсолютные их величины. Например, в 1991 г. в России у матерей в возрасте до 20 лет родилось почти 57 тыс. детей.

Таковы масштабы проблемы.

Но значимость проблемы не ограничивается только ее общими масштабами. Тревожным аспектом проблемы является рост добрачной сексуальной активности в самых младших подростковых возрастах. Например, с 1987 по 1990 г. число рождений у матерей моложе 18 лет возросло на 35.4% (в том числе в возрасте до 16 лет — на 34.3 %, у 16-летних — на 45.2% и у 17-летних — на 32.5%) при > сокращении общего числа рождений на 20.4%¹⁷.

Однако данные о подростковой рождаемости не могут дать полной картины сексуального поведения в этом возрасте. Реальные его масштабы гораздо значительнее, поскольку сексуальные отношения — устойчивые или случайные, упорядоченные или хаотические — редко заканчиваются рождением ребенка. Данные, приводимые авторами уже цитировавшегося обзора репродуктивного поведения подростков, показывают, что даже в тех странах, в которых уровень подростковой рождаемости снижается, сексуальная активность подростков растет, увеличивается доля имевших сексуальные контакты в подростковом возрасте, снижается возраст первой половой связи.

В частности, согласно данным Национального обследования роста семей в США 1982 г. (NSFG-1982) около трех четвертей незамужних 19-летних женщин имели к этому возрасту сексуальный опыт, к 18 годам — более половины, к 17 годам — более 40%, к 16 годам — около трети и к 15 годам — около пятой части опрошенных американских девушек, не состоящих в браке. В Западной Германии в 1980 г. к 17 годам имели сексуальный опыт около 60% незамужних женщин. Другие страны имеют такую же или сходную динамику сексуального поведения подростков¹⁸.

В нашей стране, к сожалению, представительные данные на общенациональном уровне отсутствуют. Однако данные немногочисленных локальных исследований говорят о том, что и у нас в стране наблюдается рост сексуальной активности подростков, отражающийся, в частности, в динамике числа рождений у этой возрастной группы. В частности, по данным опроса 1655 мужчин и женщин, проведенного в 1993 г. с целью выявления сексуальных представлений населения России, около 15% мужчин и 2% женщин начали половую жизнь в возрасте до 17 лет.

185

Добрачные и внебрачные сексуальные отношения сельского и городского населения (в %)

Ижевск, 1976-1977

antonov 9 6

Петраков А. А. Демографический мир семьи. Ижевск, 1988. С. 41.

Однако столь низкие по сравнению со странами Запада показатели возраста начала половой жизни являются явно и сильно заниженными. Об этом говорит и тот факт, что на соответствующий вопрос не ответили до половины опрошенных. К тому же менее лично задаваемый вопрос о допустимом возрасте начала половой жизни вызвал противоположную реакцию. Только 16% женщин и 11% мужчин высказались за более позднее (23 года и более) начало половой жизни. Только 19% мужчин и 30% женщин настаивают на недопустимости добрачных сексуальных отношений. Зато 22% мужчин и 10% женщин считают, что можно начинать половую жизнь и до 17 лет.

При этом, хотя данные о возрастном распределении ответов на эти вопросы отсутствуют, автор публикации полагает, что главным "разделительным фактором оказывается возраст"¹¹⁹.

"Как Вы думаете, допустимо ли в наше время девушке начинать половую жизнь до вступления в брак?", %, Москва, Бишкек, 1010 девушек

antonov 9 6

186

Левитас С. Г. К вопросу о сохранении репродуктивного здоровья подростков // Здоровье и продолжительность жизни (Демография и социология. Вып. 7). М., 1993. С. 56.

Эти данные хотя и фрагментарные, подтверждают общую, глобальную тенденцию расширения масштабов сексуального поведения подростков, снижения возраста приобретения первого сексуального опыта, а также значительные межпоколенные различия как в сфере Вальной морали, сексуальных установок, так и в сфере реального поведения.

Поэтому неудивительно, что исследование добрачного сексуального поведения является одним из важнейших направлений социологии семьи.

Распределение респондентов
по возрасту начала половой жизни,
%, Москва, Бишкек, 1010 девушек

Примечание. Данные в таблице относятся только к тем, естественно, кто в момент опроса имел опыт половой жизни. Таких среди опрошенных было в Москве 24.1%, в т.ч. среди школьников — 9% и среди учащихся ПТУ — 41.9%; в Бишкеке — 2.7%.

Левитас С.Г. К вопросу о сохранении репродуктивного здоровья подростков // Здоровье и продолжительность жизни (Демография и социология. Вып. 7). М., 1993. С. 56.

Например, в американской социологии семьи отмечается неуклонный рост числа работ, посвященных добрачному сексуальному поведению, при увеличении внимания как к разработке методических аспектов изучения этой проблемы, так и к более глубоким теоретическим их интерпретациям. При этом надо отметить такую

187

особенность изучения добрачного сексуального поведения в США, как сочетание данных локальных исследований с результатами общенациональных опросов, проводимых регулярно. Другой особенностью является постепенное смещение акцентов с так называемых "чистых" концепций добрачного сексуального поведения подростков к теориям более общего плана, в которых сексуальное поведение рассматривается как частный случай социального поведения вообще. Прежде чем вкратце остановиться на теоретических концепциях общего плана, надо отметить, что в рамках "чистого" подхода была разработана так называемая "автономная теория гетеросексуальной перmissивности" Айры Рисе, которая сыграла стимулирующую роль в развитии социологических исследований добрачного сексуального поведения²⁰.

Среди общих теорий добрачного сексуального поведения, в которых последнее предстает как одна из разновидностей социального, прежде всего так называемого проблемного поведения, выделяются такие, как *теория референтной группы, теория социализации, теория согласованности установок и поведения и теория проблемного поведения,*

Заслуживают внимания и данные... о различии в добрачной сексуальной практике между мужчинами и женщинами. ...Из вступивших в брак в сельской местности среди... имевших добрачную и внебрачную сексуальную практику 30.4 процента приходится на женщин и 69.6 на мужчин, В городе — 39.2 и 60.8 процента. Повышение здесь доли женщин показывает оборотную сторону равноправия полов, существующую в связи с неправильным пониманием определенной частью женщин свободы поведения. Результатом этого являются участвовавшие случаи проституции и курения среди женщин, пристрастия к спиртным напиткам и даже наркотическим веществам. Эти тревожные сигналы говорят и о том, что в городе ослаблена регулирующая сила общественного мнения. Здесь имеется больше объективных факторов дестабилизации семьи, чем • на селе.

Петраков А.А. Демографический мир семьи. Ижевск, 1988. С. 41.

Первая из них — теория референтной группы — давно и успешно применяется в социологии и социальной психологии для исследова-

188

ния большого числа явлений. В центре ее — анализ воздействия различных референтных групп, с которыми связана жизнь человека, подростка в данном случае, на его установки и поведение. В частности, применительно к исследованию добрачного сексуального поведения подростков эта теория устанавливает сравнительную роль родителей и других ближайших родственников, друзей и более широкой социальной среды в формировании как установочной сексуальной перmissивности, т.е. более строгого и репрессивного, или более либерального отношения к добрачным половым связям, так и реального сексуального поведения подростков. В частности, в рамках этого подхода была выявлена хотя и значительная, но меняющаяся под влиянием окружения ровесников и друзей роль семьи в этих вопросах.

Теория социализации ориентирует на анализ соотносительного влияния различных агентов социализации на сексуальное поведение подростков. В рамках этого подхода в центре внимания оказывается процесс формирования сексуальной идентичности личности (т.е. осознания себя представителем определенного пола с принятием соответствующих половых и сексуальных ролей), а также научения сексуальному поведению как таковому. Хотя этот социализационный процесс начинается буквально с самых первых дней жизни человека, именно в подростковом возрасте происходит превращение усвоенных человеком полоролевых ожиданий и требований, социокультурных норм и установок в реальное сексуальное поведение. Именно в рамках социализационного подхода была предложена упоминавшаяся выше концепция сексуального сценария. Работы, выполненные в рамках теоретического подхода, акцентирующего внимание на согласованности установок и поведения, анализировали сексуальное поведение в связи с общей ценностно-ориентированной структурой личности (принятые ценности, степень религиозности и др.) и конкретным жизненным опытом подростков. В частности, в рамках этого подхода было показано, что на сексуальное поведение подростков

наиболее существенное влияние оказывают: интенсивность прошлого сексуального опыта, сексуальное поведение ближайших друзей, а также длительность и характер текущих гетеросексуальных отношений. Наконец, в рамках общей теории проблемного поведения, разработанной С.Л. и Р. Джессорами²¹, сексуальное поведение рассматривается как проявление *проблемного поведения* (пьянство, наркомания, социальный протест и т.д. — другие его проявления).

189

В теории проблемного поведения рассматриваются два блока переменных, детерминирующих его возникновение и развитие. Это переменные, отражающие, с одной стороны, влияние демографических и других социальных структурных факторов, с другой — влияние социализации. Эти две группы факторов действуют на проблемное поведение двумя путями: прямо (непосредственно) и через два блока социально-психологических переменных. Один из них — это, по сути, структура личности. Он включает: мотивационную структуру, установочную структуру и личностную структуру контроля. Второй из этих двух социально-психологических блоков отражает индивидуальное восприятие окружающей социальной микросреды, включая так называемую дистальную структуру (родительская поддержка и контроль, поддержка и контроль со стороны друзей и "совместимость" двух этих источников влияния) и так называемую промежуточную структуру (родительское и дружеское восприятие проблемного поведения, модель проблемного поведения друзей).

В теории проблемного поведения по существу синтезируются принципы других упомянутых выше подходов. Она рассматривает добрачное сексуальное поведение подростков целостно, системно. Одним из важных выводов из общей теории проблемного поведения является вывод о "сцепленности" проблемных поведений, что выражается, в частности, в том, что существует тесная связь между временем вовлечения в одно проблемное поведение (например, началом пьянства или злоупотреблением наркотиков) и временем начала другого (например, сексуального поведения подростков).

В американской социологии семьи большое внимание уделяется межпоколенным взаимовлияниям как одному из факторов подросткового сексуального поведения, особенно в связи с анализом возраста рождения первого ребенка. В ряде исследований была, например, исследована связь между сексуальным поведением девочек-подростков и возрастом их матерей в момент их рождения.

В частности, в исследовании Г. Прессер была зафиксирована четкая связь между возрастом матери в момент рождения респондента и ее собственным репродуктивным поведением: дочери более молодых матерей сами рожали своего первого ребенка (соответственно начинали половую жизнь) в более раннем возрасте. Г. Прессер предположила, что эта связь отражает процесс "ролевого моделирования, в котором дочери в ходе социализации воспринимают тайминг материнства, схожий с тем, который был присущ их матерям²².

190

Аналогичные результаты были получены в начале 80-х гг. Дж. Кард, которая на основе данных национального лонгитюдного исследования TALENT (375 тыс. учеников старших классов в 1960 г.) обнаружила, что дети родителей-подростков имеют существенно более высокую вероятность родить ребенка в более раннем возрасте и иметь большее число детей в первые 11 лет после окончания школы, чем их одноклассники²³.

Дж.Р. Кан и К.Е. Андерсон, используя данные национального обследования формирования семьи 1988 г. (NSFG-1988), проанализировали тенденции влияния межпоколенных связей на подростковую рождаемость у женщин, достигших подросткового возраста между 50-ми и 80-ми гг.²⁴. Особенностью их исследования было также то, что, помимо фиксации наличия или отсутствия межпоколенных связей в подростковом репродуктивном поведении, они пытались выявить механизмы передачи от поколения к поколению образцов (моделей) такого поведения. Результаты исследования позволили им прийти к выводу, что существует четкая взаимосвязь между сексуальным и репродуктивным поведением матерей и дочерей: дочери, рожденные их матерями в подростковом возрасте, также имеют существенно более высокую (например, белые женщины — в два раза более высокую) вероятность родить ребенка в подростковом возрасте, чем те, чьи матери родили их в более старшем возрасте. Они также установили, что решающую роль в межпоколенных связях играет не биологическое наследование, а социально-экономические факторы и "семейный контекст", в котором росли дети²⁵.

Весьма существенным представляется вывод о том, что тенденции, зафиксированные авторами, отражают, с одной стороны, ослабление социальных норм вообще, а с другой, — ослабление норм, направленных "против добрачных рождений", то, что современное "общество во все возрастающей степени рассматривает добрачные рождения как "нормальные", нормативные явления²⁶. Иными словами, современные тенденции добрачного сексуального и репродуктивного поведения отражают ослабление ценностей традиционной семьи, основанной, как мы уже говорили, на единстве отношений супружества, родительства и родства. Они являются, следовательно, выражением глобального кризиса семьи как социального института.

Сексуальное поведение в браке является другим важным пунктом, которому в социологии семьи уделяется значительное внимание. Это внимание отражает ту роль, которую сексуальное поведение играет в браке.

191

Многочисленные исследования, проведенные как в нашей стране, так и за рубежом, подтверждают ту вполне ясную и очевидную мысль, что одним из залогов успешности брака, его стабильности является характер сексуальных отношений в браке, удовлетворенность супругов ими. В частности, И.С. Кон считает, что "сексуальная неудовлетворенность и дисгармония — одна из существенных причин разводов и нервных заболеваний; по некоторым данным, семейно-бытовые, включая сексуальные, трудности характерны для 65% неврологических больных"²⁷.

С.И. Голод приводит результаты проведенных им социологических опросов, которые говорят о том, что сексуальная удовлетворенность и гармония стоят на одном из первых мест среди условий благополучного и устойчивого брака²⁸. А.А. Петраков в своем исследовании "*демографического мира семьи*" также подчеркивает роль удовлетворенности сексуальными отношениями в успешности и стабильности брака²⁹.

Зарубежные авторы аналогичным образом оценивают роль сексуальных отношений для оценки успешности или неуспешности брака. Например, в исследовании 9000 супружеских пар, проведенном во второй половине 80-х гг. П. Шварц и Д. Джексон, было установлено, что супруги, расценившие свой брак как "блестящий" или "очень хороший", видели главную причину этого в любви и половой страсти³⁰.

Всемирно известные исследователи сексуальных отношений в браке У.Мастерс и В.Джонсон полагают, что "половина всех американских браков разрушаются из-за различных форм сексуального дистресса"³¹.

Именно роль сексуальных отношений в браке делает необходимым анализ основных аспектов брачного сексуального поведения. Главный вопрос здесь — динамика сексуального поведения в зависимости от длительности брака, а также от ряда других факторов. Отличительной особенностью сексуального поведения в браке является уменьшение частоты сексуальных отношений с увеличением стажа брака.

На эту тенденцию обратил внимание еще А. Кинзи в своем классическом исследовании сексуального поведения. Согласно его данным, частота половых сношений менялась с возрастом супругов (который в данном случае до некоторой степени репрезентирует стаж брака) следующим образом: у супругов, чей возраст находился в интервале 16-25 лет, средняя частота половых сношений составляла 2,45 раз в неделю; в возрасте 26-35 лет — 1,95 раз в неделю; в возрасте 36-45 лет — 1,40 раз в неделю; в возрасте 46-55 лет —

192

0,85 раз в неделю и в возрасте 56 лет и старше — 0,50 раз в неделю³².

Через четверть века (в 1972 г.) английский исследователь М. Хант зафиксировал ту же тенденцию. Частота половых сношений у опрошенных им мужчин составляла соответственно: 3.25; 2.55; 2.00; 1.00 и 1.00 раз в неделю³³.

Брачный coitus также характеризуется снижающейся частотой. Как правило, в самом начале брака частота coitus составляет 3-4 раза в неделю; 25-ю годами позже — меньше одного раза в неделю. Причины снижения частоты: занятость на работе, дети, насыщение. Относительно влияния занятости на сексуальные отношения в браке

одна из женщин высказалась так (исследование Greenblatt, 1983, с. 296): "Истощение — это очень большая

проблема. Я никогда не думала, что это может произойти. Когда я работаю, занимаюсь бизнесом, это втягивает меня целиком и в течение длительного времени заставляет стремиться к снятию напряжения ночью, в то время когда Джерри уже крепко спит. И я догадываюсь, что у Джерри в его положении много обязанностей — таков ущерб, который работа несет нашей сексуальной жизни!" Дети также снижают частоту coitus из-за того, что они есть, а также из-за энергии, которую на них приходится тратить.

Knox D., Schacht C. Choices In Relationships. An Introduction to Marriage and the Family. 3rd Edition. Saint Paul et al. 1991. P. 320.

Аналогичная динамика сексуального поведения в зависимости от стажа брака зафиксирована и в других исследованиях. Как пишет американская исследовательница К.С. Гринблат, снижение частоты половых сношений в браке универсально и не зависит от возраста, уровня образования брачных пар или от ситуации. После пятого года почти все, что происходит в семье — дети, работа, домашние обязанности, финансовые проблемы, — снижает частоту брачного секса³⁴. По ее данным, с первого по шестой годы брака частота половых сношений уменьшается более чем в два раза: с 14.8 раз в неделю в среднем до 6.3 раз при соответствующем уменьшении размаха вариаций с 4-45 раз до 2-15 раз в неделю³⁵.

Наиболее совершенное, по словам И.С. Кона, в методологическом отношении исследование Г. Джассо (опрос в 1970 и 1975 гг. 2000 американских супружеских пар) показало, что для супружеских пар с длительностью брака от одного месяца до 25 лет частота сношений уменьшается по мере роста стажа брака, хотя и нелинейно³⁶.

193

Эти данные локальных социологических исследований подтверждаются и результатами Всемирного обследования демографии и здоровья (DHS), проведенного в конце 80-х — начале 90-х гг. Практически по всем странам мира зафиксировано снижение частоты половых сношений с ростом стажа брака. "Наибольшая коитальная частота зафиксирована у новобрачных. Затем в течение нескольких первых лет брака коитальная частота снижается весьма заметно, после чего темп снижения замедляется до достижения длительности брака 15-19 лет. После этого времени частота половых сношений падает вновь. Джеймс назвал это явление — снижение коитальной частоты после первых лет брака вслед за увеличением его стажа эффектом медового месяца"³⁷.

Аналогичные тенденции в частоте половых сношений в браке зафиксированы и в нашей стране, в частности, в исследовании репродуктивного поведения двухдетных семей в 1978 г. С увеличением длительности брака уменьшается доля супругов с высокой частотой половых сношений: 52.7% со стажем до 5 лет и 39.6% при стаже 15 лет. Максимальная частота сношений различается еще больше — соответственно КЗ и 5.6%³⁸.

Говоря о причинах уменьшения частоты половых сношений с ростом стажа брака, исследователи обращают внимание на целый ряд факторов, среди которых на первые места обычно ставят профессиональную занятость и связанную с ними усталость, наличие детей, а также так называемое насыщение, или рутинизацию отношений между супругами, утрачивающих чувство новизны и спонтанность любви³⁹.

Другой, еще более важной особенностью брачного сексуального поведения является его связь с репродуктивным поведением. Хотя, как говорилось выше, в современном обществе сексуальное поведение обособилось от репродуктивного, эта автономность является относительной в том смысле, что рождение детей продолжает иметь в качестве своего пред условия сексуальное поведение, причем именно в браке.

В современном обществе взаимосвязь сексуального и репродуктивного поведения должна проявляться прежде всего в зависимости частоты половых сношений от степени удовлетворения потребностей в детях (об этом понятии подробно будет сказано ниже). Чем сильнее желание иметь то или иное число детей в семье и чем больше разрыв между тем числом детей, которое семья хочет иметь, и тем, которое она реально имеет, тем, при прочих равных условиях, выше должна быть частота половых сношений в браке (табл. 8—2).

194

Таблица 8—2

Средняя месячная частота половых сношений в браке в зависимости от желания иметь еще детей (по данным Всемирного обследования демографии и здоровья)

antonov 9 10

Примечание: (+) — включая стерилизованных женщин в африканских странах; (—) — категория, не включенная в анализ; (...) — данные отсутствуют или ненадежны. Данные в таблице выравнены по длительности брака.

Blanc Ann K., Rutenberg Naomi. Coitus and Contraception: The Utility of Data on Sexual Intercourse for Family Planning Programs // Studies in Family Planning. 1991. V. 22. No 3. P. 172.

Например, по данным DHS, оказалось, что "женщины регулируют их коитальную частоту в соответствии с их желаниями относительно будущего числа детей. Во всех странах женщины, которые хотели иметь больше детей, отличались более высокой частотой половых сношений по сравнению с теми, кто не хотел больше детей, или с теми, кто не мог ответить на этот вопрос"⁴⁰.

Аналогичная тенденция прослеживается и в данных социолого-демографического исследования репродуктивного поведения двухдетных московских семей. У супругов с неудовлетворенной потребностью в детях максимальная частота сношений (4 раза в неде-

195

лю) отмечается чаще (15.3%), чем у супругов с полной удовлетворенной потребностью (9.3%). Высокая частота половых сношений (2-3 раза в неделю) фиксируется у 47 и 41 % женщин соответственно с неудовлетворенной и полностью удовлетворенной потребностью в детях⁴¹.

Линии репродуктивного поведения двухдетных женщин и частота половых сношений
Москва-1978, %

antonov 9 11

Примечание. В общее число опрошенных (1319) входят также 412 человек, чьи ответы были признаны неискренними. Суммы по строкам могут быть меньше 100% из-за некоторого числа не ответивших на вопрос о частоте половых сношений.

Антонов А. И., Медков В.М. Второй ребенок. М., 1987. С. 234.

Интересный аспект взаимосвязи сексуального и репродуктивного поведения в браке раскрывают данные Всемирного обследования демографии и здоровья о зависимости частоты половых сношений от типа применяемой контрацепции.

Наибольшей частотой половых сношений в браке отличаются женщины, подвергшиеся стерилизации или применяющие эффективные, так называемые коитус-независимые методы контрацепции (таблетки, внутриматочные спирали, инъекции, норплант) (табл. 8—3)⁴².

Таблица 8—3

Средняя месячная частота половых сношений в браке в зависимости от применяемых методов контрацепции (по данным Всемирного обследования демографии и здоровья)

antonov 9 11

Примечание. *Коитус-независимые методы*: таблетки, ВМС, норплант.

Коитус-зависимые методы: кондом (презерватив), вагинальные методы, прерванное сношение, периодическое воздержание и другие "традиционные" методы.

197

О чем говорят эти данные? Заметим прежде всего, что эти данные выровнены по продолжительности брака, т.е. не зависят от нее. По этой причине их можно рассматривать как характеристику собственно сексуального поведения, не зависящую от репродуктивных ориентации. Это — выражение тех функций сексуального поведения, прежде всего функции релаксации, снятия полового напряжения и функции собственно чувственного наслаждения (гедонистической), которые не связаны с рождением детей и которые характеризуют половую жизнь как самоцель.

Женщины, подвергшиеся стерилизации, и женщины, применяющие эффективную контрацепцию, свободны "от страха нежеланной беременности"⁴³, поэтому они, даже удовлетворив свою потребность в детях (иначе бы они не стали прибегать к стерилизации и эффективной контрацепции), имеют, повышенную частоту половых сношений, аналогичную той, которая свойственна женщинам, желающим иметь больше детей. Можно предположить, что в данном случае речь идет о "более продвинутых" женщинах, т.е. имеющих более высокое образование, профессионально занятых и т.п. Об этом может говорить тот факт, что наибольшая частота половых сношений в браке свойственна женщинам Бразилии — страны с более высоким уровнем индустриального и социально-экономического развития.

Как-в социологическом плане можно было бы оценить отмеченные особенности брачного сексуального поведения? Обычно автономизацию сексуального поведения от репродуктивного, выражающуюся, в частности, в связи частоты половых сношений с применением высокоэффективной контрацепции, рассматривают как позитивное явление, отражающее рост индивидуальной свободы и возможности выбора любых моделей и образцов поведения, как свидетельство освобождения женщины и роста ее равноправия с мужчиной, становления современных брачно-семейных отношений. Безусловно, в такого рода утверждениях много справедливого. Однако одновременно — это и выражение глобального кризиса семьи, отмирания или трансформации ее социальных функций, прежде всего репродуктивной.

Репродуктивная функция семьи реализуется через репродуктивное поведение, к рассмотрению которого мы и переходим.

Ключевые термины:

сексуальное поведение, половая жизнь, половая роль, сексуальная роль, половая культура, сексуальная культура, сексуальный сцена-

198

рий, добрачное сексуальное поведение, возраст начала половой жизни, двойной стандарт, частота половых сношений (коитальная частота), контрацепция.

Примечания

¹ См. об этом в главе 4; см. также: Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М., 1986. С. 10-25.

² *Messenger J.S. Sex and Repression in an Irish Folk Community // Human Sexual Behavior. New York, 1971. P. 3-37*; см. также: *Лев-Старович З. Секс в культурах мира. М., 1991. С. 154-157. Здесь же на с. 119-170 можно найти интересный обзор типов сексуальных культур в мире.*

³ См.: *Кон И.С. Введение в сексологию. М., 1988. С. 183-186.*

- ⁴ *Simon W., Gagnon J.H. Sexual Scene. New Brunswick, 1967. See also: Clayton R.R., Bokemeier J.L. Premarital Sex in 70 th. //Journal of Marriage and the Family. Nov. 1980. V. 42, No 4. P. 45 (Decade Review: Family Research, 1970-1979). Далее этот источник будет обозначаться: Decade Review 1970th.*
- ⁵ *Кон И.С. Цит. соч. С. 177.*
- ⁶ *См. там же. See also: Clayton R.R., Bokemeier J.L. Op. cit. // Decade Review 1970th. P. 45.*
- ⁷ *Кон И.С. Цит. соч. С. 107. Здесь же можно найти обзор социокультурных аспектов сексуального поведения.*
- ⁸ *Adolescent Reproductive Behaviour. Evidence from Developed Countries. V. I. New York, 1988 (Population Studies, No 109). P. 1.*
- ⁹ *Shorter E. Female Emancipation, Birth Control and Fertility in European History. Cit. in: Handbook of Sexology. Amsterdam et al. 1978. P. 269, 275.*
- ¹⁰ *Bastardy and its Comparative History. Cambridge, 1980. P. 1-65. Цит. по: Кон И.С. Указ. соч. С. 139.*
- ¹¹ *См.: Кон И.С. Указ. соч. С. 140; Handbook of Sexology. P. 269.*
- ¹² *См.: Кон И.С. Указ. соч. С. 140.*
- ¹³ *Речь идет о повозрастных коэффициентах рождаемости, то есть о числе рождений на 1000 женщин соответствующего возраста, а также о так называемом коэффициенте подростковой рождаемости _ сумме одногодичных повозрастных коэффициентов для возрастов от 13 до 19 лет.*
- ¹⁴ *Livi-Bacci M., Ventisette M. Pregnancy and Childbearing; in Adolescence in Countries with Low Fertility. Wash., 1980. Ch. 10; Van de Kaa D. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin. V. 42. No 1.March 1987. 199*
- ¹⁵ *Westoff Ch.F., Calot G., Foster A.D. Teenage Fertility in Developed Nation: 1971-1980 // Family Planning Perspectives. V. 15. No 3. May/June 1983. P. 105-110.*
- ¹⁶ *Население СССР. Статистический ежегодник. М., 1989. С. 328, 333, 339; Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1989. С. 114; Численность, состав и движение населения в Российской Федерации. М., 1992. С. 144-146.*
- ¹⁷ *Рассчитано по: Демографический ежегодник. 1991. М., 1992. С. 230.*
- ¹⁸ *Adolescent Reproductive Behaviour. Evidence from Developed Countries. Vol. I. New York, 1988. P. 45, 47.*
- ¹⁹ *Сегодня. 1993. 30 декабря.*
- ²⁰ *Clayton R.R., Bokemeier J.L. Op. cit. // Decade Review 1970th. P. 40-43.*
- ²¹ *Jessor L., Jessor R. Problem Behavior and Psychosocial Development: a Longitudinal Study of Youth. New York, 1977.*
- ²² *Presser H.B. Social Factors Affecting the Timing of the First Child // The First Child and Family Formation. Carolina Population Center. P. 167.*
- ²³ *Card J.J. Long-Term Cosequences for Children of Teenage Parents // Demography. 1981. No 2. P. 153.*
- ²⁴ *Kahn J.R., Anderson K.E. Intergenerational Patterns of Teenage Ferility // Demography. 1992. No 1. P. 39-57.*
- ²⁵ *Ibid. P. 54-55.*
- ²⁶ *Ibid. P. 55.*
- ²⁷ *Кон И.С. Цит. соч. С. 251.*
- См.: Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л., 1984.*
- ²⁹ *Петраков А.А. Демографический мир семьи. Ижевск, 1988. С. 101.*
- ³⁰ *Knox D., Schacht C. Choices in Relationships. An Introduction to Marriage and the Family. 3rd Edition. Saint Paul et al. 1991. P. 320.*
- ³¹ *Kephart W.M., Jedlicka D. The Family, Society and Individual. New York, 1991. P. 250.*
- ³² *Кон И.С. Цит. соч. С. 159. ³³Там же.*
- ³⁴ *Greenblat C.S. The Saliense of Sexuality in the Early Years of Marriage // Journal of Marrige and the Family. May 1983. P 289-299*
- ³⁵ *Ibid. P. 292.*
- ³⁶ *Кон И.С. Цит. соч. С. 252—253; Knox D., Schacht C. Op. cit. P. 320; Jasso C. Marital Coital Frequency and the Passage of Time // American Sociological Review. 1985. V. 50. P. 224—241. 200*
- ³⁷ *Blanc Ann K., Rutenberg Naomi. Coitus and Contraception: The Utility of Data on Sexual Intercourse for Family Planning Programs // Studies in Family Planning. 1991. V. 22. No 3. P. 170.*
- ³⁸ *Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. М., 1987. С. 233.*
- ³⁹ *Кон И.С. Цит. соч. С. 251; Knox D., Schacht C. Op. cit. P. 320-321.*
- ⁴⁰ *Blanc Ann K., Rutenberg Naomi. Op. cit. P. 171-172.*
- ⁴¹ *Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. М., 1987. С. 233.*
- ⁴² *Blanc Ann K., Rutenberg Naomi. Op. cit. P. 171.*
- ⁴³ *Ibid. P. 172.*

Глава 9

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Под *репродуктивным поведением* понимается система действий и отношений, опосредующих рождение определенного числа детей в семье (а также вне брака). Специфика социологического изучения рождаемости, собственная и уникальная ниша социологии семьи в этом изучении заключается в том, что внимание социолога направлено на анализ репродуктивного поведения миллионов семей и индивидов, отдельные события в жизни которых, связанные с рождением детей, сливаются, интегрируются в процесс рождаемости, на уровне населения изучаемой демографией.

Уровень рождаемости, складывающийся на той или иной территории (стране, регионе, континенте, земном шаре) в тот или иной период времени и измеряемый хорошо известными в демографии показателями (общий и суммарный коэффициент рождаемости, специальный коэффициент рождаемости и др.), является функцией двух переменных. Одна из них — это *демографическая структура*, т.е. распределение населения по полу и возрасту, брачному состоянию и другим параметрам. Другая — *репродуктивное поведение*, выражением которого в демографии является среднее число детей в семье или среднее число детей, рожденное женщиной за всю ее жизнь.

Как и всякое человеческое поведение, репродуктивное поведение ограничено определенными рамками, задающими нижний и верхний пределы его действия, пределы вмешательства человека в естественный цикл деторождения. Эти рамки заданы, с одной стороны, физиологически, характеризуя исторически конкретный потенциал рождаемости, максимально возможное число детей, которое может ро-

дить женщина в течение своей жизни в заданных условиях (демографические структуры, состояние здоровья, прежде всего репродуктивного, уровень смертности и т.д.). С другой стороны, эти рамки заданы системой социального контроля, определяющего, в какой конкретно степени будет реализован этот социально-биологический потенциал рождаемости, какое конкретно число детей будет рождено женщиной.

Понятие репродуктивного поведения имеет отношение к этой последней, к системе социального контроля. Именно оно определяет, сколько детей и через какой период времени будет иметь семья. Однако, поскольку репродуктивное поведение может разворачиваться только в пределах биологического потенциала рождаемости, необходимо предварительно ввести несколько понятий, характеризующих эту физиологическую основу репродуктивного поведения.

Под *плодовитостью* в современной демографии и социологии семьи понимается биологическая способность женщины, мужчины, брачной пары к зачатию и рождению живых детей. Плодовитость как способность к деторождению следует отличать от *фактического деторождения*, характеристикой которого является число рожденных детей. Теоретически возможный диапазон плодовитости весьма широк: она варьирует от бесплодия до 35 рождений в одноплодных родах. Однако реально считается, что средняя видовая плодовитость человека не превышает 15-16 рождений за всю жизнь.

Термин *бесплодие* означает неспособность зрелого организма воспроизводить потомство, или просто неспособность к рождению. Обычно бесплодным считается брак (брачный союз), в котором в течение трех лет и при условии неприменения контрацепции не происходит рождения ребенка либо из-за отсутствия зачатий, либо из-за того, что беременности заканчиваются или самопроизвольным абортom или рождением мертвого ребенка.

В первом случае при условии нормальной половой жизни говорят о *стерильности*, то есть о неспособности к зачатию. При этом различают стерильность постоянную (в старших возрастах, после достижения менопаузы), в репродуктивном периоде (как следствие заболевания или операции стерилизации) и временную (в период беременности, послеродовая или послеабортная аменоррея как результат применения контрацепции); естественную (вызванную нормальными физиологическими причинами: возрастом, беременностью, кормлением грудью, аменорреей и пр.) и искусственную (контрацеп-

тивную), а также патологическую (из-за болезней и травм); абсолютную (с нулевыми шансами на зачатие) и относительную (при сохранении некоторой вероятности зачатия).

Бесплодие является одним из факторов *инфертильности*, т.е. отсутствия рождений. Инфертильность может быть также результатом искусственного прерывания беременности, а также полного отсутствия сексуальных отношений на протяжении или всего репродуктивного периода, или какой-то его части (из-за отсутствия брака, длительного разделения супругов или абстиненции).

Инфертильность вместе с возможной младенческой и детской смертностью является причиной *бездетности*, т.е. отсутствия детей в семье¹.

Понятие плодовитости, задавая физиологические рамки рождаемости, очерчивает одновременно и диапазон действия репродуктивного поведения, исключительным результатом которого является то, что среднее фактическое число детей в семье оказывается существенно отличным от возможного.

В социологическом изучении репродуктивного поведения важную роль играют понятия репродуктивного цикла и репродуктивного процесса человека.

Под *репродуктивным процессом* понимается определенная последовательность репродуктивных событий на протяжении всей жизни индивида или семьи, связанных с рождением детей и являющихся результатом совместного действия биологических (физиологических) факторов рождаемости и социального контроля репродуктивного поведения. Понятие репродуктивного процесса отражает эмпирически наблюдаемую и фиксируемую (статистически или социологически) последовательность событий репродуктивного цикла.

Репродуктивный цикл — повторяющаяся последовательность основных репродуктивных событий (coitus, зачатие, роды).

Репродуктивный процесс человека состоит из большого числа повторяющихся репродуктивных циклов. Важной характеристикой репродуктивного цикла является его полнота: цикл является полным, если содержит все свои основные события, т.е. полную последовательность "coitus — зачатие — роды". Выпадение одного из них делает цикл неполным. Это возможно как в силу "естественных", физиологических причин, так и вследствие "сознательного" вмешательства в "естественный" ход событий, т.е. в случае добровольной или вынужденной абстиненции, применения контрацепции или искусственного прерывания беременности.

203

Схема 9—1 СХЕМА РЕПРОДУКТИВНОГО ПРОЦЕССА ЧЕЛОВЕКА

antonov 91 5

204

Схема 9—2 СХЕМА РЕПРОДУКТИВНОГО ЦИКЛА ЧЕЛОВЕКА

antonov 91 5

АП — абстинентное поведение

НАЛ

— неприменение АП

ПК — применение контрацепции НК — неприменение контрацепции

ИА — искусственный аборт

НИА — неприменение ИА

СА — спонтанный аборт

С — стерильность (неконтрацептивная)

полный цикл при неудовлетворенной потребности в детях

неполный цикл при удовлетворенной потребности в детях

неполный цикл из-за физиологических причин

Многодетность и малодетность как качественно различные типы репродуктивного поведения отличаются друг от друга в частности и тем, что в условиях многодетности, особенно экстремально-традиционной, когда потребность в детях остается неудовлетворенной на протяжении всей жизни, полнота репродуктивного цикла может нарушаться только действием физиологических причин, т.е. нарушениями плодовитости.

В условиях малодетности полный цикл, напротив, возможен только в отдельные периоды формирования семьи, когда супруги еще не удовлетворили свою потребность в детях. В оставшуюся часть репродуктивного периода, когда потребность в детях удовлетворена, цикл является неполным, а его длительность зависит от ориентации супругов на применение контрацепции или искусственных абортов, а также от эффективности применения контрацепции. Неэффективная контрацепция (т.н. "контрацептивные осечки") может удлинять репродуктивный цикл, вынуждая супругов прерывать "неожидаемые" или "несвоевременные" беременности.

205

Структура индивидуального репродуктивного поведения. Социологический анализ репродуктивного поведения предполагает в качестве одного из первых шагов рассмотрение структуры (внутреннего устройства) репродуктивного поведения, безотносительно к его конкретным историческим типам и особенностям.

Сама по себе постановка вопроса о репродуктивном поведении и его структуре является исторически недавним делом. Практически до 70-х гг. изучение рождаемости в рамках демографии обходилось без всякого упоминания или использования понятия "поведение", то есть без применения методов социологии и социальной психологии. В демографии господствовал так называемый "факторный подход", когда значения тех или иных социально-экономических факторов непосредственно сопоставлялись с показателями рождаемости. Лишь в середине 50-х гг. начался отход этого "постулата непосредственности" и введение в анализ так называемых "промежуточных переменных", или "непосредственных детерминант" рождаемости, опосредующих действие на нее социально-экономических, или базисных факторов.

Исторически первой в этом плане была опубликованная в 1956 г. работа американских социологов и демографов К.Дэвиса и Джудит Блейк "Социальная структура и рождаемость: аналитическая схема"², в которой была предложена модель "промежуточных переменных", объединенных в три блока, соответствующих различным стадиям репродуктивного процесса. По мысли Дэвиса и Блейк, промежуточные переменные рождаемости — это варьирующие признаки, "... через которые должны действовать социальные факторы, оказывающие влияние на уровень фертильности"³. Модель промежуточных переменных Дэвиса и Блейк является вариантом демостатистического описания репродуктивного процесса, представляющего собой перечень "варьирующих признаков", то есть событий, связанных с формированием и распадом брачных союзов и с половой жизнью в их рамках (первый блок "промежуточных переменных"); событий, связанных с зачатиями или их отсутствием (второй блок переменных); событий, связанных с беременностями и их исходами (третий блок переменных). Все "промежуточные переменные" этой модели суть совокупность внешних фактов (событий) репродуктивного процесса; внутренние же, субъективные факты, интенции и мотивации поступков вынесены за скобки или в лучшем случае присутствуют в модели в неявном виде как "неестественные" ("преднамеренные") признаки, подвластные человеческой воле⁴.

206

Схема промежуточных переменных рождаемости (по Кингсли Дэвису и Джудит Блейк)

I. Факторы, влияющие на половую жизнь ("варьирующие признаки половой жизни").

A. Факторы, регулирующие формирование и распад брачных союзов в фертильный период жизни.

1. Возраст начала половой жизни.
2. Постоянное безбрачие: количество женщин, никогда не вступавших в половую связь.
3. Продолжительность фертильного периода жизни после брачного союза или между брачными союзами:
 - а) брачные союзы, нарушенные в результате развода, разлучения или оставления семьи;
 - б) брачные союзы, нарушенные в результате смерти мужа.

Б. Факторы, определяющие половую жизнь в рамках брачных союзов.

1. Добровольное воздержание.
2. Недобровольное воздержание.
3. Частотность половых сношений.

II. Факторы, влияющие на зачатия ("варьирующие признаки зачатия").

A. Плодовитость или бесплодие, вызванные естественными причинами.

Б. Применение или неприменение противозачаточных

средств:

- а) механических и химических;
- б) прочих.

В. Плодовитость или бесплодие, вызванные неестественными причинами (стерилизация, медицинское лечение, надрезы и т.д.).

II(Факторы, определяющие беременность и успешные роды ("варьирующие признаки беременности"). A. Внутриутробная смерть по естественным причинам. Б. Внутриутробная смерть по неестественным причинам.

207

Davis K., Blake J. Social Structure and Fertility: An Analitic Framework // Economic Development and Cultural Change. 1956. V. 4. Цит. по: Детерминанты и последствия демографических тенденций. Новое краткое изложение результатов исследований о взаимодействии демографических, экономических и социальных факторов. Том I. Часть вторая. ООН. Нью-Йорк. 1973. С. 210-211.

Между тем почти все эти "варьирующие признаки" варьируют именно в результате соответствующего репродуктивного поведения человека, который не просто "реагирует" в духе бихевиоризма на внешние стимулы, а действует, преследуя свои собственные цели, подчиняясь своим интересам и потребностям, которые он, разумеется, определенным образом корректирует, изменяет в соответствии с реальными условиями его жизни. Несмотря на свои недостатки, модель промежуточных переменных рождаемости сыграла в изучении рождаемости и репродуктивного поведения выдающуюся роль, став отправной точкой в создании других концепций и моделей, в том числе и поведенческих.

Одной из первых попыток включить в модели детерминации рождаемости поведение была схема переменных рождаемости Р. Хилла, Дж. Стикоса и К. Бэка, в которой среди факторов "семейного планирования" присутствуют и установки на число детей и на применение контрацепции⁵, а также схема факторов рождаемости Р. Фридмена, впервые предложенная в конце 50-х гг.⁶. В своих последних по времени вариантах схема Р.Фридмена уже в явном виде включает поведение, хотя он и не употребляет этого слова.

"Промежуточные социально-психологические детерминанты" на его схеме — это и есть, по сути, блок репродуктивного поведения, точнее, блок его диспозиций.

Достаточно четкое определение Р. Фридменом основных компонентов репродуктивного поведения позволяет оценить его схему как важный шаг в понимании детерминации рождаемости, впервые связанной им с поведением семьи.

По справедливому замечанию В.А. Борисова, "если сама структура поведения определяется в психологии как последовательность такого рода: потребность (импульс), установка, мотив, действие, то история изучения

демографами репродуктивного поведения развивается в обратной последовательности: результаты поведения, изучение мнений, установок и, наконец, потребности семьи в детях. Это собственно вполне естественно и свидетельствует об углублении исследований репродуктивного поведения"⁷.

Отсюда можно извлечь тот вывод, что фиксация лишь внешних фактов поведения недостаточна, надо учитывать и внутренние

208

Схема 9—3 СХЕМА ФАКТОРОВ РОЖДАЕМОСТИ ПО Р. ФРИДМЕНУ

Antonov 91 7

209

факты, социально-психологические структуры — ценностные ориентации личности, ее установки, мотивы и потребности. И репродуктивное поведение выражается не только в каких-то внешних поступках, репродуктивных событиях, но и в изменениях этих внутренних структур, убеждениях, установках и мотивах.

Таким образом, структура индивидуального поведения (и репродуктивного в том числе) должна представлять некоторую совокупность регуляторов и взаимосвязей между ними. Одной из попыток разрешить эту сложную задачу моделирования структуры поведения является модель диспозиционной регуляции поведения, предложенная В.А. Ядовым⁸. В самом общем виде эта модель выглядит так:

ПОТРЕБНОСТИ — ДИСПОЗИЦИИ — СИТУАЦИИ

В центре этой схемы — система диспозиций (предрасположенностей или предуготовленностей личности к восприятию условий деятельности), которая определяет (оценивает) возникающие ситуации повседневной жизни с точки зрения возможностей удовлетворения конкретной потребности, специфической для данного вида поведения. Применительно к репродуктивному поведению такой специфической потребностью является потребность в определенном числе детей. Различные же ситуации либо способствуют, либо препятствуют удовлетворению этой потребности, но не непосредственно, а через систему диспозиций, через ценностные ориентации, которые служат критериями оценки возможности удовлетворить имеющуюся потребность в детях в конкретных обстоятельствах времени и места. Оценка обуславливает принятие того или иного решения, которое приводит к конкретному результату поведения. Последний через механизм обратной связи модифицирует как ситуацию, так и ее оценку диспозиционной системой.

Одно и то же репродуктивное событие (например, наступившая беременность) будет оцениваться совершенно различным образом, смотря по тому, совпадают или нет потребность в детях и их фактическое число, которое как результат предшествующего поведения является элементом текущей ситуации. Поэтому в модель В.А. Ядова следует ввести дополнительный блок — блок результатов поведения.

Почему так важно, иметь четкое представление о структуре репродуктивного поведения? Ответ заключается в том, что индивидуальное поведение исключительно многообразно. И понять это многооб-

210

разие можно лишь на основе осознания неодинаковости, неоднородности всех блоков структуры репродуктивного поведения.

Например, даже в случае сходства потребности в детях и условий жизни многих семей, различия в системе диспозиций могут вызвать вариации в интервалах между рождениями, в числе беременностей и их исходах, типах применяемой контрацепции, в мотивации рождений и отказов от них и т.д. и т.п.

При этом анализ отдельных элементов структуры репродуктивного поведения должен дополняться рассмотрением прямых и обратных связей между ними (см. схему 9—4).

Наиболее стабильным, практически неизменяемым на протяжении всей жизни человека элементом структуры репродуктивного поведения является потребность в детях (определение будет дано ниже). Потребность в детях — это своего рода закрепленный в психологических структурах личности опыт прошлых поколений, отголосок прошлых условий жизни. Индивид может изменять силу, интенсивность своей, сформированной в ходе его социализации потребности в детях, но не ее величину, обусловленную бытующими в обществе или в его части, с которой отождествляет себя человек, социокультурными нормами детности.

Другие элементы структуры репродуктивного поведения могут изменяться спонтанно или благодаря активности личности. Это относится и к условиям жизни, по отношению к которым человек может действовать двояким образом: или стремиться к их изменению, если они не соответствуют его представлениям о должном, или желать их сохранения, абсолютного или относительного (по сравнению с другими). Здесь важно то, что ориентации на изменение (или сохранение) условий жизни являются важнейшими компонентами как системы диспозиций, так и самих ситуаций образа жизни, оказывающими существенное влияние на репродуктивное поведение.

Центральным отношением, играющим роль своеобразного ориентира для репродуктивного поведения, является оппозиция потребности в детях (в определенном их числе) и фактического их числа в семье. Однако согласование всех действий, образующих линию репродуктивного поведения, осуществляется системой диспозиций, соотношением в ней семейных (связанных с семьей) и внесемейных (связанных с активностью вне семьи) ценностных ориентации.

При прочих равных условиях число рождений будет больше там, где преобладают ориентации на семейные ценности (на детей прежде всего), поскольку это преобладание обусловит восприятие окружающих условий (то есть их оценку) как благоприятных для реализации имеющейся потребности в детях (независимо от того, каковы эти

211

Схема 9—4

СТРУКТУРА ДИСПОЗИЦИОННОЙ РЕГУЛЯЦИИ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

antonov 91 9

212

условия "на самом деле" или в глазах других). Если же, напротив, преобладают ориентации на внесемейные ценности (образование, профессиональная карьера, социальная мобильность и пр.), а ориентация на семью и ее ценности слабы, то это обусловит оценку даже самих по себе "хороших" условий жизни как неблагоприятных для полного удовлетворения потребности в детях.

Подчеркнем еще раз, что ни потребность в детях, ни условия жизни сами по себе (по отдельности) не определяют результатов репродуктивного поведения. Эти результаты — итог взаимодействия данных элементов в системе диспозиций личности, которая определяет ситуацию как благоприятную или неблагоприятную для удовлетворения потребности в детях.

Основные элементы структуры репродуктивного поведения. Рассмотрение основных элементов структуры репродуктивного поведения начнем с потребности в детях.

Потребность в детях — главный двигатель репродуктивного поведения, ведущий из всех его внутренних регуляторов. Одновременно она — элемент общей системы потребностей личности, занимающий место на наивысшем уровне иерархии человеческих потребностей — среди социальных потребностей, наряду с такими, как потребность в браке, семье, творчестве, самореализации, образовании, свободном времени и т.д. Их концентрированным выражением является потребность в детях⁹. Как социальная потребность высшего уровня потребность в детях (и это мы подчеркиваем здесь особо и настоятельно) не связана прямо и непосредственно с потребностями низших уровней (органическими и потребностью в самосохранении).

Именно поэтому не существует никаких границ ее ослабления: никакие физиологические механизмы не в состоянии защитить ее от этого.

Не связана потребность в детях и с сексуальной потребностью. Как было сказано ранее, рождение детей имеет лишь своим пред условием, посредником сексуальное поведение. Человек с давних времен может нарушать и нарушает автоматизм репродуктивного цикла, удовлетворение сексуальной потребности не предполагает обязательного рождения ребенка и притом чем дальше, тем в меньшей степени сексуальные отношения являются средством деторождения.

Чтобы ребенок родился, необходима специальная мотивация, не биологическая по своей природе. Однако в большинстве классификаций человеческих потребностей потребность в детях не выделяется как самостоятельная потребность, а отождествляется или с сексуаль-

213

ной потребностью, или с так называемой потребностью продолжения рода, под которой, как правило, подразумевается либо пресловутый и мифический "инстинкт размножения", либо столь же мифический "материнский инстинкт". Не останавливаясь здесь специально на этом вопросе, заметим, что демографы, верящие в "инстинкты" несколько поотстали от мировой науки, в которой инстинктивистские модели поведения давно сданы в архив¹⁰.

Потребность в детях — не биологическая, а социально-психологическая и социальная категория.

Потребность в детях — это социально-психологическое свойство социализированного индивида, проявляющееся в том, что без наличия детей и подобающего их, числа индивид испытывает затруднения в своей личностной самореализации. Эти затруднения возникают в повседневности при выяснении семейного статуса личности (например, при встрече старых знакомых после долгой разлуки) — тем самым производится произвольная оценка (и самооценка) поведения личности, исходя из бытующих норм детности или репродуктивных норм. Парадоксальным отражением этих затруднений является сам язык, заставляющий нас задавать вопрос о детности того или иного человека, используя множественное число ("Есть ли у Вас дети?"), и выслушивать ответ все чаще в единственном числе ("Есть. Один.")¹¹.

Для понимания сущности потребности в детях огромную роль играет понятие репродуктивных норм.

Репродуктивные нормы — это детерминированные общественным бытием принципы и образцы подобающего поведения, относящегося к рождению определенного числа детей, и принятые в тех социальных группах, к которым принадлежит или хотел бы принадлежать индивид. Репродуктивные нормы, как и любые другие социокультурные нормы, усваиваются личностью в качестве средств ориентации поведения и образуют основу внутреннего контроля, обеспечивающего согласованность разного рода действий и поступков, имеющих отношение к рождению определенного числа детей. Будучи усвоенными, "интернализированными", превратившись во внутренние социально-

психологические структуры личности, репродуктивные нормы определяют своим содержанием сущность потребности в детях.

Потребность в детях — это устойчивое социально-психологическое состояние индивида, обусловленное, во-первых, стремлением иметь типичное для данного общества число детей в семье и дать им не хуже типичного по качеству воспитание, во-вторых, чадолюбием (т. е. глубоко усвоенными установками по отношению к детям вообще),

214

проявляющимся в том, что без наличия детей или определенного их числа индивид испытывает затруднения самореализации себя как личности.

Бойко В. В. Малодетная семья: Социально-психологическое Исследование. М., 1980. С. 61.

Таким образом, потребность в детях — это, по сути, усвоенные человеком в процессе социализации, бытующие в культуре или субкультуре и определенным образом преобразованные личностной структурой репродуктивные нормы или социальные нормы рождаемости. Каким образом происходит подобное усвоение, "интернализация" — это отдельный и особый вопрос. Отметим лишь, что это такой процесс, в котором индивид не просто "вкладывает в себя" то, что ему преподносят "агенты социализации", а играет активную роль, непрерывно взаимодействуя с тем, кто выступает для него в качестве "транслятора норм и ценностей".

Важнейшей особенностью репродуктивных норм (принципиальной для понимания потребности в детях) является их исключительная устойчивость, превышающая обычный для социокультурных норм "лаговый эффект". Это связано, с тем, что репродуктивные нормы отражали когда-то глубинные основы бытия, человеческой жизни, необходимость самосохранения человеческого рода, воспроизводства населения.

Потребность в детях не меняется под влиянием текущих условий жизни и их изменений. Меняются лишь семейные ситуации, которые либо способствуют, либо препятствуют удовлетворению потребности в детях. Величина потребности в детях неизменна на протяжении жизни человека.

Следует различать ту или иную интенсивность, или силу, потребности в детях. Даже в пределах одной и той же количественно выраженной потребности в детях ее сила может быть различной, определяя вариации в "практике оперирования промежуточными переменными рождаемости", то есть в практике контрацепции и искусственного прерывания беременности, что проявляется в различной длине интервалов между рождениями детей, длине репродуктивного периода и т.д. Разумеется также, что сила потребности в детях тем больше, чем больше ее величина.

В этой связи различают *малодетное* (1-2 ребенка в семье), *среднедетное* (3-4 ребенка) и *многодетное* (5 и более детей в семье) репродуктивное поведение, а в пределах каждого из этих типов — линии репродуктивного поведения, представляющие собой специфи-

215

ческое сочетание результатов репродуктивного поведения, характеризующееся определенной направленностью и устойчивостью. Именно потребность в детях, взаимодействуя в диспозиционной системе с условиями жизни, формирует конкретные линии репродуктивного поведения.

Труднее всего было выносить отношение мундугуморов к детям. Женщины хотели иметь сыновей, а мужчины дочерей. Ребенка нежелательного пола завертывали в ткань из коры и бросали живым в воду. Кто-нибудь мог выловить это суденышко из коры, проверить пол ребенка и отправить его дальше.

Мид М. Иней на цветущей ежевике // Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 58.

Раз мы заговорили о величине и силе (интенсивности) потребности в детях, то, следовательно, речь должна идти о возможности и методах измерения потребности в детях. Напрямую потребность в детях измерить нельзя. Это связано с ее природой, с тем, что она, как было сказано выше, непосредственно не наблюдается, лишь проявляясь в конкретных семейных ситуациях, обнаруживая во взаимодействии с ними различные аспекты и стороны своей количественной определенности, предрасположенности к определенному репродуктивному результату и своей качественной определенности, своего содержания, ценностно-смысловых аспектов мотивации, тех целей, ценностей и интересов, которые удовлетворяются или реализуются через рождение детей и которые образуют содержание потребности в детях.

Количественная и качественная определенность потребности в детях соответственно раскрывается в понятиях репродуктивных установок и репродуктивных мотивов. Эти последние и являются непосредственными объектами измерения.

Репродуктивные установки — это психические состояния личности, обуславливающие взаимную согласованность разного рода действий, характеризующихся положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей.

Репродуктивные установки делятся на два класса:

— установки детности, регулирующие достижение определенного числа детей. К этому классу относятся установки на благополучные исходы беременности, на протогенетические (между образованием брачного союза и рождением первого ребенка) и интергенетические

(между рожденьями детей разной очередности) интервалы, установки на пол ребенка, установки на усыновление или удочерение (адапционные);

— установки на применение контрацепции и искусственное прерывание беременности.

Все эти конкретные виды установок выражают в конкретной ситуации времени и места величину потребности в детях и ее силу и благодаря этому оказываются взаимосвязанными. Чем сильнее, к примеру, готовность к рождению ребенка определенной очередности, тем короче, при прочих равных условиях, генетические интервалы и тем вероятнее выбор линии репродуктивного поведения, не связанной с применением контрацепции и искусственными абортами. А взятое в целом, вместе, все перечисленное характеризует стоящую за ним силу и величину потребности в детях.

Для измерения репродуктивных установок в демографии и социологии семьи разработаны специальные методы. Одна их группа основывается на определении так называемых "предпочитаемых чисел детей". Все теоретически возможные предпочитаемые числа детей являются, как неоднократно подчеркивалось выше, сложным итогом взаимодействия потребности в детях и конкретных ситуаций образа жизни, в которых она лишь проявляется. Именно поэтому ни один из показателей предпочитаемых чисел детей не является сам по себе измерителем ни потребности в детях, ни даже репродуктивной установки. Они — лишь их отражение в обманчивом зеркале конкретных реальных или воображаемых условий жизни, причем отражение не всей установки, а только ее когнитивного компонента. Индивид имеет некое идеализированное представление о наилучшей с его точки зрения семье, одним из аспектов которого является и представление о детности такой семьи. Этот образ не является чем-то застывшим и неизменным. Он постоянно корректируется в зависимости от наличных или предполагаемых условий жизни и их гипотетических изменений. Исследователь, социолог семьи и демограф, создавая искусственную ситуацию социологического опроса, актуализирует это представление, побуждает респондентов более или менее четко сформулировать его в виде определенных логических высказываний, придать количественную меру. И в зависимости от того, каковы эти реальные или гипотетические условия жизни и их возможные изменения (точнее говоря, как они оцениваются, воспринимаются респондентом сквозь призму его диспозиционной структуры), индивидуальная потребность в детях выражается в том или ином предпочитаемом числе детей.

217

На схеме 9—5 приведены некоторые из этих возможных реальных или гипотетических жизненных обстоятельств и соответствующие им показатели предпочитаемых чисел детей.

В изучении рождаемости и репродуктивного поведения обычно используются отнюдь не все представленные на схеме показатели предпочитаемых чисел детей, а лишь некоторые из них. Чаще всего это — идеальное, желаемое и ожидаемое числа детей в семье; иногда используется также число детей, планировавшееся в момент вступления в брак¹².

Идеальное число детей не является отражением установок детности, а, скорее, характеризует осведомленность респондентов о так или иначе обсуждающихся в обществе проблемах семьи, населения и рождаемости. Об этом говорят, в частности, результаты специального исследования взаимосвязи динамики идеального числа детей в США в 50-70-е гг. с частотой публикаций материалов по проблемам населения в газете "New York Times". Исследование обнаружило прямую зависимость идеального числа детей от интенсивности обсуждений данной темы¹³.

Идеальное число детей, фиксируя "наилучшую" детность вообще, а не для конкретного респондента, характеризует, с одной стороны, информированность о том, какое число детей признается общественным мнением "должным", и соответственно понимание значимости этой проблемы, а, с другой, — восприятие ("догадку") того, что, по мнению респондента, ждет от него интервьюер. В любом случае идеальное число детей, вопреки распространенному мнению, не отражает социальной нормы детности, а, следовательно, и потребности в детях.

Из всех показателей предпочитаемых чисел детей самым точным и надежным в смысле отражения потребности в детях и, самое главное, предсказания окончательного числа детей в семье является ожидаемое число детей в семье (в обоих его вариантах — *всего* и *еще*), а также ожидавшееся (планировавшееся) в момент заключения брака. Об этом говорят результаты сопоставления различных вариантов предпочитаемых чисел детей с фактической детностью.

Но важно подчеркнуть еще и еще раз, что никакой отдельный показатель из предпочитаемых чисел детей не может сразу, одним числом выразить потребность в детях. Но можно попытаться понять, как именно проявляется потребность в детях в сочетании с разнообразными условиями жизни. Это возможно, если объединить несколько показателей предпочитаемых чисел в систему. Такое объединение (система), построение комплексного показателя — один из возможных путей повышения обоснованности измерения репродуктивной

218

Схема 9—5

**ПРОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПОТРЕБНОСТИ
В ДЕТЯХ В РАЗЛИЧНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ЖИЗНИ,
ОПИСЫВАЕМЫХ ФОРМУЛИРОВКАМИ ВОПРОСОВ
О ПРЕДПОЧИТАЕМОМ ЧИСЛЕ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ**

установки и потребности в детях. Этот комплексный показатель обязательно должен включать в себя и фактическую детность, поскольку, например, желание иметь третьего ребенка у бездетных, однопородных и двухдетных супругов совершенно различно по своей значимости.

В качестве примера такого рода комплексного показателя приведем индекс степени удовлетворения потребности в детях, примененный в ходе исследования репродуктивного поведения двухдетных семей в Москве в конце 70-х гг. Этот индекс построен путем комбинирования пяти показателей — фактической детности (имеющегося в семье числа детей); ответа на вопрос о том, хочет ли респондент иметь детей больше, чем есть в момент опроса; ответов на два вопроса об ожидаемом числе детей и на вопрос о желаемом их числе. Методика построения индекса ясна из схемы 9—6.

Схема 9—6

ПОСТРОЕНИЕ ИНДЕКСА СТЕПЕНИ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТИ В ДЕТЯХ (ПВД)

antonov 91 13

Анализ этого индекса по результатам социологического опроса двухдетных москвичек показал, что только 7% из них не удовлетворили свою потребность в детях и твердо ориентированы на рождение третьего ребенка. Этот факт затушевывался средними величинами предпочитаемых чисел детей, взятых по отдельности (особенно величиной желаемого числа детей: 2,8 ребенка в среднем, причем желали иметь больше двух детей около 60% опрошенных). Иными словами,

220

показатели предпочитаемых чисел детей, взятые по отдельности, завышают величину репродуктивных установок, создавая иллюзию того, что у значительной части населения существует потребность более чем в двух детях.

Более обоснованное измерение индивидуальной потребности в детях (репродуктивной установки) связано с тестами, основанными на известной в социологии технике "семантического дифференциала". За неимением здесь возможности подробно остановиться на особенностях этих методик отсылаем читателя к работам, в которых они достаточно полно описаны¹⁴.

Как показали результаты тех исследований, в которых применялся метод семантического дифференциала, в настоящее время в населении продолжает сохраняться реликтовая, по сути, потребность в двух детях, которая, однако, не удовлетворяется полностью из-за действия неблагоприятных условий жизни.

Если репродуктивная установка характеризует количественную определенность потребности в детях, то репродуктивные мотивы раскрывают ее качественную сторону, ее содержание.

Репродуктивные мотивы представляют собой психические состояния личности, побуждающие индивида к достижению разного рода личных целей через рождение определенного числа детей. Репродуктивный мотив характеризует личностный смысл появления на свет ребенка любой очередности. Дети при этом оказываются средством достижения тех или иных целей. Репродуктивные мотивы, будучи самостоятельной психической сущностью, являются одновременно и составной частью структуры установок (их поведенческого, побудительного компонента). Они раскрывают содержание потребности в детях, но они же суть элементы структуры внутреннего контроля поведения, так как интенсивность побудительного компонента (сила установки) зависит от мотивационных состояний. *Репродуктивные мотивы следует отличать от мотивов ограничения рождаемости.*

Отдельные аспекты репродуктивной мотивации изучались еще в 40-е гг.¹⁵, но попытки создания классификации репродуктивных мотивов, как и выявления всей их возможной совокупности, относятся лишь к 60-м гг. Опираясь на результаты такого рода исследований, американский социолог и демограф Д. Боуг в конце 1960-х гг. создал своеобразный каталог мотивов высокой и низкой рождаемости. Хотя выделенные им группы мотивов принятия внутрисемейного ограничения числа детей (или отказа от такового) позволяют упорядочить материалы исследований, они тем не менее не обнаруживают

221

никаких четких критериев классификации в связи с отсутствием ясной теории репродуктивного поведения¹⁶.

Надо сказать, что к настоящему времени известно несколько десятков попыток разработать классификацию репродуктивных мотивов¹⁷. Большое значение в этом отношении имели работы К. Дэвиса. Он подчеркивал, что мотивацию к рождению детей создает лишь общество (социальная организация), отрицая наличие биологически обусловленной детерминации репродуктивного поведения, рождаемости.

Важное место в истории изучения репродуктивного поведения занимает типология мотивов рождения детей, разработанная Джудит Блейк. Она подразделяла все такого рода мотивы на экономические и внеэкономические. Это

позволило установить характерное для "современного" отношения к детям усиление именно последних, то есть внеэкономических, что противоречит широко распространенному мнению, будто экономически выгоднее уменьшение числа детей в семье.

Методологически важными представляются идеи Л.У. и М.Л.Гофманов о различной интенсивности и неодинаковом содержании репродуктивных мотивов у индивидов, находящихся на разных стадиях жизненного цикла семьи, а также о необходимости проводить различие между мотивами рождения детей вообще и мотивами рождения дополнительного (к имеющимся) ребенка, между мотивами обзаведения малой и большой семьей и т.д. Большую методологическую роль играет также тезис Гофманов о связи репродуктивной мотивации с конкуренцией различных потребностей и ценностей личности. Оценивая вклад Гофманов в разработку теории репродуктивной мотивации, необходимо отметить, что хотя они не подчеркивали ведущей роли мотивов рождения определенного числа детей и не раскрыли всю сложность системы диспозиционной регуляции репродуктивного поведения, предложенная ими модель сыграла свою позитивную роль в исследовании репродуктивной мотивации и в настоящее время широко применяется в зарубежной социологии семьи и демографии.

Согласно современным представлениям, репродуктивные мотивы, или мотивы рождаемости, подразделяются на экономические, социальные и психологические.

Экономические мотивы рождения детей — это мотивы, которые побуждают к рождению того или иного числа детей благодаря тому, что через это событие достигаются (или предполагается, что достигаются) определенные экономические цели, то есть цели, связанные со

222

стремлением приобрести какие-то материальные выгоды или повысить (или сохранить) экономический статус. Если рождение детей не ведет ни к каким экономическим выгодам или не предполагает их, то это следует понимать как отсутствие экономических мотивов рождения. Заметим, что экономические мотивы — это тоже мотивы, то есть психологические феномены. Экономическими же их делает их содержание, то есть те цели именно экономического характера, которые выражаются через соответствующие мотивы.

Социальные мотивы — это мотивы, которые побуждают к рождению определенного числа детей в пределах бытующих социокультурных норм детности и которые являются индивидуальной реакцией на эти нормы.

Определенный конформизм по отношению к социокультурным нормам (в том числе репродуктивным), то есть свойственное большинству желание жить, "как все", является отличительной чертой всякого (и репродуктивного тоже) поведения. Социальные мотивы и отражают это стремление, подкрепляемое разного рода стимулами морального и социального (престижно-статусного) плана.

Социальные мотивы существуют там и тогда, где и когда действуют стимулы, означающие, к примеру, укрепление или повышение социального статуса, рост авторитета и престижа в глазах окружающих и т.д. и т.п. Напротив, там, где нет таких стимулов, льгот и "выгод", там нет и социальных мотивов рождения определенного числа детей. Скажем, в современной городской малодетной среде родители трех или более детей подвергаются негативным социально-психологическим санкциям. Они могут становиться и становятся предметом насмешек, морального осуждения и других видов негативного общественного мнения.

Психологические мотивы — это мотивы, которые побуждают к рождению определенного числа детей благодаря тому, что через это достигаются какие-то сугубо личностные, социально-психологические, как бы внутренние цели личности. Они отражают не общественную, а исключительно личную заинтересованность в рождении определенного числа детей. Психологические мотивы четко разделяются на два класса в зависимости от того, идет ли речь об отношениях, в которых родители выступают как субъекты или как объекты.

Первый класс мотивов (где родители — субъекты) связан с теми чувствами и стремлениями, которые идут от родителей к детям (желание проявить заботу о ребенке, любовь к нему, желание опекать его, направлять его развитие и т.п.).

223

Другой класс мотивов (где родители — объекты) объединяет все, что через общение с детьми удовлетворяет потребность родителей быть объектами чувств, идущих к ним от детей (потребность в любви и уважении, в смысле жизни, обретаемом через детей, стремление продолжить в детях себя или какие-либо свои качества и свойства и т.п.).

Соотношение в структуре репродуктивной мотивации экономических, социальных и психологических мотивов не остается неизменным. Оно меняется от эпохи к эпохе, отражая глобальный процесс исторического отмирания многодетности. Общая тенденция здесь состоит в том, что постепенно ослабевают или даже сходят на "нет" экономические и социальные мотивы рождения нескольких детей в семье, а на первый план выходят психологические, внутренние мотивы.

Мы рассмотрели ведущий компонент системы диспозиционной регуляции репродуктивного поведения — потребность в детях, ее структуру и содержание. Но, как уже неоднократно подчеркивалось выше, потребность в детях управляет репродуктивным поведением, только взаимодействуя с ситуациями образа жизни, в которых происходит ее удовлетворение. Поэтому мы переходим теперь к рассмотрению ситуаций образа жизни (условий жизни),

в которых происходит удовлетворение потребности в детях. Именно взаимодействуя с ними, подчеркнем еще раз, последняя только и может управлять репродуктивным поведением.

Повседневная жизнь семьи складывается из потока беспрерывно сменяющихся друг друга ситуаций. Часть из них не зависит от желаний и действий людей, каждого отдельного человека, каждой отдельной семьи. Другие создаются или изменяются ими, что раздвигает или сужает объективно существующие пределы человеческой жизнедеятельности, возможность принимать те или иные решения, совершать те или иные действия и поступки, в том числе в сфере репродуктивного поведения.

В своей будничной жизни люди ставят перед собой различные цели, стремятся к их достижению, что-то делают ради этого, практически не задумываясь над тем, как все это скажется на их репродуктивном поведении, и даже, может быть, и не подозревая о существовании самого этого слова. Однако независимо от этого в итогах их репродуктивного поведения проявляется определенная последовательность, повторяемость определенных событий, общая для многих и многих семей. И эта последовательность зависит от большого числа обстоятельств, складывающихся в жизни, начиная от особенностей микросреды, в которой выпало жить семье, и кончая общей, глобаль-

224

ной общественно-исторической (экономической, социальной, экологической, внутри- и внешнеполитической и пр.) обстановкой.

Все эти обстоятельства жизни, все эти, говоря строго, *социальные ситуации*, в которых проходит жизнь семьи, можно классифицировать по-разному.

Первым и самым важным, с точки зрения анализа репродуктивного поведения, основанием такой классификации является то, способствует или препятствует та или иная социальная ситуация рождению очередного (в том числе и первого) ребенка. Причем важна не сама по себе ситуация, а то, как она оценивается (определяется) супругами. Известно, что объективно неблагоприятные условия могут считаться вполне достаточными для очередного рождения, а, напротив, вроде бы благоприятные, хорошие — недостаточными. Поэтому и необходимо выделять в структуре поведения психологическое определение семейных ситуаций как условий удовлетворения имеющейся потребности в детях и выяснять, отчего зависит эта оценка.

Другим важным критерием различения ситуаций служит их устойчивость во времени, продолжительность. По этому критерию можно выделить три уровня ситуаций:

— *ситуации повседневной жизни*. По своему характеру — это предметные ситуации, создаваемые конкретной и быстро меняющейся средой. В сфере репродуктивного поведения — это так называемые репродуктивные ситуации, то есть внешние фиксируемые события репродуктивного цикла (наступление/ненаступление беременности, спонтанный аборт, рождение мертвого ребенка и т.д.);

— *ситуации семейного образа жизни* лишь опосредованно связаны с репродуктивным поведением. Они включают в себя условия жизнедеятельности в сфере труда, досуга и семьи. Это и влияние профессиональной деятельности, и ситуации общения с родственниками, соседями, друзьями и другими агентами микросреды. Ситуации семейного образа жизни — это фон, на котором разворачивается репродуктивное поведение. Поскольку семья — это малая группа, то эти ситуации включают в себя и внутригрупповую динамику;

— *общие ситуации* связаны с глобальной общественно-исторической обстановкой. Они наиболее продолжительны во времени, наиболее устойчивы с точки зрения сроков жизни семьи (хотя могут быть и краткосрочные ситуации). В общих ситуациях отражаются условия жизни в городе и на селе, на определенных территориях, этническая специфика и т.п. Сюда же относятся и ситуации,

225

связанные с разного рода неблагоприятными или катастрофическими процессами — войнами, стихийными бедствиями и пр. Здесь же и общая социально-экономическая и политическая обстановка, в том числе и степень ее стабильности и предсказуемости.

Из всего вышперечисленного самыми определенными, поддающимися четкой фиксации и классификации являются репродуктивные ситуации. Их набор конечен и известен, что позволяет использовать их в анализе и моделировании репродуктивного поведения 18.

Сама специфика репродуктивного процесса, то, что он разворачивается под действием как физиологических факторов, так и социального контроля (то есть той или иной "степени вмешательства" в репродуктивный цикл), предопределяет, что в центре внимания (и семей, и исследователей) всегда оказываются ситуации отказа от зачатия, беременности и рождения.

В *малодетной среде* (а к ней принадлежит не только большинство населения в нашей стране и в других так называемых развитых странах, но и практически все исследователи репродуктивного поведения), так вот, в малодетной среде очевиден факт постоянного применения контрацепции. Отказ от нее возможен лишь в течение весьма короткого периода времени (пока не родится первый или, реже, второй ребенок), что обуславливает возникновение прочной психологической сцепленности сексуального поведения в браке с контрацептивным поведением, с вмешательством в репродуктивный цикл.

Современные малодетные супруги постоянно помнят, что они "должны" непрерывно ограничивать свою плодovitость, предотвращать зачатия или рождения, чтобы не допустить рождения детей сверх того их числа, которое диктуется их потребностью в детях.

Отсюда и возникает тенденция здравого смысла рассматривать малодетное репродуктивное поведение как "сознательное", притом именно как "сознательное ограничение", а многодетность — как выражение нецивилизованности, культурной отсталости и дикости.

В действительности же малодетность ничуть не более "сознательна", чем многодетность, а в последней "сознания" ровно столько же, сколько и в малодетности. Ибо и та, и другая — это результат действия соответствующих социокультурных норм детности, определяющих различную по величине потребность в детях.

Последним компонентом структуры диспозиционной регуляции репродуктивного поведения являются его результаты. Они включают в себя элементарные поведенческие акты, шаблоны и линии.

226

Элементарные поведенческие акты, или единицы репродуктивного поведения, — это специфическая реакция на актуальную репродуктивную ситуацию, на специфические и быстро сменяющиеся друг друга воздействия внешней среды. Например, так называемая контрацептивная осечка, то есть наступление беременности при применении контрацепции, может вызвать или ее прерывание, или решение сохранить ребенка и пойти на его рождение.

Шаблоны репродуктивного поведения — это возникновение под действием привычных и достаточно устойчивых семейных ситуаций (ситуаций семейного образа жизни) определенных и стабильных конфигураций элементарных поведенческих актов.

Линии репродуктивного поведения — это специфическое сочетание шаблонов поведения, характеризуемое их определенной направленностью и последовательностью, тенденция, обнаруживающаяся при их смене на протяжении всей жизни личности и семьи (их жизненного цикла). Именно линии репродуктивного поведения являются непосредственным объектом социологического анализа. Линии репродуктивного поведения делятся на линии малодетного, сред-недетного и многодетного поведения.

В пределах одинаковых линий поведения его результаты могут быть разнообразными, что обусловливается различиями шаблонов. Например, даже малодетное поведение может быть весьма различным. Одна и та же детность семьи может достигаться разными путями: различными могут быть сроки рождения детей (прото- и интергенетические интервалы), эти рождения могут быть связаны с неодинаковым числом беременностей, родов, искусственных абортов, с различиями в использовании контрацепции, ее методов, эффективности и т.д. и т.п.

В целом содержательные характеристики репродуктивного поведения раскрываются при последовательном анализе того, как на систему его регуляции влияют изменения во внешней среде, прошлые и актуальные условия жизни.

Соответствующие взаимосвязи отражены на схеме 9—7. Одной из ее особенностей как раз и является разделение всех условий жизни на прошлые и текущие, а также разделение специфических каналов, по которым и те, и другие воздействуют на репродуктивное поведение.

Воздействие текущих условий жизни реализуется через все семейные ситуации и через диспозиционный механизм их определения, в котором их оценка взаимодействует с потребностью в детях.

Но существует также и более непосредственное воздействие текущих условий жизни на результаты репродуктивного поведения и конечное число детей в семье. Каналы такого воздействия являются,

227

Схема 9—7

СХЕМА ВОЗДЕЙСТВИЯ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ НА СИСТЕМУ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

antonov 92 4

228

вообще говоря, внешними по отношению к репродуктивному поведению. Это, например, влияние социально-гигиенических и экологических условий. Неблагоприятные факторы окружающей среды могут негативно сказываться на состоянии здоровья супругов, особенно женщин, приводить к возникновению вторичного патологического бесплодия, невынашиванию беременности и т.п. Они могут также негативно сказываться на внутриутробном развитии плода, внося свой вклад в младенческую (в возрасте до 1-го года) и детскую смертность. Они могут также обуславливать повышенную заболеваемость детей, увеличивать младенческую и детскую смертность, что в свою очередь ведет к перевесу числа рождений над числом имеющих детей.

Прошлые же условия жизни влияют на репродуктивное поведение по совершенно другим каналам. Они действуют через бытующие в обществе социокультурные нормы, как репродуктивные, так и не имеющие непосредственного отношения к репродуктивному поведению. Прошлые условия жизни определяют как уровень потребности в детях, которая, напомним, есть ничто иное, как усвоенные индивидом в процессе социализации (интернализированные) репродуктивные нормы, так и длительное сохранение этого уровня во времени в иных, непохожих на прежние, условиях.

Обратим здесь особое внимание на то, что потребность в детях на схеме выделена из общей системы диспозиций личности чисто условно. Это сделано исключительно в аналитических и дидактических целях, чтобы подчеркнуть, что это — специфическая потребность, управляющая данным, конкретным видом социального поведения. Другому виду поведения соответствовала бы другая потребность. Кроме того, это выделение служит и тому, чтобы подчеркнуть и относительную самостоятельность потребности в детях, ее обусловленность репродуктивными нормами, следовательно, и известную неизменяемость на протяжении индивидуального жизненного цикла.

Оценка ситуаций как либо благоприятных, либо неблагоприятных для удовлетворения имеющейся потребности в детях служит источником отклонений конечных результатов репродуктивного поведения (в конце репродуктивного периода) от ожидаемых, задаваемых конкретной потребностью в детях. Следовательно, в конкретной социокультурной среде индивидуальная вариабельность репродуктивного поведения связана со степенью реализации имеющейся потребности в детях.

Сущность репродуктивного поведения семьи не сводится к практике ограничения плодovitости, применения контрацепции или ис-

229

кусственного прерывания беременности, как это часто представляют. Вместе с тем, регуляция репродуктивного поведения личности и семьи не сводится к биологическим факторам, будь то "инстинкт размножения" или "продолжения рода", либо физиологические ограничители плодovitости.

Процесс принятия репродуктивных решений. Следующим вопросом, о котором необходимо сказать здесь, является вопрос о том, как происходит процесс принятия репродуктивных решений, или, употребляя терминологию нашего учебного пособия, как действует механизм определения ситуаций удовлетворения потребности в детях?

Ответить на этот вопрос, раскрыть механизм определения ситуаций можно лишь в контексте событий репродуктивного цикла. Не существует репродуктивных решений самих по себе, а есть лишь решения в конкретной репродуктивной ситуации, в конкретной ситуации семейного образа жизни.

Результаты социологического анализа репродуктивного поведения семьи как в условиях многодетности, так и в условиях мало-детности позволяют сделать вывод о том, что существует некая "зона свободного выбора" числа детей в семье, в пределах которой и реализуется репродуктивный выбор семьи, принимаются репродуктивные решения. Причем в условиях малодетности эта "зона свободного выбора" детности и других результатов репродуктивного поведения сужается вопреки тому, что об этом пишут некоторые авторы.

Существуют два типа репродуктивного поведения, которые позволяют соотнести его результаты с возможностью их подлинно свободного выбора, — *рутинное и проблемное* репродуктивное поведение.

Будем называть рутинным такое поведение, при котором выбор отсутствует, процесс принятия решений не включается, а результаты соответствуют ожидаемым, то есть определяются исключительно действием социальной нормы. Иначе говоря, когда цепь событий, действий и отношений разворачивается как бы машинально, не встречая никаких неожиданностей и препятствий. Так бывает, например, когда потребность в детях совершенно не удовлетворена, и супруги стремятся поскорее реализовать свое желание иметь ребенка. В этом случае они живут интенсивной половой жизнью, половые сношения через некоторое ("нормальное") время приводят к зачатию, беременность развивается нормально и через положенный срок на свет появляется ребенок. Здесь нет никакого "выбора" и нечего "решать".

230

Поведение машинально и рутинно, результат соответствует ожиданиям.

Проблемным же поведение становится в том случае, когда в ход событий вмешивается нечто неожиданное, когда результат не соответствует ожиданиям, когда на пути рутинного репродуктивного цикла (неважно, полного или неполного) возникают барьеры. Здесь возникает проблема (проблемная ситуация), которую необходимо разрешить, приняв решение, реализовав свой "свободный выбор". Проблемные ситуации как раз и представляют наибольший интерес для социологического анализа.

Теоретически возможно выделить 7 проблемных и 7 рутинных типов определения репродуктивных ситуаций, соответственно классов репродуктивного поведения. Все они представлены на схеме 9—8.

Схема 9—8

ТИПЫ ПРОБЛЕМНОГО И РУТИННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ СИТУАЦИЙ

antonov 92 5

Рутинное поведение

Проблемное поведение

(ожидаемые результаты

(неожидаемые результаты

поведения)

поведения)

1 РП Р -*---3 *- НПК --03

?

1 ПП

2 рп ОР ----03 -*- НПК --03 -#-03 ? 2 ПП
 НПК -3 -*-ОР ? 3 ПП НПК -3 -*-ОР -»-ОР ? 4 ПП
 3 РП ИА ----3 -*- НПК
 4 РП ИА ----3 -- ПК
 5 РП Р ~— 3 -»- ПК
 6 РП ПК----03 — ПК -^3 ?-----»~ ИА ? 5 ПП
 7 РП ПК(03) -- 03 — ПК ->-3 ?-----»-Р ? 6 ПП
 ПК -»-3 ?-----»-ОР ? 7 ПП

Обозначения: ПК, НПК — применение и неприменение контрацепции

3, 03 —зачатие и его отсутствие Р, ОР — рождение и его отсутствие ИА — искусственный аборт

РП, ПП — рутинное и проблемное поведение

Основной критерий выделения рутинных и проблемных ситуаций, приведенных на схеме, — чередование применения и неприменения

231

контрацепции в зависимости от соотношения между потребностью в детях и фактическим их числом. При совпадении последних супруги во всех типах репродуктивного поведения будут стремиться предотвратить беременность, а при ее наступлении — к ее прерыванию (рутинное поведение 3 РП и 4 РП). Как легко понять, никакой особенной "сознательности" выбора в этом случае ни в многодетной культуре, ни в малодетной нет. Если же фактическое число детей в семье не равно потребности в детях (меньше ее), то поведение может быть как рутинным, так и проблемным.

В условиях многодетности основной проблемой оказывается отсутствие зачатия и родов, то есть нарушения плодовитости. Аналогичная ситуация может иметь место и в условиях малодетности, когда нарушения плодовитости мешают удовлетворить потребность даже в одном ребенке (или двух). Разрешение проблемы связано с попытками использовать для этого все возможные и доступные способы лечения.

В условиях отмирания многодетности, когда начинается смена типа репродуктивного поведения, возможны и другие, помимо нарушений плодовитости, проблемные ситуации, связанные с регулированием или числа детей, или интервалов между их рождениями.

В условиях малодетности, когда превалирует потребность в двух-детной семье, помимо всех названных выше проблемных ситуаций, чаще всего встречаются ситуации контрацептивной неэффективности (применение неэффективной контрацепции или неэффективное применение эффективной контрацепции) — проблемные ситуации 5 ПП и 6 ПП. Эти ситуации приобретают особую значимость, когда фактическое число детей меньше уровня потребности в детях".

Исследование репродуктивного поведения двухдетных семей в Москве во второй половине 70-х гг. позволило нам выделить несколько линий репродуктивного поведения, три из которых являются основными и наиболее распространенными. Первая из них — эта та, где супруги до рождения второго ребенка совершенно не практикуют искусственное прерывание беременности и где максимальна доля тех, кто начал применять контрацепцию только после второго рождения (35% против 22% во всей совокупности опрошенных). Для этой линии характерны минимальные прото- и интергенетические интервалы, а также минимальный уровень применения контрацепции в момент опроса. Это линия репродуктивного поведения, характерна для тех, кто имеет сильную потребность в двух детях.

232

Вторая линия поведения характеризуется ослабленной потребностью в детях. Это приводит к появлению искусственных абортов уже после рождения первого ребенка и более интенсивному их применению после второго, а также более интенсивному использованию контрацепции на всех стадиях формирования семьи. В этой линии протогенетический интервал лишь чуть более продолжителен по сравнению с первой, зато интервал между первым и вторым больше, чем в первой линии, в полтора раза. Эта линия, свойственна, так называемым "спейсерам"²⁰, то есть тем, кто при данном уровне потребности в детях регулирует интервалы между рождениями путем их "откладывания".

Это откладывание связано именно с ослабленной мотивацией к рождению второго ребенка с меньшей интенсивностью потребности в нем, а не с "помехами", создаваемыми якобы плохими условиями жизни. Объективно их условия жизни как раз лучше, чем в первой линии.

Третья линия поведения объединяет семьи с нарушениями плодовитости как до, так и после первого рождения, а также после второго рождения. Этой линии свойственны длительные прото- и интергенетические интервалы. Иначе говоря, эта линия — наиболее проблемна, она связана с интенсивными попытками преодолеть реальные препятствия к рождению хотя бы одного ребенка.

Наиболее же рутинна первая линия, в ней, особенно вначале, преобладают рутинные ситуации 1 РП, 5 РП и 6 РП. В целом анализ линий двухдетного поведения показывает перевес рутинных ситуаций над проблемными. Изученная двухдетная совокупность в среднем затратила на рождение двух детей около 5 лет. Если учесть, что в среднем опрошенные женщины вступили в брак в возрасте около 21,5 лет и что репродуктивный период в жизни женщины длится, как принято в демографии, в среднем до 50 лет, то, следовательно, около 24 лет поведение супружеской пары является рутинным, связанным с применением контрацепции и прерыванием беременности в случае ее наступления.

В однодетном случае этот период "рутинности", когда поведение не связано с необходимостью принимать решения, то есть реализовывать свой "свободный выбор", еще продолжительнее.

Многодетное и особенно среднететное поведение оказывается более проблемным и менее рутинным, чем малодетное. Установление этого факта, далеко не очевидного (о чем говорит хотя бы распространенность и стойкость мифа о нерациональности, несвобод-

233

ности многодетности, мифа, которому поклоняются не только "обыватели", так называемые "простые люди", но многие демографы), является заслугой именно социологического анализа и показывает перспективы, открываемые социологией семьи в изучении рождаемости.

Итак, мы рассмотрели в этой и двух предыдущих главах основные типы семейного поведения личности — брачное, сексуальное и репродуктивное.

Каждое из них, будучи частью семейного поведения, характеризуется в то же время автономией и независимостью от других. Эта автономность, возрастающая в ходе исторического развития, обусловлена тем, что брачное, сексуальное и репродуктивное поведение направлены на удовлетворение важнейших человеческих потребностей — потребности в браке, полового влечения (сексуальной потребности), потребности в детях.

Как социальные явления эти типы семейного поведения подчиняются действию социальных законов, детерминируются социально-экономически. Они изменяются вместе с семьей, по-своему отражая, в частности, глобальный процесс семейной дезорганизации, кризиса семьи как социального института.

Многие новые явления в семейном поведении — это специфические выражения семейной дезорганизации и кризиса. Причем спонтанное развитие современной индустриально-урбанистической цивилизации обуславливает углубление кризиса семьи, нарастание негативных явлений в ее жизни и функционировании, делает весьма вероятным полный крах семьи как социального института.

Противодействовать этому кризисному изменению семьи можно, лишь проводя специальную семейную политику, ориентированную на укрепление семьи, возрождение семейного образа жизни. Анализ семейной политики, ее сущности, содержания, необходимости проведения и других вопросов является задачей заключительного раздела учебного пособия.

Ключевые термины:

репродуктивное поведение, демографическая структура, интенсивность рождаемости, среднее число детей в семье, детность, плодовитость, бесплодие, стерильность, инфертильность, бездетность, репродуктивный цикл, репродуктивный процесс, потребность в детях, репродуктивные установки, репродуктивные мотивы, ситуации образа жизни, репродуктивные ситуации, определение репродуктивных ситуаций, результаты репродуктивного поведения, линии репродуктивного поведения.

234

Примечания

¹ См.: *Борисов В.А.* Перспективы рождаемости. М., 1976. С. 19-21, 33-35; Демографический Энциклопедический Словарь. М., 1985, С. 38, 152, 329, 447; Энциклопедический Словарь "Народонаселение". М., 1994. С. 21, 23, 156, 321, 488.

² *Davis K., Blake Judit.* Social structure and fertility: an analitic framework // *Economic Development and Cultural Change.* 1956. V. 4.

³ Цит. по: *Детерминанты и последствия демографических тенденций.* Т. I. Часть вторая. ООН. Нью-Йорк, 1973. С. 209.

⁴ *Детерминанты и последствия...* С. 212.

⁵ *Hill R., Stycos J.M., Back K.W.* The family and population control. Chapel Hill. 1959. P. 220; Хилл Р. Семейные решения и социальная политика: социологический аспект // *Изменение положения женщин и семья.* М., 1977. С. 200-220.

⁶ *Freedman R.* The Sociology of Human Fertility // *Current Sociology.* V. 10-11, 1961-62. P. 35-42; *Fredman R.* Fertility Determinants // *World Fertility Survey: An Assesment.* New York, 1987.

P. 274-275.

¹ *Борисов В.А.* Перспективы рождаемости. С. 177.

⁸ *Ядов В. А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // *Методологические проблемы социальной психологии.*

М., 1975. С. 93.

⁹ Антонов А.И. Социология рождаемости. М., 1980. С. 91-93, 106—115.

¹⁰ Там же; см. также: Борисов В.А. Перспективы рождаемости. С. 174-182; Бойко В.В. Малодетная семья. М., 1980. С. 46-64. Американский социолог Л.Бернард в своей книге "Instinct: Study in Social Psychology", опубликованной в 1924 г., основываясь на анализе более чем 2000 работ 1700 авторов, насчитал у них упоминания 15798 инстинктов (1). В результате он пришел к выводу, что понятие инстинкта слишком неопределенно, применяется некритически и практически бесполезно в социологии (См.: Ионин Л.Г. Понимающая социология. М., 1979).

¹¹ См.: Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. М., 1987. С. 7; СССР: Демографический диагноз. М., 1990. С. 325.

¹² Обзор применения идеального, желаемого и ожидаемого чисел детей см.: Антонов А.И. Социология рождаемости. С. 120-123, 153-162 (здесь дается также критика идеального числа детей); Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972. С. 5-97; Энциклопедический Словарь "Народонаселение". С. 138, 147, 281, 320.

¹³ Цит. в: Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. С. 70-71. 235

¹⁴ См.: Антонов А.И. Социология рождаемости. С. 163-167; Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. С. 81-88; Рабочая книга социолога. М., 1976. С. 228-231.

¹⁵ Kiser C. The Indianapolis study of social and psychological factors affecting fertility // Research in family planning. Princeton, 1962.

¹⁶ Bogue D. Principles of Demography. New York, 1969. P. 840-841.

¹⁷ См.: Антонов А.И. Социология рождаемости. С. 143-147.

¹⁸ О моделировании репродуктивного поведения см., например: Баркалов Н.Б. Моделирование демографического перехода. М., 1984; он же Микроимитационная модель рождаемости поколения // Городская и сельская семья. М., 1987; Елизаров В.В. Перспективы исследований семьи. М., 1987; Демографическое моделирование // Энциклопедический словарь "Народонаселение". М., 1994 и др. работы.

¹⁹ См. об этом: Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. С. 233-240.

²⁰ Bongaarts J. Do reproductive intentions matter // International Family Planning Perspectives. V. 18. No 3. Sept. 1992. P. 103.

Рекомендуемая литература

1. Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. М., 1987.
2. Борисов В.А., Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М., 1995.
3. Голод С.И. Стабильность семьи. Л., 1984.
4. Кон И.С. Введение в сексологию. М., 1988.
5. Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., 1994.
6. Проблемы родительства и планирования семьи. М., 1992.
7. Покровский Н.Е. (ред.) Лабиринты одиночества. М., 1989.
8. Семья на пороге третьего тысячелетия. М., 1995.
9. Янкова З.А. Городская семья. М., 1979.

Раздел IV

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Современная ситуация в России (экономический кризис, нагнетание социальной и политической напряженности, межэтнические конфликты, растущая материальная и социальная поляризация общества и т.д.) обострила положение семьи. У миллионов семей резко ухудшились условия реализации социальных функций — репродуктивной, экзистенциального содержания и первичной социализации детей. Проблемы российской семьи выходят на поверхность, становятся заметными не только для специалистов.

Это падение рождаемости, рост смертности, уменьшение брачно-сти и рост разводимости, увеличение частоты добрачных половых связей, увеличение частоты ранних и сверхранних, а также внебрачных рождений. Это и беспрецедентный рост числа отказов от детей и даже их убийств, и галопирующая подростковая и увы, детская преступность, и нарастание эмоционального отчуждения между членами семьи. Это и растущее предпочтение так называемых альтернативных форм брачной и семейной жизни, включая рост числа одиночек, неполных семей, бракоподобных отношений и квазисемей геев и лесбиянок, рост числа брачных сожительства. Это и рост семейной девиации — злоупотребления алкоголем и наркотиками, семейного насилия, включая инцестуозное.

Нет недостатка и в интерпретациях причин и следствий этих негативных явлений в жизни семьи и общества.

Особенностью большинства из них является попытка списать многие проблемы семьи и демографического кризиса России на современные социально-экономические процессы, на связанные с проведением экономической и социально-политической реформы кризисные явления в экономике, социальной жизни и политике или на происки каких-то враждебных сил.

Но ограничение причин кризисных явлений российской семьи только современным контекстом является совершенно неправомерным. Мы имеем здесь дело с длительным процессом отмирания многодетности семьи. Корни его кроются в тех радикальных преобразованиях, которые произошли в Европе и Северной Америке в XVII-XX вв. под влиянием индустриализации.

Современный социально-экономический спад лишь обнажил семейный кризис, но не привнес в него ничего принципиально нового. Негативные процессы семьи, утрата ею столь высокого и значимого в прошлом места в социальной структуре носят глобальный характер, присущи всем без малейшего изъятия странам, пережившим или переживающим наступление индустриальной эпохи, в основе которой — крупное машинное производство на базе разделения труда и индивидуального трудового найма.

Причины неблагоприятных тенденций семьи — не в отдельных, подчас, может быть, значимых и важных материальных и других условиях жизни, а в том, что изменился (и при том радикально) сам образ жизни людей в современных обществах индустриального типа, в наиболее существенных чертах современной цивилизации независимо от конкретно-исторических форм ее существования. Не случайно, что те самые негативные явления и тенденции, о которых говорилось в начале раздела, наблюдаются и в странах с наиболее благоприятной экономической и социально-политической ситуацией — в США, в странах Западной и Северной Европы и т.д. Специфика исторического пути России (СССР — в недалеком прошлом), ее "особость" состоит на самом деле лишь в том, что продвигаясь по общему для всех пути, она оказалась полем гигантского эксперимента по насильственной и ускоренной реализации социалистической идеи. Причем эта идея была истолкована к тому же в тоталитарном, казарменном, а потому целиком этатистском духе. Это определило и остроту общих для всей индустриальной цивилизации социальных проблем, в том числе и проблем семьи и воспроизводства населения, а также то, как и с какой эффективностью эти проблемы у нас пытались "решать". И как их пытаются решать до сих пор. Важно усвоить и понять, что кризис семьи не является чем-то, возникшим только в самые последние годы. Кризисные тенденции — не случайность, не отклонение с якобы "правильного" пути. Суть их — в резком обострении и обнажении фундаментальных процессов, на которые наше общество закрывало глаза, которые не при-

238

навалились ни официальной пропагандой, ни общественным мнением (за редким исключением). Соответственно, когда социально-экономический спад закончится, когда произойдет "оздоровление" экономики, социальной и политической жизни, то результатом этого будет не "исправление" и не "излечение" семьи и семейной жизни, как многие думают, а лишь возврат (если он вообще возможен) к, так сказать "нормальному" течению ценностного кризиса семьи.

Однако такой вариант практически невозможен при спонтанном ходе событий, когда отсутствуют целенаправленные воздействия на семью со стороны общества, когда у политиков отсутствует хотя бы малейшее убеждение в необходимости такого рода воздействий.

Выше (глава 4) были описаны те радикальные изменения семьи, которые были привнесены в ее жизнь спонтанным ходом социальноэкономического развития на основе рыночных, конкурентных процессов, однако при возрастающей роли государства. Эту феноменологию семейных изменений не отрицает никто из исследователей семьи, но оценка этих изменений различными учеными, как отечественными, так и зарубежными, оказывается принципиально различной.

При этом все разнообразие точек зрения на описанные семейные изменения может быть сведено практически к двум основным аксиологическим перспективам, или парадигмам, в рамках которых интерпретируется вся семейная проблематика и вырабатываются подходы

" к ее практическому разрешению. Одна из этих парадигм — это парадигма, которую можно охарактеризовать как *парадигму модернизации* (она же — парадигма здравого смысла, парадигма помех). Другая — это *парадигма кризиса семьи*.

В рамках первой из них — парадигмы модернизации — как позитивные, так и негативные изменения семьи воспринимаются и интерпретируются как частные, специфические проявления общего и положительного (прогрессивного) процесса модернизации семьи и воспроизводства населения, смены одного их типа ("традиционного") другим ("современным"). Модернизация семьи при этом рассматривается как часть, проявление, элемент модернизации всего общества. Именно поэтому все характеристики этой последней автоматически и со знаком "плюс" переносятся и на семью. Именно поэтому, далее, речь в рамках этой парадигмы может идти лишь о временных и локальных несоответствиях и проблемных ситуациях. Эти ситуации рассматриваются как результат действия в общем-то преходящих и поверхностных факторов, отражаю-

239

щих главным образом неодинаковую скорость процессов модернизации различных подсистем на отдельных территориях и в отдельные периоды.

В отечественной демографии и фамилистике эта концепция в теоретическом плане представлена в работах А. Г. Вишневого¹. Так, анализируя процессы изменения семьи и воспроизводства населения в бывшем СССР и в России, А.Г. Вишневский утверждает, что семья "оказалась на пороге нового кризиса", столкнувшись "с новыми проблемами" и в "значительной степени" утратив "способность выполнять многие жизненно важные для человека и

общества функции" из-за "непоследовательности и незавершенности происходящих с семьей перемен"². Иными словами, "новый кризис семьи" связан с тем, что семейные перемены отставали от обусловивших их "закономерных сдвигов в жизни советского общества в ходе обновления его экономической и социальной структуры (индустриализация, урбанизация, секуляризация сознания, эмансипация женщин и детей и т.п.)"³.

Соответственно общество, если сочтет необходимым вмешаться в течение семейных процессов, может лишь стремиться к устранению негативных последствий ("преодоление разлада", "содействие формированию новых демографических отношений" и т.п.), или к их компенсации мерами адекватной ("увязанной с историческими целями") семейной и демографической политики, т.е. всего-навсего к "минимизации последствий кризиса для семьи и общества"⁴.

Другая же парадигма — парадигма краха семьи как социального института — те же самые семейные изменения рассматривает как исторически конкретные выражения глобального системного кризиса семьи, вызванного к жизни не какими-то случайными, временными несоответствиями, негативными явлениями и проблемными ситуациями, а коренными, сущностными, атрибутивными чертами индустриально-рыночной цивилизации.

Парадигма кризиса семьи как социального института ориентирует исследователя семьи и практического политика рассматривать негативный характер семейных изменений, проблем, порождаемых ими, именно как выражение такого кризиса, охватившего семью и ценности семейного образа жизни. Этот кризис есть глобальная проблема современности, равновеликая, по крайней мере, экологической.

Концепция кризиса семьи ориентирует не на внешние по отношению к семье причины неблагоприятных явлений, как бы важны они ни были сами по себе, не на "помехи" эволюционному ходу

240

событий, а на пороки социальной организации рыночно-индустриального типа.

Ослабление социально-нормативной регуляции семейности, трансформация культурных символов и образцов, снижение ценности брака, семьи с детьми, единства всех семейных поколений — вот те социокультурные процессы, которые раскрывают сущность кризиса семьи. Они же делают бесперспективной ориентацию социальной политики только на устранение или коррекцию негативных последствий спонтанной эволюции семьи.

Понимание семейных изменений и семейных проблем и соответственно семейной политики, которое вытекает из парадигмы кризиса семьи, не является общепринятым. Более того, его придерживается меньшинство как отечественных, так и зарубежных специалистов в области семьи и демографии. На то есть свои причины, как общие для всех развитых стран, так и специфические. Если говорить специально о России, то одной из таких специфических причин является то, что в нашей стране на протяжении весьма длительного периода фамилистика и демография могли развиваться лишь в рамках идеологии марксизма-ленинизма. Фактически существовала такая ситуация, когда во всех дисциплинах, так или иначе изучающих семью и демографические процессы, господствовал вульгарно-социологический подход, в рамках которого не было места не только для противоречия и антагонизма, но даже для каких-либо расхождений в интересах личности и общества.

Рассмотрение соотношения интересов семьи и личности, с одной стороны, и общества (государства) — с другой, в терминах тождества или единства является одной из наиболее существенных черт парадигмы здравого смысла, особенно в нашей стране, где фамилистика и демография рассматривались как классовые, идеологические науки. Утверждалась безусловная гармония общественных и личных интересов также и в сфере развития семьи и воспроизводства населения (как и во всех прочих). Декларировалась чрезвычайно высокая ценность детей и семьи при социализме и соответствующая индивидуальная потребность в детях, реализации которой якобы мешают лишь внешние по отношению к социализму и "временные" обстоятельства и условия. Разумеется, тезис о "гармонии личного и общественного" претерпел существенные изменения от его вульгарного декларирования в предвоенные годы до более тонких и завуалированных интерпретаций.

Вплоть до самых последних лет это было "законом" существования отечественной идеологизированной демографии и фамилистики.

241

Первые работы, в которых содержались попытки преодолеть односторонность парадигмы здравого смысла, появились лишь в 70-е гг. Их авторы, в том числе и авторы настоящего учебника, стремились понять современные тенденции семейных изменений и демографических процессов, исходя из иных теоретических и аксиологических предпосылок, в рамках новой парадигмы, центральным пунктом которой стало восприятие семейных изменений в контексте глобального кризиса семьи, угрожающего самому существованию человеческого рода.

Противостояние и борьба двух парадигм (модернизации и кризиса семьи) не стали достоянием истории, хотя система, которую обслуживала одна из них, ушла в прошлое. Это противостояние и эта борьба продолжают и сейчас. Преобладание, популярность одной из **них**, названной здесь парадигмой модернизации или здравого смысла, затрудняет как адекватную оценку новейших демографических тенденций, так и выработку эффективной семейной политики в России, политики, ориентированной на укрепление семьи как социального института, на радикальное изменение ее положения в обществе, на изменение самого общества в сторону его большей

респонсивности к семье и ее проблемам. Весь этот комплекс вопросов является предметом рассмотрения заключительного раздела учебника.

Глава 10

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА

Необходимость семейной политики, ее сущность и содержание. Необходимость семейной политики определяется теми неблагоприятными последствиями изменений структуры и функций семьи, которые были инициированы спонтанным ходом исторического развития, процессами индустриализации, урбанизации, другими связанными с ними процессами и которые в своей совокупности характеризуют кризис семьи как социального института.

Будучи всеобщими и глобальными по своему характеру и равновеликими по своим последствиям экологическому кризису, эти процессы в нашей стране приобрели специфическую окраску, соединившую в себе влияние особенностей нашего исторического пути в советскую и постсоветскую эпохи.

Первая из них состоит в том, что "естественный" процесс трансформации семьи, процесс "перехвата" ее социальных функций дру-

242

гими институтами, процесс вытягивания из семьи на арену рыночной экономики практически всех ее членов одного за другим был насильственно ускорен и стимулирован всей мощью тоталитарного государства (индустриализация народного хозяйства и коллективизация) и искусственно сжат до исторически ничтожных сроков, благодаря чему его последствия оказались более разрушительными и трагичными, чем в других странах, шедших "нормальным" путем. С этим же была связана и гипертрофированная роль государства, выразившаяся не только в ускорении и "подталкивании" процессов семейных изменений, но и в том, что семейные функции "перехватывались" именно государством или его органами, а не какими-то иными социальными институтами. *Суперэтактизация* (сверхгосударствление) всей социальной жизни ускорила наступление семейного кризиса, разрушительно сказалась на семье и семейных ценностях, независимо от того, в каких именно формах (насильственных, как в 20-е и 30-е гг., или более мягких, как в послевоенный период, и особенно в годы так называемого застоя) осуществлялось вмешательство государства в жизнь семьи.

Семья как социальный институт оказалась подорванной и, начиная с середины 60-х гг., практически перестала выполнять свои основные функции, прежде всего репродуктивную.

Вторая особенность нашего исторического развития, о которой необходимо сказать применительно к проблематике семейного кризиса в России, относится уже к нашим дням. Это — некоторые черты проводимой в нашей стране экономической реформы, других экономических, социальных и политических преобразований. Речь прежде всего идет о том, что реформаторы практически не учитывают интересы семьи в процессе этих преобразований. Эти интересы, напротив, скорее игнорируются. И дело здесь не в чем-то злом умысле.

Просто практически любые принимаемые в ходе преобразований решения исходят из имплицитно принятой предпосылки — объект этих решений и этих мер видится в отдельном ("изолированном") индивиде, лишенном признаков пола и принадлежности к какой-либо первичной социальной общности, семье прежде всего.

Следовательно, спонтанный процесс семейных изменений, процесс девальвации семейных ценностей продолжается, притом в ускоренном темпе.

Причина этого "ускорения" — в наложении долговременных тенденций семейных изменений на воздействия социально-экономи-

243

ческого и политического кризиса в стране. Это наложение сыграло свою роль также и в том что семейные проблемы стали рассматриваться общественностью, прессой, политиками и даже частью специалистов исключительно в контексте этого кризиса, в контексте последствий радикальной экономической реформы. Тенденции семейных изменений связываются почти исключительно с реально наблюдаемым падением уровня жизни большинства семей, особенно семей с несколькими детьми, неполных и некоторых других.

Эти особенности исторического пути России и стали причиной того, что семейная политика стала рассматриваться главным образом как организуемая, направляемая и финансируемая государством (его бюрократическим аппаратом) социальная защита семей от нищеты, от вызванного инфляционным натиском снижения благосостояния.

Отсюда — представление о необходимости компенсации этого снижения путем предоставления семьям материальной помощи. Причем нехватка финансовых ресурсов делает эту помощь весьма скромной, лишь в малой мере компенсирующей инфляционное падение уровня жизни растущей части семей.

Эта скромность отражает и наличие более приоритетных устремлений правительства по сравнению с социальной политикой, а в рамках последней — более приоритетных сфер социальной помощи (пенсионеры, беженцы и т.п.). Однако, и это симптоматично, правительство склонно выделять в контексте социальной защиты населения деятельность, называемую многими *семейной политикой*.

Более того, у нас в стране в мае 1993 г. даже принята Концепция государственной семейной политики Российской Федерации, которая, по идее, должна служить ориентиром деятельности федеральных и региональных властей.

Однако изучение этой Концепции раскрывает ее во многом конъюнктурный характер.

И дело не только в том, что ее "одобрил" Национальный Совет по подготовке и проведению Международного года семьи в Российской Федерации, в чем явно проявилось стремление "быть на уровне", "не отстать" от мирового сообщества. Главное, ее содержание ориентирует деятельность государства и его органов на решение именно краткосрочных, конъюнктурных задач, связанных, как сказано в документе, с улучшением материальных условий жизнедеятельности семей, профилактикой бедности и поддержкой малоимущих семей. Неудивительно поэтому, что Концепция семейной политики содержит план первоочередных мер, но в ней нет ни слова о долгосрочных задачах и мерах.

244

Все это говорит об отсутствии у федеральных властей представлений о долгосрочном характере семейной политики, о необходимости системы мер, направленных на укрепление семьи как социального института. Сиюминутная направленность этих мер, ограничение задач политики злобой дня ("первоочередные меры" в отсутствии мер длительного характера) делает их политикой малых дел, малых сумм и малой пользы. Хотя, разумеется, нельзя отрицать, что в условиях, когда семья ходом истории, а точнее политикой государства лишена возможности автономного самообеспечения, эти меры, эта компенсация падения жизненного уровня какой-то реальный смысл все же имеют.

Фактически то, что сейчас называют семейной политикой, будучи в содержательном плане материальной помощью бедным, концептуально и аксиологически отражает политическое предпочтение изолированной нуклеарной семьи с одним-двумя детьми. И не потому, что эти предпочтения зафиксированы в Концепции или какой-либо другой программе. Этого как раз к нет.

Дело в том, что спонтанный ход событий именно этот тип семьи делает самым массовым, модальным, говоря статистически. Многообразие семейных структур сведено до унылой тотальности мало-детности, до обезличенной стандартности этого единственного типа семьи и репродуктивного поведения. Это само по себе резко снижает семейную стабильность, ухудшает положение семьи как социального института, который предполагает плюрализм семейных структур, включая многопоколенные семьи с тесными родственными связями или, по крайней мере, нуклеарные семьи с несколькими детьми.

Эти предпочтения отражают и связь такой "семейной политики" с парадигмой здравого смысла (модернизации), для которой всегда было характерно "принятие" действительности как единственно возможной в соответствии с истолкованным в "совковом" духе принципом "все действительное разумно и все разумное действительно". Теоретически эта "семейная политика" обосновывается необходимостью "понять и принять ту модель семьи — городской, малой, нуклеарной и т.п., — которая преобладает в жизни, а не в утопическом воображении благонамеренных теоретиков"⁵.

Еще раньше это обосновывалось наличием гармонии общественного и индивидуального интереса, якобы существующего в социалистическом обществе и нарушаемой лишь "разрывом между потребностями и возможностями их удовлетворения"⁶ (правда, без ка-

245

ких-либо объяснений того, откуда может взяться "разрыв", если есть "гармония").

На самом деле, с нашей точки зрения семейная политика не имеет с "семейной политикой", описанной выше, ничего общего.

Семейная политика — это деятельность государства, политических партий, общественных организаций, групп интересов и т.п., направленная на возрождение семьи, семейного образа жизни, утраченной на длительном историческом пути фамилистической культуры общества, возвращение семье органически присущих ей социальных функций, направленная, говоря социологическим языком, на укрепление семьи как социального института.

При этом семейная политика — это не политика "малых дел" (пусть даже и важных самих по себе при определенных условиях), это не деятельность "по ремонту" отдельных неблагоприятных явлений изменения семьи, не "минимизация последствий кризиса для семьи и общества"⁷. Это даже не политика, направленная исключительно на семью. На самом деле, семейная политика — это политика, ориентированная на изменение всего строя современной цивилизации, по существу антисемейной, враждебной семье, невосприимчивой к ее проблемам и болезням.

Только просемейная реформа общества выведет семью из кризисного состояния, возродит ее социальные функции. Но наряду с этими фундаментальными и долгосрочными задачами семейная политика имеет и более частные, краткосрочные цели, связанные с решением актуальных задач того или иного периода. Диалектика связи долго- и краткосрочных целей семейной политики при этом заключается в том, что достижение первых способствует достижению вторых. Укрепляя семью как социальный институт, можно создавать условия реализации потенциала отдельных семей при решении конкретных жизненных проблем, с которыми каждая семья может встретиться и встречается на протяжении своей жизни.

Эта сторона семейной политики носит название социальной поддержки семей и подробно рассматривается в главе 11.

Основные принципы семейной политики. Основными принципами семейной политики является: *принцип суверенности* (независимости семьи от государства), *принцип общественного договора*, *принцип свободы выбора*

семьей любого образа жизни, принцип единства целей федеральной и региональной политики и принцип социального участия.

246

Принцип суверенности семьи означает, что семья независима от государства и имеет право принимать любые решения, касающиеся ее жизни, совершенно самостоятельно, сообразуясь лишь с собственными целями и интересами. Это означает и право семьи на любой тип семейного поведения и на любой образ и стиль жизни, в том числе и на тот, который с точки зрения преобладающих социокультурных и моральных норм рассматривается как девиантный, отклоняющийся (лишь бы он не был криминальным с точки зрения норм правовых). Принцип суверенности означает, что и любые типы взаимосвязи супружества, родительства и родства в лоне семьи также независимы от государства.

Принцип суверенности семьи недостаточно просто декларировать или даже законодательно установить. Он останется пустым звуком без соответствующей экономической основы, т.е. без наличия у семьи возможностей либо осуществлять производство или заниматься бизнесом на базе семейной собственности, либо беспрепятственно получать доход от наемного труда или от занятия творчеством или от практики свободных профессий.

Любое ограничение принципа суверенности семьи, обосновываемое интересами общества или государства (например, регулирование производства аборт, установление процедуры регистрации брака или развода, введение воинской повинности и т.п.), должно вводиться и регулироваться законодательно или конституционно. При этом все не оговариваемые юридически случаи прямого вмешательства государства или иных социальных институтов в жизнедеятельность семьи должны считаться нарушением принципа суверенности.

Вместе с тем не является нарушением принципа суверенности семьи и не должна рассматриваться в качестве такового пропаганда каких-либо типов семьи и семейного поведения, моделей семьи, равно как и социальная (экономическая и любая иная) поддержка их. Во всяком случае до тех пор, пока семья имеет возможность выбора этих типов и моделей. Только лишение семей реальной свободы выбора из альтернативных вариантов может рассматриваться как принуждение к чему-либо одному.

Дело в том, что точно так же, как семья суверенна по отношению к обществу и государству, так и они суверенны по отношению к семье. И свобода одной выбирать из якобы "гораздо большего, чем в прошлом, набора общественно признанных альтернативных моделей семьи и семейных биографий"⁸ не может существовать без свободы другого открыто выражать свои предпочтения в этой сфере, не

247

опасаясь абсурдных обвинений в "навязывании" семье "того или иного образа действий или типа семейного поведения"⁹.

Принцип суверенности семьи тесно связан с *принципом свободы выбора*. Считается, что спонтанное ("естественное") развитие, не связанное с "искусственным" воздействием со стороны общества и государства, решает свободу выбора личностью и семьей из упомянутого выше "набора альтернативных моделей". Но в действительности эта свобода имеет вполне конкретные, исторически определенные границы. Она связана с периодом, когда быстрое снижение смертности сделало ненужной высокую рождаемость и, следовательно, обусловило распад системы социокультурных норм многодетности, отмирание табу на применение контрацепции и абортов. Этот распад нормативной системы многодетного родительства привел в итоге к широкому распространению норм малодетности, когда неконформистским и даже девиантным считается наличие трех и более детей в семье.

В наше время лишь ничтожные доли населения демонстрируют это отклоняющееся (в описанном социально-нормативном смысле) поведение. Массовым же, модальным, стандартным, нормативным стало одно-двухдетное родительство. Вся же свобода выбора свелась к выбору между семьей с одним или двумя детьми, между однодетностью и двухдетностью, которые и с демографической, и с социально-психологической и с любой иной точки зрения совершенно неразличимы, абсолютно идентичны. Следовательно, этот "выбор" абсолютно безальтернативен, т.е. никакого выбора в действительности нет.

Принцип свободы выбора, о котором говорим мы, в противоположность этому означает наличие в обществе подлинной альтернативы и возможности действительно выбирать любой тип семьи и семейного поведения. Сейчас этой возможности выбора нет, как не было ее и в условиях господства многодетности.

Как и прежде, действует социокультурное принуждение. Изменилась только его "полярность" и механизм действия: на смену нормативной системе многодетности, в которой нормы функционировали как общественные образцы и традиции, пришли социальные нормы малодетности, функционирующие скорее как принципы, как нормы в статистическом смысле.

Поэтому семейная политика и должна быть ориентирована на создание подлинной свободы выбора, на создание возможности реализовать любую альтернативу.

Разумеется, общество в лице государства и других социальных институтов также свободно в принятии и поддержке тех типов семей

248

и семейного поведения, которые в наилучшей мере удовлетворяют его интерес в обеспечении устойчивого воспроизводства и успешной социализации подрастающих поколений.

Таким образом, принцип свободы выбора предполагает последовательное и равное применение его и в отношении семьи и личности, и в отношении общества, государства. Он не должен истолковываться односторонне как привилегия только семьи, а фактически только индивидуума.

Однако именно это имеет место в случае, когда стимулирующая определенный тип семейного поведения политика государства (например, льготы, хотя бы и убогие, трехдетным семьям) третируется как "мягкие формы" давления на семью и когда во избежание этого "давления" предлагается "нейтральная" по отношению к числу детей в семье политика, т.е. когда главной целью предлагается считать благосостояние семьи, ее "хорошее" экономическое и социальное "самочувствие"¹⁰, или, по новейшим версиям, уже упоминавшуюся "минимизацию последствий кризиса".

Принцип общественного договора развивает и конкретизирует описанные выше принципы суверенности и свободы выбора. Он означает договорную регламентацию взаимоотношений семьи как социального института и государства. Иначе говоря, семья и государство заключают между собой общественный договор, в котором на равноправной основе эксплицируются и формулируются все существующие политические, социальные, экономические и другие отношения между ними. Этот принцип особенно важен в условиях нашей страны, когда предпринимаются усилия преодолеть наследие тоталитаризма, реформировать экономические и политические отношения.

Семья как социальный институт обеспечивает общество трудовыми ресурсами, исполнителями социальных ролей. Без этого "продукта семейного производства" социальная система не может функционировать. Точнее — она просто не существует.

Следовательно, общество должно испытывать потребность, заинтересованность в том, чтобы семья выполняла свои функции воспроизводства и социализации новых поколений. В то же время, как мы видели, чем дальше, тем в большей мере ослабевают и даже полностью исчезают стимулы, определяющие личную заинтересованность в рождении и социализации новых поколений. А биологической потребности у индивида в этом никогда не было, как мы помним. В этих условиях семья может потребовать от общества и его

249

представителя — государства — на договорной основе обеспечить всестороннюю поддержку тех моделей семейной жизни, которые способствуют эффективной реализации функций воспроизводства и социализации.

Принцип единства целей федеральной и региональной семейной политики означает, что цели семейной политики едины для всей страны и не зависят от конкретных особенностей изменения семьи и семейного поведения на той или иной территории — части одного и того же государства. Этот принцип исходит из того, что отмирание многодетности является глобальным процессом, отражающим фундаментальные изменения экономических, социальных и демографических условий жизни общества. И потому, хотя и существуют территории, где преобладают "традиционные" типы семьи и семейного поведения (многодетность), но и на них необходима политика, ориентированная на укрепление семьи, тех ее моделей и образцов, которые наиболее адекватны целям эффективной реализации специфических функций семьи.

Учет региональных особенностей при этом может достигаться как за счет путей конкретизации единой в своей основе цели семейной политики, так и путем применения специфических средств ее достижения. Наилучшим организационным механизмом обеспечения единства целей семейной политики и учета региональных особенностей являются региональные программы семейной политики.

Принцип социального участия. В современных условиях полностью теряет смысл традиционное для тоталитарной эпохи представление о государстве как единственном субъекте целеполагания, формирования и реализации социальной (в частности, семейной) политики. В настоящее время как цели семейной политики, так и пути их достижения в возрастающей мере формируются в рамках гражданского общества, во взаимодействии трех субъектов социальной жизни — семьи как малой группы, осуществляющей свою жизнедеятельность в конкретных социально-экономических условиях и преследующей свои собственные цели и интересы; разного рода социальных и территориальных общностей и объединений, формальных и неформальных (соседские общины, этнические и социокультурные меньшинства, партии, общественные, политические, религиозные и другие объединения и союзы, группы интересов и т.д. и т.п.); наконец, государства в лице его специализированных органов (федеральных, региональных и локальных), в чью компетенцию входят разработка и осуществление социальной политики, в том числе семейной.

250

В этих условиях семейная политика возможна лишь как деятельность по созданию и реализации программ нового типа, по взаимовыгодному для всех использованию ресурсов и возможностей, которыми располагает каждый из участников, для достижения согласованных целей, интересов и потребностей. Иными словами, субъекты семейной политики — это наряду с государством разнообразные объединения граждан — партии, союзы, общества, ассоциации, фонды и т.п., в том числе и те, которые создаются (или могут создаваться) с целью защиты и отстаивания собственно семейных (или более широко — демографических) интересов. Важно лишь, чтобы все эти объединения имели четко осознанные и эксплицитно выраженные цели и намерения относительно того, какой должна быть семья, как она должна изменяться, в чем состоит общественный интерес применительно к

воспроизводству населения вообще. Такая новая технология формирования и реализации семейной политики и выражена в том, что здесь названо принципом социального участия.

Социальное участие — это понятие, объединяющее широкий спектр ситуаций, в которых граждане непосредственно или через свои объединения вовлечены в процессы выработки и реализации социально значимых решений, той или иной затрагивающей их интересы социальной политики (в данном случае — семейной). Степень этой вовлеченности может быть различной, причем крайними полюсами "шкалы участия" являются ситуации, в которых, с одной стороны, решения принимает только и исключительно государственная власть, а граждане лишь ставятся в известность об этих решениях (у нас, как известно, и это не всегда делают), а с другой, — только на уровне граждан и их объединений.

Преодоление тоталитаризма связано с ростом социального участия, с возрастанием вовлеченности граждан и их объединений в выработку, принятие и реализацию политических решений, в том числе и в сфере семейной политики. Технологически-организационная сторона реализации социального участия рассматривается ниже. Здесь мы хотели бы подчеркнуть некоторые, наиболее существенные моменты, раскрывающие роль и значение применения социального участия в выработке и реализации семейной политики в нашей стране. Социальное участие:

— это форма реализации прав и свобод личности и семьи. Оно предполагает право и возможность каждого человека и каждой семьи непосредственно или через свои объединения влиять на решения, имеющие самое прямое и непосредственное отношение к их важнейшим потребностям и интересам;

251

— обеспечивает улучшение качества решений и программ, касающихся семьи. Семейная политика перестает быть чем-то навязанным сверху, к чему принуждает или чем благодетельствует чуждая и враждебная человеку сила тоталитарного государства. Она как бы становится общим достоянием всех соучастников, которые идентифицируют себя с нею;

— это демократический посредник, медиатор между государством и его гражданами. Социальное участие укрепляет и улучшает связи между ними, повышая вероятность реализации программ и решений;

— минимизирует социальную напряженность и уменьшает вероятность социальных конфликтов, конфронтации между гражданами и государством. Это последнее особенно значимо в такие периоды, как тот, который сейчас переживает Россия, т.е. в периоды социально-экономических и политических кризисов;

— способствует развитию чувства ответственности за собственную судьбу и судьбу семьи, помогает преодолению, с одной стороны, иждивенческих настроений по отношению к государству и обществу, а с другой, — патернализма этого государства по отношению к своим гражданам;

— это первый шаг к социальной активности и реальной политической вовлеченности, к формированию демократической политической культуры.

Надо при этом отдавать себе отчет в том, что все сказанное выше о социальном участии — это отнюдь не описание нашей повседневной реальности. Это — теоретическая идеализация, нормативное целеполагание, то, к чему необходимо стремиться, и то, чего постоянно надо желать и иметь в виду, говоря о семейной политике.

Практическая реализация принципа социального участия — это длительный процесс, это движение, снимающее, преодолевающее, отрицающее нынешнее состояние, когда нереспектабельный и нищий, но амбициозный "благодетель" (государство) мучительно пытается разделить между своими "социально слабыми", но не менее амбициозными и требовательными гражданами жалкие крохи, предназначенные для "минимизации последствий". Но, тем не менее, мы рассматриваем принцип социального участия как один из важнейших принципов семейной политики, как одно из основных условий эффективности ее программ и мероприятий.

Цели семейной политики. Стратегической, долгосрочной целью семейной политики является укрепление семьи как социального института. Эта цель наиболее полно выражается в упрочении семей-

252

ного образа жизни и требует переориентации всей социальной жизнедеятельности с интересов индивида, одиночки на интересы жизни в семье и семьей. Для того чтобы эту цель выразить более определенно и конкретно, необходимо учитывать тот факт, что сегодня не только в нашей стране, но и практически во всех развитых странах мира преобладают неполные, осколочные и вырожденные формы и разновидности семьи, квазисемейные и внесемейные формы существования, причем степень общественного принятия и одобрения всех этих форм нарастает. Именно поэтому достижение стратегической цели семейной политики — укрепление семьи как социального института — требует специальной поддержки со стороны общества и государства, поощрения семей с несколькими детьми, состоящих из нескольких поколений.

В качестве основной модели семьи, поощряемой государством, мы видим полную семью с 3-4 детьми. Это не значит, что другие типы семей дискриминируются или хотя бы отрицательно оцениваются. Мы говорили выше, что семья имеет право на любой образ жизни, на любой тип семейного поведения (кроме криминального). Но это означает и право общества, государства на предпочтение, одобрение и поддержку того типа семьи, который в наибольшей мере отвечает так или иначе осознаваемым и выражаемым общественным интересам. Ни один тип семьи не отвергается и не дискриминируется, всем семьям оказывается любая поддержка, в которой они могут

нуждаться.

Говоря о поддержке семьи как института, о нраве государства на свои предпочтения тем или иным типам семьи, мы имеем в виду не краткосрочную и конъюнктурную политику помощи семьям, а стратегическую цель, долгосрочную просемейную политику. Мы имеем в виду именно политику, направленную на укрепление института семьи с несколькими детьми. Результатом только такой политики, не связанной с оказанием помощи в неблагоприятных условиях, конфликтных и стрессовых ситуациях, явится упрочение семьи как социального института и семейного образа жизни вообще.

Помимо стратегической, долгосрочной цели семейная политика имеет и краткосрочные, тактические цели, которые, однако, тесно связаны с целью стратегической. Возродить среднедетную семью как основной тип семьи возможно, лишь помогая отдельным, конкретным семьям решать их жизненные проблемы, преодолевать те трудности, которые могут возникнуть на тех или иных стадиях жизненного цикла семьи. Поэтому краткосрочные цели семейной по-

литики можно выразить как социальную поддержку семей, которые на стадии репродуктивного родительства сталкиваются с различными напряженными ситуациями, испытывая те или иные стрессы и проблемы. Причем основное внимание должно уделяться тем семьям, внутренний потенциал которых не позволяет им самим, своими силами справиться с конфликтами и стрессами и которые нуждаются в социально-психологической помощи со стороны государственных и негосударственных социальных служб¹¹.

К сожалению, актуальная ситуация в России не способствует осознанию и тем более принятию среднедетной семьи как главной цели долгосрочной семейной политики. Над всем превалирует идея о необходимости защиты семей от бедности и нищеты как последствий проводимых в стране социально-экономических преобразований. Это, кстати, не позволяет даже конструктивно ставить вопрос о создании системы социальной поддержки семей, находящихся на разных стадиях жизненного цикла и переживающих те или иные стрессовые состояния. Тем не менее подробная проработка как системы стратегических и тактических (долгосрочных и краткосрочных) целей семейной политики, так и средств их достижения необходимы уже сейчас. Иначе, когда уже в ближайшие годы проблемы семьи приобретут особую остроту, такую, что на них поневоле обратят внимание и правительство, и парламент, и политические партии и движения, общество окажется неготовым для принятия адекватных и эффективных программ семейной политики.

Стратегия семейной политики. Реализация стратегической цели семейной политики — укрепления семьи с несколькими детьми — предполагает, что в меняющихся социально-экономических и политических условиях деятельность государства и других возможных субъектов семейной политики должна быть тесно увязана и скоординирована в рамках согласованной и общепринятой стратегии. Принципы, на которых базируется такая стратегия, могут быть различными. Но в рамках того понимания семейной политики, которое представлено здесь, эти принципы могут быть кратко и лапидарно сформулированы так: ДОХОДЫ — НАЛОГИ — КРЕДИТЫ.

Это означает переориентацию с разного рода выплат, пособий и льгот тем или иным типам семей (в наше время — наиболее нуждающимся в защите от последствий реформ и социально-экономического кризиса) на механизмы, имеющие рыночный характер, встроенные в рыночную систему формирования, перераспределения и использования доходов.

254

Иными словами, семейная политика должна быть ориентирована на создание условий, в которых семьи и их члены могли бы сами и притом эффективнее, чем прежде, извлекать доходы из своей экономической деятельности (предпринимательство, семейное производство, наемный труд, творческая деятельность, занятие свободными профессиями и т.п.) и использовать их для поддержания того образа жизни, который они считают приемлемым для себя. Следовательно, основным средством реализации семейной политики является ориентированная на нескольких детей политика доходов семьи, налоговая и кредитная политика.

В области формирования доходов государство должно поддерживать и поощрять любые формы экономической активности семей (кроме криминальных, разумеется), которые укрепляют автономность и самостоятельность именно семей как экономических агентов. Государство вместе с другими субъектами социальной (в том числе семейной) политики (предприниматели и их объединения и профсоюзы) должно стремиться к возрождению ситуации "однодоходной семьи", т.е. такого положения, когда доход одного взрослого члена семьи является достаточным для нормальной жизнедеятельности семьи, включая рождение и социализацию нескольких детей. В этом случае доход другого взрослого члена семьи не будет, как сейчас, обязательным и неперемным условием выживания семьи и ее членов. Тем самым у семьи появится еще одна "степень свободы", возможность действительно выбирать стратегию семейной жизни, ее образ и стиль.

Чрезвычайная важность ориентации на "однодоходную семью" связана с тем, что именно отмирание в процессе индустриализации такой семьи (т.е. вовлечение в производство других, помимо мужчин, членов семьи — женщин и детей — с целью понижения стоимости рабочей силы) явилось самым мощным фактором семейной дезорганизации. В области налоговой политики государство должно путем продуманного предоставления налоговых льгот и преференций стимулировать семью к выбору тех линий семейного поведения и тех типов семейной структуры, о

предпочтительности которых открыто объявляет субъект семейной политики. Речь идет именно о льготах и преференциях, а не о налоговых санкциях, налагаемых на "непоощряемые" типы семей и семейного поведения. Никакие семьи не должны наказываться за свой выбор, но поощряться должны лишь те, поддержка которых отвечает целям семейной политики.

255

Аналогичным образом должна проводиться и кредитная политика: условия предоставления кредитов "поощряемым" типам семей должны быть иными (стимулирующими), чем "непоощряемым".

Такая стратегия семейной политики позволит обеспечить реальную экономическую и иную самостоятельность семей (их суверенитет), их эффективное функционирование как в их собственных интересах, так и в интересах всего общества. Разумеется, проведение такой семейной политики предполагает и соответствующую ее целям корректировку всех других видов социальной политики (жилищной, образовательной, здравоохранительной и т.д. и т.п.).

•
Технология семейной политики. Определение целей семейной политики, ее стратегии и тактики, а тем более ее проведение — не одномоментный акт, а социальный процесс, развернутый во времени, затрагивающий интересы всех и вовлекающий в себя как органы государственной власти, так и широкие слои населения, социальные и территориальные общности, партии, общественные движения, группы и объединения.

Поэтому программы семейной политики государства — это всегда компромисс между устремлениями различных социальных групп и между различными научными концепциями, взятыми за основу при их разработке. Это компромисс, в конечном итоге, между двумя парадигмами — модернизации (она же парадигма "здорового смысла") и кризиса семьи как социального института. Различие между этими парадигмами, обнаруживаемое не только в научных теориях и концепциях, но и в массовой психологии, в поляризации общественного мнения, в противостоянии политических группировок, говорит о том, что тенденции семейных изменений, вообще все, что происходит с семьей, никого не оставляют равнодушными, хотя и из-за разных оснований и в разной степени. Это различие детерминирует, определяет и взаимоисключающие интерпретации семейных изменений, их понимание как имеющих или не имеющих статус "социальной проблемы", нуждающейся в решении.

Анализ технологии семейной политики, технологии ее проведения следует начинать с рассмотрения блока общественного мнения, вырабатывающего как оценки семейных изменений, так и представление о необходимости (или об отсутствии таковой) реагировать на них, проводить (или не проводить) соответствующую семейную политику и о ее инструментах.

256

Технология семейной политики, организация деятельности по ее осуществлению представлены на схеме 10—1, где семейная политика выступает как последовательный, итеративный процесс выработки оценки семейных изменений, принятия на ее основе соответствующих решений и их проведения в жизнь при постоянном отслеживании (мониторинге) их влияния на семью и ее изменение.

Схема 10—1 *antonov 93 6*

СХЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

1. Фиксация социальных изменений в истории семьи: система-общественном мнении тизация и анализ фактов в науке	А. СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В	ХО-	ситуация и измене-обыденном сознании и
2. Поляризация обществен- в зависи- признания (или ний: прогнозы, тен-нет) тех или иных изме- нений семьи как социальных проблем, требующих решения в рамках специальной политики	Б. ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИ-		XX. Теории факторов ного мнения семейных измене-мости от
3. Формирование социаль- НЕНИЯ КАК СОЦИ- АЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА: В1 — в обычных уело- виях, учное обоснование годетных, молодых, не- необходимости реше-полных семей, семей ния проблем семьи с детьми-инвалидами и т.д.)	В. СЕМЕЙНЫЕ ИЗМЕ-		XXX. Оценка социальных объединений и ных последствий се-групп, требующих реше- мейных изменений ния отдельных проблем как проблемных; на-семьи (ассоциации мно-
4. Включение принципов ИЗМЕНЕНИЕ СЕМЬИ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ ИЛИ СЕ- ГРАММ	Г. ВОЗДЕЙСТВИЕ НА		В2 — в экстремальных XXXX. Научное опреде-семейной политики в ление целей, направ-программы партий, груп- МЕР лений и средств се-пировок, фракций и со- мейной политики циальных движений МЕЙНЫХ ПРО-

257

В этом процессе происходит принятие, конституирование, или, как теперь модно выражаться, легитимизация в качестве государственной семейной политики одной из конкурирующих программ, основанных на различных концептуальных подходах и принципах, на различном восприятии и оценивании одних и тех же явлений в жизни семьи или, по крайней мере, некоего их конгломерата, эклектического объединения на основе компромисса. Следовательно, как весь процесс в целом, так и все его составляющие конвенциональны, релятивны, отмечены печатью согласования позиций, взаимоуступок или, напротив, победы одной точки зрения над другими. Покажем эту релятивность, эту конвенциональность на примере определения семейных изменений как социальной проблемы.

Как показывает жизненный опыт, для восприятия того или иного общественного явления в качестве социальной проблемы одних лишь объективных, "чисто" научных критериев недостаточно. Эти строго научные критерии, отвечающие самым высоким требованиям методологии, например, в нашем случае, критерии, учитывающие необходимость сохранения жизнеспособности социальных систем, их физического существования, могут оспариваться и отрицаться не только отдельными индивидуумами, но и социальными группами, партиями, общественными движениями, массовой психологией, даже теми или иными научными школами. Что и имеет место в действительности, когда речь идет об изменении семьи и о демографических процессах.

Восприятие тех или иных семейных изменений как социальных проблем определяется особенностями времени, расстановкой политических сил, личным жизненным опытом ученых, политиков, других лиц, участвующих в оценке и принятии решений, и т.д. Классическая дефиниция определяет социальную проблему как *"обстоятельство, затрагивающее значительное число людей и признаваемое социально нежелательным, но поддающимся устранению средствами» социального воздействия"*. Здесь достаточно четко сформулированы четыре критерия определения социальной проблемы:

- наличие "значительного числа людей", затрагиваемых тем или иным общественным явлением;
- признание его негативным, социальнонежелательным;
- наличие убеждения или веры в то, что это негативное явление можно как-то изменить, исправить;
- достаточность силы социального воздействия для такого изменения в желательном направлении, т.е. для решения проблемы.

258

Легко видеть, что все эти критерии не абсолютны, оценочны и могут быть оспорены. Сколько должно быть людей, чтобы их число можно было признать "значительным" и достаточным для придания тому или иному обстоятельству статуса социальной значимости и проблемности? Один, тысяча, десять миллионов? Ясно, что на этот вопрос не может быть однозначного ответа. И один человек может быть прав. И десять миллионов могут ошибаться. В частности, мы полагаем, что количественное преобладание парадигмы модернизации, или здравого смысла, отнюдь не гарантирует того, что она адекватно отражает суть изменений, происходящих с семьей и с воспроизводством населения.

Признание или непризнание того или иного общественного явления негативным, социальнонежелательным в еще большей степени связано с принятыми ценностями и нормами. Любой факт одни могут воспринимать как негативный, нежелательный, подлежащий устранению, а другие — как весьма позитивный и одобряемый, или, по крайней мере, как нейтральный, не опасный. Таково, к примеру, положение дел с оценкой однодетности семьи для формирования личности ребенка. В связи с этим полезно было бы иметь научные приемы, позволяющие избегать крайностей идеологических и аксиологических расхождений, борьбы парадигм.

Третий критерий — наличие убеждения в том, что негативное явление поддается исправлению, — при всей его значимости (то, что в принципе не поддается решению, не именуется проблемой) может восприниматься совершенно неадекватно как вера в то, что все образуется само собой, или, иначе, как вера в то, что общественными явлениями можно легко управлять или что решение проблемы можно отложить на потом. За этой верой стоит, с одной стороны, вульгарно-социологическое представление о "гармонии" общественных и личных интересов (что было весьма распространено в недавнем прошлом), а с другой, — убеждение в рациональности человеческого поведения, убеждение в том, что оно всегда — выбор из ограниченного круга известных альтернатив, причем в условиях, когда индивид четко представляет себе не только свой собственный интерес, но и "находящийся с ним в гармонии" интерес общественный. Поэтому, когда "надо

будет", люди проявят "сознательность" и "выберут" ту линию поведения, которая необходима обществу и государству.

Не говоря о прочем, эта вера в легкость изменения поведения в любой момент, когда потребуется (а потому и невосприимчивость к проблемности семейных изменений), игнорирует (хотя, может быть, 259

и неосознанно) социально-нормативную природу регуляции социального поведения личности, в том числе и семейного.

Четвертый критерий — достаточность социального воздействия для решения проблемы — также оценочен и конвенционален. Он связан с различным восприятием мер социального воздействия, в частности, мер семейной политики как внешнего давления на индивида, как ограничения его свободы, как принуждения к чему-то, чего он сам не хочет.

Таким образом, отнесение тех или иных семейных изменений к разряду социальных проблем — дело довольно сложное.

То же самое можно сказать и о других блоках вышеприведенной схемы, отражающих различные этапы и стадии выработки, проведения и оценки результатов семейной политики.

Особенно жестко и открыто противостояние двух парадигм в вопросе о целях семейной политики. Мы видели выше, что если для одних цель семейной политики заключается в укреплении семьи как социального института и соответственно в поддержке семьи с несколькими детьми, полной и объединяющей несколько поколений, то для других — это, как мы помним, "минимизация последствий кризиса".

За этим "скромным" выражением стоит, по сути, сведение проблемности семейных изменений к резкому ухудшению благосостояния большинства семей в условиях современного социально-экономического и политического кризиса в России. Как социальная проблема здесь воспринимаются лишь семейные изменения, обусловленные экстремальными (или воспринимаемыми как таковые) условиями жизни (это отражено в пункте В2 на схеме).

Тенденции семьи, обусловленные спонтанным ходом социально-экономического изменения (т.е. глобальными процессами индустриализации, урбанизации и др.) и потому имеющие место во всех странах (и особенно в высокоразвитых, "богатых" странах Запада), в настоящее время в качестве социальной проблемы этой парадигмой совершенно не признаются.

В этом, помимо российской "кризисной" специфики, проявляется и то, что большинство как отечественных, так и западных концепций семейной политики исходит из постулата "семейного благосостояния", объявляя единственной целью достижение экономического, материального благосостояния всеми семьями.

Но даже при такой трактовке целей семейной политики возникают вопросы о предпочтении одних типов семьи другим, как бы это ни затушевывалось. Поэтому зарубежные исследователи проблем се-

260

мейной политики огромное внимание уделяют борьбе различных "групп интересов", партий и движений за включение их целей в правительственные программы семейной политики.

Именно поэтому принятие правительством тех или иных концепций и программ семейной политики не является рациональным выбором наилучшего решения из всех возможных (предлагаемых), а есть политический процесс, в котором принимаемая программа представляет собой компромисс политических сил между собой и с правительством, "равнодействующую" конкурирующих групп интересов.

У нас механизмы выработки семейной политики совершенно не исследованы. Тотальная закрытость нашего общества в недавнем прошлом, неразвитость и несформулированность экономических и политических интересов различных социальных групп, оторванность от них практически всех карикатурно карликовых партий и движений, отсутствие гражданского общества и другие черты нашего переходного периода обуславливают то, что выработка социальной политики, в том числе семейной, происходит не в открытых демократических формах дискуссий и обсуждений и согласования точек зрения, а "под ковром", в закулисной борьбе разного рода лобби.

В итоге у нас нет семейной политики, а есть разрозненные меры, как правило, денежной помощи семьям, которые служат в основном целям популизма и самосохранения политиков и чиновников, для которых единственный источник устойчивости их жизненного положения — принадлежность к властям преобладающим. Поэтому они охотно используют фразеологию "социальной защиты семей" для укрепления своих позиций. Как показал шведский социолог Ян Трост, забота о семье — это наилучшая платформа для упрочения собственного благополучия в статусе депутата, политика, государственного чиновника.

Все это делает необходимым и актуальным исследование всех этапов и фаз социального процесса принятия решений по семейной политике на федеральном и региональном уровнях. Без такого рода научных проработок в области технологии семейной политики последняя никогда не выйдет за рамки разрозненных мер по "социальной защите", осуществляемых чиновниками, прикрывающими собственные интересы томами наукообразных рекомендаций.

Ключевые термины:

семейные изменения, семейная дезорганизация, кризис семьи, социальные проблемы семьи, семейная политика, социальная защита, социальная поддержка семей, семейная социальная работа.

Примечания

¹ См.: Вишневский А.Г. Демографическая революция. М., 1976; Он же. Воспроизводство населения и общество. М., 1982; Он же. Эволюция семьи в СССР и принципы семейной политики //^ Семья и семейная политика (Демография и социология). М., 1991. С. 16-33.

² Вишневский А.Г. Эволюция семьи в СССР и принципы семейной политики. С. 16

³ Там же. Несколько ниже, однако, А.Г. Вишневский обосновывает необходимость семейной политики тем, что она нужна, "чтобы преодолеть разлад между меняющимися сущностными чертами семьи и не поспевающими за этими переменами условиями жизни, социальными нормами и институтами" (Там же. С. 25).

⁴ Демографические перспективы России. М., 1993. С. 54.

⁵ Население России. Ежегодный демографический доклад. М., 1993. С. 83

⁶ Волков А.Г. Семья — объект демографии. М., 1986. С. 251

⁷ Демографические перспективы России. М., 1993. С. 54

⁸ Вишневский А. Г. Эволюция семьи в СССР и принципы семейной политики. С. 28.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 30, 32-34.

¹¹ Эти вопросы подробно рассматриваются в главе 11.

Глава 11

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ

Семейная политика, как было показано в предшествующих главах, имеет своей целью укрепление семьи как социального института. Эта цель носит фундаментальный, долговременный характер.

Однако возродить и укрепить семью как социальный институт возможно, лишь помогая отдельным, конкретным семьям решать их жизненные проблемы, оказывая им поддержку в их усилиях справиться с неизбежно возникающими в их жизни проблемными ситуациями. В этой главе речь как раз и пойдет о том, как общество, государство могут' помочь семьям преодолеть те или иные трудности, с которыми они могут встретиться на своем жизненном

262

пути. Эта сторона деятельности общества, государства описывается понятиями *"социальная поддержка семей"*, *"социальная работа с семьями"*.

Социальная поддержка семей — это часть (форма) семейной политики, целью которой является оказание помощи семьям в преодолении разного рода стрессовых ситуаций, в решении проблем, возникающих в их жизни, с которыми семьи не в состоянии справиться сами, за счет своих внутренних ресурсов.

Социальная же работа с семьями — это деятельность, которая реализует эту социальную поддержку.

На всем протяжении своей жизни семья может столкнуться и неизбежно сталкивается с самыми разнообразными проблемами, может оказаться и неизбежно оказывается в тех или иных ситуациях, порождающих напряжения, стрессы и оказывающих то или иное, положительное или отрицательное воздействие на семью и на ее судьбу.

Эти проблемы и кризисы имеют различную природу и происхождение.

Часть из них связана с прохождением семьи через различные стадии жизненного цикла, с теми обычными, естественными событиями, которые происходят в семьях и которые отграничивают одну стадию жизненного цикла от другой. Любое "нормальное", "естественное" событие в жизни семьи (вступление в брак, рождение ребенка, поступление ребенка в школу, чья-то смерть или болезнь и т.д.), изменения в семье или ее структуре, вызываемые этими событиями, с неизбежностью порождают в семьях те или иные проблемные ситуации, кризисы, требуют от семьи принятия соответствующих решений, мобилизации для этого необходимых ресурсов.

Для характеристики таких проблемных ситуаций, порождаемых саморазвитием семьи, переходом с одной стадии ее жизненного цикла на другую, американская исследовательница Рона Рапопорт в 1963 г. ввела понятие *"нормативного стресса"*, или *"нормального кризиса"*¹. Она отмечала, что в нормальном развитии семьи существуют некие моменты, названные ею *"точками необратимости"* ("Points-of-no-return"), которые являются границами между стадиями жизненного цикла и которые имеют критическое значение для развития семьи в том смысле, что они ведут или к разрешению кризиса и развитию, или к семейной дезадаптации и последующему разрушению семьи. По мнению Р. Рапопорт, "способ, которым разрешается и купируется этот нормальный кризис, определяет и его результаты, идет ли речь о душевном здоровье ин-

263

дивидов, или о сплоченности семьи и семейных взаимоотношениях"².

Необходимо подчеркнуть, что эти нормативные кризисы жизненного цикла связаны с изменением семейной структуры — как внутренней, характеризующей численность и состав семьи, а также взаимоотношения ее членов (ролевая структура, структура власти, структура интеракций и др.), так и внешней, характеризующей взаимодействие

семьи как целого и ее отдельных членов с окружающей социальной средой (родственниками, друзьями, соседями, социальными институтами и организациями и т.д.). В эти моменты семья как бы утрачивает адекватность и оказывается перед необходимостью новой самоидентификации себя как целостности, смены старой модели семейной организации на новую. Причем "новое равновесие должно установиться в семье в пределах ее возможностей"³.

Другие проблемы и кризисы, с которыми приходится сталкиваться семье, порождаются не ее собственным развитием, а или случайными по отношению к нему семейными событиями типа болезни, преждевременной смерти, длительной разлуки, развода, потери работы, тюремного заключения, которые могут произойти в семье, или "внесемейными стрессорами внешней среды, которые семья не в состоянии контролировать"⁴ (стихийные бедствия, политические и экономические кризисы, инфляция, безработица, военные действия и т.д. и т.п.).

Таблица 11—1 antonov 93 10

Иллюстративный пример нормативных структурных семейных кризисов⁵

Типы

структурных изменений
в ходе жизненного
цикла семьи

Структурные стрессоры, определяющие
физическое или психологическое членство
в семейной системе

Образование брачной пары

— обретение супруга

— обретение свойственников

— перестройка отношений с ориентационной семьей

— инкорпорация новых или исключение старых друзей

264

Продолжение табл. 11—1

Типы

структурных изменений
в ходе жизненного
цикла семьи

Структурные стрессоры, определяющие
физическое или психологическое членство

в семейной системе

Рождение первого — обретение нового члена семьи ребенка

— возможный уход из мира внесемейной

работы

— если так, потеря коллег по работе и т.д.

Дети впервые идут в — отделение ребенка из семейной системы школы

в мир школы

— обретение учителя, друзей и приятелей ребенка или принятие их как части его мира

Связанное с работой — флуктуирующее обретение/отделение, присутствие/отсут- связанное с внесемейными

ролями, — во-ствие родителей или енная служба, рутинное отсутствие в супругов в семье

связи с исполнением служебных обязан-

ностей и т.д. Стресс как результат повторяющихся уходов и возвращений. Сюда относятся такие изменения, как

возвращение матери на учебу или работу, выход отца на пенсию и его постоянное пребывание в доме

Подросток покидает — отделение подростка от семейной систе-дом

мы в мир его друзей, учебы или работы

— обретение приятелей и близких друзей подростка (того же или противоположного пола)

Появление в семье — обретение других потомков в семейную неродных детей

систему: сводные дети, внуки, другие не-

родные дети

Утрата супруга — отделение супруга из брачной пары, рас-(смерть, развод

пад брачной пары. В случае развода пара

и т.п.)

может продолжать функционировать на

другом уровне, напр., как сородительство, и т.д.

265

Продолжение табл. 11—1 antonov 93 11

Типы

Структурные стрессоры, определяющие структурных изменений

физическое или психологическое членство в ходе жизненного

в семейной системе цикла семьи

Потеря родителя, — отделение детей от родителей (ребенок родителей может быть и взрослым)

Образование новой — обретение нового супруга пары

— обретение новой сети свойственников

— перестройка отношений с ориентацион-ной семьей и прежними свойственниками, детьми от предыдущего брака и т.д.

— инкорпорация или исключение старых друзей, супругов и т.д. Старый супруг может оставаться в партнерских отношениях с членами новой семьи по поводу родительства

Невступление в — перестройка отношений с семьей ориен-брактации

— в случае, если раньше состояли в браке, перестройка отношений со свойственниками

— обретение друзей, коллег, приятелей и т.д.

Эти внешние по отношению к развитию семьи события и порождаемые ими кризисы и проблемные ситуации тем не менее так же, как и нормативные стрессы, определенным образом структурируют семью, нарушают ее адекватность и целостность и вызывают необходимость их разрешения и мобилизации с этой целью соответствующих ресурсов. Как и в случае нормативного кризиса, семья должна измениться ради самосохранения и в интересах ее членов.

Однако многие семьи не в состоянии самостоятельно справиться с проблемами и кризисами, не способны изменить себя ради сохранения своей целостности.

С точки зрения способности семьи решить возникающие перед ней нормативные и ненормативные кризисы все семьи могут быть разделены на три группы⁶:

— семьи, в которых система взаимодействий достаточно гибка, члены которых свободны в проявлении своих чувств и желаний, в которых все возникающие проблемы обсуждаются всеми членами

266

семьи, что дает возможность находить новые образцы отношений, адекватно изменять семейную структуру;

— семьи, в которых основная масса усилий направлена на поддержание согласия и единства перед внешним миром и в которых поэтому исключены любые индивидуальные разногласия, а упомянутое единство достигается как подчинение воли и желаний всех воле и желаниям одного (главы, лидера и т.п.);

— семьи, в которых взаимодействия хаотичны и основаны на непрерывных спорах и конфликтах, ведущих к кризису, и в которых

прошлый опыт не служит ориентиром для поведения в будущем.

Таблица 11—2

Второй иллюстративный пример

переходных состояний в ходе жизненного цикла семьи⁷ *antonov 93 11*

Стадии

Результаты

Необходимые изменения

жизненного

в системе семьи как единого целого

цикла семьи

А

1) Разрешить молодому че-

Разделение

ловеку (девушке) уйти

Уход из дома, Независимость

из семьи

чтобы жить от-

2) Не звать их обратно в

дельно

случае очередного кризиса

Б

1) Признание супруги (а)

переходного

периода

Эмоциональная
семьи

Членом

Формирование вовлеченность в
супружеской па- новую систему
равнове-
сия во взаимоотношение
ры
Л

2) Восстановление

ях для признания права Ч

на личную жизнь
"

Семья с малень- Превращение 1) Часть пространства от-
кими детьми
дается детям
человек в семью
из трех-четырех 2) Полезность в новом ка-

семьи из двух

человек
честве

3) Примирение с ролью дедушки (бабушки)
267

Продолжение табл. 11—2

antonov 93 12
268

Очевидно, что объектами социальной поддержки могут быть семьи, относящиеся к любому из этих трех типов. Однако, во-первых, степень нуждаемости их в социальной поддержке различна, как различно и конкретное содержание ее, те виды помощи, в которых нуждаются или могут нуждаться семьи, относящиеся к каждому из указанных типов. Как указывает Джилл Г. Барнз, семьи первого типа могут нуждаться в социальной поддержке, скорее, в ситуациях ненормативного стресса, при возникновении опасных, но естественных (хотя и не вытекающих из внутреннего саморазвития семьи) ситуаций, таких, как "несчастный случай, серьезное заболевание, физический или умственный дефект, безвременная смерть, несчастье, вызванное внешними факторами"⁸. Более того, внутренний потенциал этих семей таков, что они могут выступать даже добровольными помощниками социальных служб, работающих с семьями.

Семьи второго типа, может быть, в большей степени нуждаются в социальной поддержке, однако из-за их "закрытости" для внешнего мира обращение к ней возможно лишь в случае событий, как бы "взрывающих" границы семьи и становящихся известными. Таковыми могут быть психические заболевания, случаи открывающегося насилия над членами семьи и т.д.

Семьи третьего типа, имеющие хаотическую структуру внутренне-го и внешнего взаимодействия, низкоорганизованные, конфликтные в наименьшей степени обладают собственным потенциалом разрешения кризисных ситуаций. Поэтому они в наибольшей степени нуждаются в социальной поддержке.

В целом можно утверждать, что объектами социальной поддержки должны являться отнюдь не все и не любые семьи, а лишь те, которые действительно нуждаются в этом, которые или не в состоянии самостоятельно справиться с возникающими в их жизни кризисами и проблемными ситуациями, или справляются с ними лишь с большим и чрезмерным напряжением, или таким образом, что это негативно сказывается как на семье, так и на отдельных ее членах.

Социальная поддержка должна быть направлена не на некую реально не существующую "среднюю семью", относительно которой можно делать лишь абстрактные, неопределенные предположения о проблемах, с которыми она может сталкиваться, а только на конкретные, реальные семьи, находящиеся на определенной стадии жизненного цикла и испытывающие те или иные нормативные или ненормативные кризисы и стрессы.

269

Следовательно, социальная поддержка — это всегда работа с различными типами семей, имеющими специфические потребности и испытывающими специфические трудности.

Отсюда вытекает важнейшая задача создания адекватной целям социальной поддержки типологии семей, или проще говоря, четкого определения того, какие именно семьи и с какими именно конкретными потребностями и проблемами нуждаются в каждый данный момент времени в социальной поддержке со стороны общества и государства.

Надо сказать, что как в зарубежной, так и отечественной литературе вопрос о дифференцированном подходе к социальной поддержке семей (или о социальной работе с семьями, о социальной защите семей и т.п.) обсуждается достаточно широко.

Однако чаще всего этот вопрос ставится (особенно в отечественной литературе) в неадекватной, на наш взгляд, форме оказания помощи отдельным членам семьи, прежде всего детям⁹.

Дело в том, что проблемы отдельных членов семьи являются вторичными по отношению к проблемам семьи как целого, на что, кстати, обращают внимание и многие из тех, кто говорит о социальной поддержке отдельных членов семьи.

Например, Г.М. Иващенко и М.М. Плоткин (см. сноску 9) справедливо указывают на то, что положение даже единственного ребенка сильно зависит от того, о какой конкретно семье идет речь: "Не представляется возможным,— говорят они, — при рассмотрении типов семей в современных условиях игнорировать целый ряд "отягощающих" признаков, которые ставят семьи, отнесенные по признаку детности в одну группу, в условия неоднозначности"¹⁰. Однако, несмотря на это, вполне ясно выраженное понимание связи положения отдельного члена семьи с ее структурой, принадлежностью ее к определенному типу, авторы несколько непоследовательно предлагают "выделить ребенка — члена семьи как особый объект" социальной политики¹¹.

Здесь, на наш взгляд, проявляется непонимание того, что если будет защищена семья, ее члены уже не будут нуждаться в защите, в то время как выделение и обособление любого члена семьи (даже с учетом ее типа) не может привести ни к чему иному, как к ослаблению семьи как целого, т.е. в итоге к необходимости постоянно увеличивать объемы помощи и поддержки.

Очевидно, что адекватная целям социальной поддержки типология семей может быть создана лишь в результате специальных, соответствующим образом организованных и ориентированных исследований. Причем исследований, с одной стороны, фундаментальных,

270

ориентированных на создание социологической типологии семей, а с другой, — прикладных, ориентированных на решение конкретных практических задач.

Эти же исследования должны решить и другие, связанные с созданием типологии семей, задачи.

Во-первых, речь идет о выявлении конкретных потребностей и проблем семей, относящихся к различным типам и находящимся на разных стадиях жизненного цикла.

Выше было показано, какие проблемы и кризисы могут быть связаны с нормальным развитием семьи, с ее переходом с одной стадии жизненного цикла на другую. Но ясно, что и ненормативные кризисы могут совершенно по-разному восприниматься и переживаться семьями, находящимися на разных стадиях жизненного цикла. К тому же надо учитывать то, что английские исследователи Картер и Макголдрик назвали "вертикальными стрессорами", т.е. усвоенный семьей прошлый опыт как собственный, так и особенно опыт родительской семьи, определяющий характер восприятия текущих кризисных ситуаций и возможностей их разрешения¹².

Надо также иметь в виду, что любые проблемы, с которыми может столкнуться семья, как нормативные, так и ненормативные, могут совершенно по-разному осознаваться семьей и отдельными ее членами. Семья может иметь четкое представление о своих потребностях и даже "озвучивать" их. Но эти потребности могут существовать и в латентной, скрытой форме как некое недифференцированное состояние общей тревоги и напряженности, источник которых не вполне ясен. Итак, семья может иметь выявленную и сформировавшуюся потребность в обращении к внешней поддержке для разрешения как нормативных, так и ненормативных кризисов, но эта потребность может быть и не выявлена и даже не сформирована.

Во-вторых, исследования, о которых шла речь выше, должны быть направлены на определение того, в какой степени существующая инфраструктура социальных служб удовлетворяет потребности семей различных типов в социальной поддержке. Служба, соответствующая той или иной потребности, может существовать, но может и отсутствовать, хотя потребность в ней выявлена. Уже существующие службы могут в разной степени удовлетворять потребности семей в социальной поддержке конкретного вида, иметь, иными словами, различную эффективность своей деятельности.

Последнее определяет то, что семьи-реципиенты могут иметь различную степень удовлетворенности деятельностью наличных служб социальной поддержки.

271

Схема 11—1

ГРАФИЧЕСКАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ ТАКТИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЬИ

antonov 94 2

272

Сказанное выше иллюстрируется на нижеприведенном примере, идея которого принадлежит Герберту Л. Фридману и Карин Г. Эдст-рем¹³, разработавшим аналогичный подход к изучению репродуктивного поведения подростков и его последствий с целью определения задач служб здравоохранения (схема 11—1).

На схеме 11—1А представлены возможные специфические группы семей, имеющих определенную структуру и находящихся на разных стадиях жизненного цикла, а также те конкретные проблемы (нормативные и ненормативные кризисы), с которыми сталкиваются или могут столкнуться эти семьи.

На схеме 11—1Б изображены соответствующие социальные службы (имеющиеся в наличии или отсутствующие), которые удовлетворяют или могут удовлетворять ту или иную конкретную проблему конкретных семей, находящихся на определенном этапе жизненного цикла. При этом, как говорилось выше, существующие службы могут функционировать с разной эффективностью, что порождает проблему различной удовлетворенности реципиентов их деятельностью.

Наконец, схема 11—1В представляет основные типы научных исследований в области социальной поддержки семей, которые необходимы для получения надежной и достоверной информации о семьях и их проблемах. Причем эта информация может быть как исходной, первоначальной, дающей первое представление о ситуации, так и регулярно обновляемой в ходе постоянного семейного мониторинга.

Задачами этих исследований являются:

— выявление специфических групп семей, нуждающихся или могущих нуждаться в конкретной форме социальной поддержки;

— определение конкретных проблем, стрессовых ситуаций и кризисов (нормативных и ненормативных), с которыми сталкиваются или могут столкнуться семьи в каждый данный период своего жизненного цикла;

— установление наличия и степени осознанности потребности в обращении к службам социальной поддержки, включая информированность о самом их существовании, а также мотивации к такому обращению;

— определение потребности в создании тех служб, которые необходимы, но отсутствуют в силу каких-либо причин, и основных задач и направлений их деятельности;

— оценка эффективности деятельности служб социальной поддержки и степени удовлетворенности ею со стороны их клиентов.

273

Результатом такого рода исследований должно стать создание системы социальной поддержки семей, что может быть достигнуто сочетанием достройки и переориентации деятельности уже существующих структур и организации новых. Цель этой системы будет двойной: помогая отдельным семьям, оказывая им поддержку в разрешении стоящих перед ними проблем, укреплять семью как социальный институт. Поэтому деятельность этой системы должна лежать в русле семейной политики государства, не противоречить ее целям и задачам.

Самой сложной и самой "социологической" частью исследований, о которых шла речь выше, является создание типологии семей с учетом их жизненного цикла и конкретных проблем нормативного и ненормативного характера.

Задача создания такой типологии не решена до сих пор. Однако и социологи, и специалисты практической социальной работы указывают на те группы семей, которые в большей мере, чем другие, нуждаются в поддержке со стороны общества.

Так, уже цитировавшаяся нами Джилл Г.Барнз, говоря о конкретных типах семей, с которыми приходится иметь дело социальным работникам, упоминает такие семьи, как разводящиеся семьи, семьи с одним родителем, семьи с отчимом или мачехой, семьи с приемными родителями, семьи, имеющие детей-инвалидов, семьи, в которых кто-то из их членов находится в заключении или в психиатрической больнице, семьи, имеющие маленьких детей, семьи, в которых имеет место насилие по отношению к детям или другим членам, семьи с детьми-подростками, имеющими склонность к самоубийству, и т.д. и т.п.¹⁴.

Авторы английского справочника по организации терапевтической работы с семейными группами наряду с указанными выше упоминают также еще ряд других типов семей, имеющих проблемы как нормативного, так и ненормативного характера (семьи с гиперактивными детьми, семьи с проблемными брачными отношениями, семьи алкоголиков, безработных и т.д.), а также мультипроблемные семьи (семьи с сочетанием двух или более проблем)¹⁵.

В американском обзоре работ по проблемам социальной поддержки семей в ситуациях стресса выделяются такие типы семей, как молодые семьи, в том числе семьи накануне и сразу после рождения первого ребенка, двухкарьерные семьи, бедные семьи, семьи, в которых умер маленький ребенок, и т.д. и т.п.¹⁶.

В отечественной литературе также рассматриваются вопросы социальной работы с семьями разных типов, в том числе многодетными, неполными, имеющими девиантных детей и т.д.¹⁷.

274

Уже цитировавшаяся работа "Репродуктивное здоровье подростков" содержит попытку дать многомерную классификацию проблем, с которыми могут столкнуться подростки, живущие сексуальной жизнью и родившие ребенка. Эта классификация учитывает не только конкретные ситуации, в которых могут оказаться подростки, но и характер конкретных проблем, с которыми они встречаются, вступая в сексуальные отношения и обзаводясь ребенком. Авторы выделяют экономические, социальные, психологические, образовательные и другие проблемы.

Подход, использованный в этой работе, может быть применен и при создании общей социологической типологии семей.

Сказанное выше о семьях и их проблемах позволяет сделать важный вывод о том, что *социальная поддержка семей не может быть сведена только к материальной, экономической помощи (денежной или натуральной) малообеспеченным семьям или отдельным их членам.*

Между тем тенденция к такому сведению в отечественной литературе и в практической политике, к сожалению, вполне отчетливо просматривается, что выражается даже терминологически, когда говорят не о социальной поддержке, а о социальной защите, сводя последнюю к денежным выплатам и предоставлению семьям разного рода льгот материального характера.

Особенно усилилась эта тенденция в современных условиях, когда проводимая в стране экономическая реформа, не учитывающая интересы семьи, обусловила падение жизненного уровня семей различных типов (с несколькими детьми, неполных и др.).

Однако социальная поддержка семей включает в себя и содействие в реализации других возможных потребностей семей, в разрешении любых проблем и кризисных ситуаций любой природы, а не только экономических.

Что касается экономической поддержки, то и она не может быть сведена только к денежным выплатам или к предоставлению семьям различных льгот и бонусов материального характера. Ее целью должно быть стимулирование экономического потенциала семьи, ее активности в формировании и рациональном использовании семейных доходов.

Потребности и проблемы, о которых шла речь выше, могут иметь самую различную природу. Более того, одни и те же проблемы могут совершенно по-разному восприниматься семьями, находящимися на разных стадиях их жизненного цикла и имеющими различную структуру.

275

Но в общем плане очевидно, что все проблемы, с которыми сталкивается или может столкнуться семья, могут быть условно разделены на вполне обозримый и ограниченный набор групп. Все семьи на любых стадиях своего жизненного цикла сталкиваются, например, с экономическими проблемами, с проблемами социальными, медицинскими, психологическими, юридическими, образовательными и т.д.

Скажем, для молодой семьи чаще всего типично наличие материальных и жилищных трудностей, психологических проблем общения и разрешения конфликтных ситуаций. Для молодой семьи характерным является и наличие специфических медицинских проблем (незапланированная беременность, подбор подходящей контрацепции, пониженная плодovitость, болезни детей и т.п.). Супруги в таких семьях могут испытывать трудности с продолжением образования, профессиональным ростом и пр.

Аналогичный набор проблем и стрессовых ситуаций различного характера можно составить для любой стадии жизненного цикла семьи. И это только нормативные кризисы! Проблемы же и стрессы, порождаемые внесемейными факторами, еще более разнообразны. Однако и они в общем-то укладываются в представленную выше классификацию, делятся на экономические, социальные и т.д.

Именно поэтому и социальная поддержка семей должна реализовываться в программах, имеющих соответствующую направленность. Кроме того, программы социальной поддержки должны учитывать специфические потребности некоторых специальных групп семей. Надо также иметь в виду необходимость различать программы, ориентированные на собственно социальную поддержку семей, и программы, преследующие совсем иные цели, особенно когда и там, и там применяются одни и те же по форме методы и средства. Например, такие программы, как пособия на детей или программы планирования семьи, которые, по существу, направлены на манипулирование показателями рождаемости.

Соответственно сказанному социальная поддержка семей реализуется через экономические, медицинские, психологические, образовательные и другие программы, а также через программы, ориентированные на семьи со специфическими нуждами. Остановимся кратко на основных особенностях такого рода программ.

В нашей стране традиционно сложилось так, что основным видом экономической поддержки семей были разного рода денежные выплаты и льготы, с помощью которых государство пыталось помочь семье решить ее проблемы.

276

В такой ситуации трудно рассчитывать на то, что цели социальной поддержки будут достигнуты, ибо, как справедливо говорится в одной работе, посвященной молодой семье и ее проблемам, "нуждающихся много — денег же мало, более того, материальная помощь не может решить все проблемы"¹⁸.

Или, говоря словами авторов, профессионально причастных к социальной поддержке населения, "объективным условием формирования механизма социальной защиты является ограниченная возможность государства оказывать помощь всем нуждающимся"¹⁹. Именно поэтому проблема социальной поддержки семей в том смысле, как это описано в данной главе, подменяется проблемой социальной защиты семей, "оказавшихся в трудном положении"²⁰.

Однако финансовая или любая иная материальная помощь малоимущим семьям — это не единственный и даже не главный вид социальной (экономической в данном случае) поддержки семей.

Главное — это меры, направленные на подъем экономической самостоятельности семьи, на расширение ее собственных, внутренних возможностей в производстве, распределении и использовании семейного дохода.

С этим подходом согласны многие как отечественные, так и зарубежные авторы, а также политики и практики социальной работы с семьями во многих странах. В этом же направлении ориентированы и рекомендации, разработанные Департаментом по международным экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН, по составлению программ укрепления семьи. Авторы рекомендаций считают, что основные цели программ по экономическому благосостоянию" заключаются в том, чтобы "обеспечить прогрессивный рост ресурсов семьи", повысить уровень ее экономической самостоятельности, организованности, автономии и ответственности²¹. Лишь в сочетании с приоритетными программами подъема экономического благосостояния семьи могут развиваться и сыграть свою роль и другие меры экономической поддержки семей, в том числе и семейные пособия, и программы социальной защиты экономически слабых семей. •

поддержка семей —

это содействие в реализации всех возможных, а не только экономических, потребностей, содействие в разрешении любых кризисных ситуаций в семье. Поэтому наряду с экономическими программами социальная поддержка семей включает в себя и другие программы, 277

например, медицинские, психологические, образовательные, в т.ч. программы семейного консультирования, программы планирования семьи и др.

Важной составной частью социальной поддержки является и работа с семьями, имеющими специфические проблемы, такими, как семьи, имеющие детей-инвалидов, неполные семьи, девиантные семьи и пр. В настоящее время в мире существует огромное количество литературы по теории и практике работы с такого рода семьями. Деятельность, которая реализует социальную поддержку семей, называется социальной работой с семьями, или семейной социальной работой.

В рамках данного учебного пособия по социологии семьи мы не имеем возможности подробно останавливаться на основных принципах организации и методах социальной работы с семьями. Здесь мы можем, да и то в постановочном плане, указать лишь на специфику участия в социальной работе с семьями именно социолога, причем социолога, практически ориентированного, специализирующегося в области социальной (в данном случае семейной) политики.

Традиционная концепция социальной работы определяет ее цель как "регуляцию правовых, экономических, социальных отношений человека с обществом, в оказании ему помощи в определении личностных, семейных, групповых, производственных и других проблем"²². Хотя в этом определении явно просматривается индивидуальный, личностный крен, оно может быть применено и к традиционному пониманию социальной работы с семьями. С этой точки зрения основными функциями социальных работников являются определение проблемы, оказание помощи, поддержки, осуществление коррекции, реабилитации для всех, кто в этом нуждается²³, или, иными словами, индивидуальная работа с отдельным человеком или отдельной семьей. Это — функция семейной терапии и отчасти семейной профилактики.

Аналогичный подход широко распространен и в зарубежной литературе и практике социальной работы²⁴. Однако эта имеющая огромное значение практическая социальная работа с семьями не является полем деятельности социолога, специалиста по семейной политике.

Это — область работы психолога, семейного консультанта, специалиста по планированию семьи, психотерапевта и других специалистов, работающих с семьей и внутри семьи, хотя и учитывая

278

щих ту конкретную социальную ситуацию (ее окружение, родственные, дружеские, соседские и иные ее связи), в которой она находится.

Социолог же работает вне семьи, но внутри той социальной (в широком смысле) среды, в которой проходит ее жизнь. Его интересует не столько отдельная семья, сколько семейная ситуация в социуме, на той территории, на которой проходит его профессиональная деятельность.

Как подчеркивают авторы одной английской работы по теории и практике социальной работы в общине, социальные проблемы локализуются не в отдельной личности и не в отдельной ячейке общества, каковой является семья, а в системе социального взаимодействия, в его особенностях, которые определяют социальную ситуацию личности или семьи²⁵. Причем в это взаимодействие повлечены не только отдельные индивиды или семьи и их группы, но и организации, социальные институты, представленные на уровне этой общины (локальная администрация, образовательные, медицинские, социальные и т.п. службы, правоохранительные органы, органы опеки, охраны материнства и детства, экономические субъекты и т.д. и т.п.), политические партии, группы интересов и пр. и пр.

И задача социолога-специалиста по социальной работе с семьями заключается не только в том, чтобы понять, как устроена эта сеть общественных связей и как ее функционирование сказывается на положении семьи, и не только в том, чтобы иметь адекватную картину этого положения, т.е. иметь представление о том, какие именно семьи с какими конкретно проблемами имеются в наличии в данном месте и данное время, но главным образом в том, чтобы представлять перед единицами социального взаимодействия интересы семьи, пытаться таким образом влиять на них, на принимаемые ими решения, чтобы положение семьи, по крайней мере, не ухудшилось. Практика подобного рода деятельности в нашей стране практически отсутствует, как отсутствует и детально разработанная ее теоретическая концепция. А между тем актуальность и практической деятельности по налаживанию социальной работы с семьями в описанном выше смысле и научных разработок ее теоретических проблем постоянно возрастает. Особенно в свете новой Конституции Российской Федерации, которая усиливает роль региональных и муниципальных органов власти и местного самоуправления в проведении социальной политики.

279

Региональным и локальным властям и местному самоуправлению Конституция предоставляет больше прав, возможностей и ответственности в регулировании социально-экономических отношений, в том числе и в решении социальных проблем, в разработке и проведении, в частности, программ социальной поддержки семей различных типов, в реализации семейной политики в целом.

Если учитывать неизжитое наследие тоталитарной эпохи, обременяющее современную Россию не только старой, но уже и новой, демократической бюрократией, то было бы утопией оставлять семью один на один и с многочисленными тоталитарными и посттоталитарными институциями, и с сохраняющимся и постоянно воспроизводимым отношением властей к семье и индивиду как к чему-то второстепенному, неважному, могущему быть лишь объектом властных "благодеяний".

Семье необходим своеобразный поводырь по внесемейным бюрократическим лабиринтам, блуждание по которым отнюдь не идет ей на пользу. Те министерства, комитеты и ведомства, которые существуют в настоящее время и в названии которых даже присутствует слово "семья" или "социальная защита семей", вряд ли могут сыграть такую роль. И в силу того, что они сами — порождение бюрократической системы, ее щупальца, тянущиеся к семье. Даже помогая семье, они постараются мягко придушить ее в ее стремлении к автономии. И потому, что для этих ведомств семья — лишь один аспект их деятельности, причем такой, который, скорее всего, утонет в текучке дел по социальной защите, социальной помощи тем, кто в этом, может быть, действительно нуждается, но чьи интересы непременно будут казаться более приоритетными, чем интересы семьи, — детям, инвалидам, пенсионерам, ликвидаторам и т.д. и т.п.

Семье нужен новый помощник, не обремененный воспоминаниями о прошлом и лишенный корней тоталитаризма. Помощник, действующий как на общенациональном уровне, проводя общефедеральную семейную политику (как это описано в предшествующих главах), так и на региональном и локальном уровнях. Он должен быть способен подключить к делу упрочения семьи, делу социальной поддержки семей различных типов даже внесемейные институты.

Такого рода деятельность возможна лишь при условии соединения усилий государства, частнопредпринимательского сектора, политических и общественных организаций в деле проведения семейной

280

политики, включающей и все необходимые формы социальной поддержки семей.

На региональном уровне эта система, объединяющая общегосударственную семейную политику укрепления семьи как социального института и социальную поддержку отдельным семьям, образует механизм *семейного менеджмента*, который, собственно, и является полем приложения профессиональных усилий социолога в рамках социальной работы с семьями.

Целями семейного менеджмента на региональном и локальном уровнях являются:

— охрана интересов семьи как института в массе повседневных дел и решений, принимаемых администрацией и местным самоуправлением, интересов семьи с несколькими детьми прежде всего. Эта цель может быть достигнута путем интеграции действий государственных и частных (фонды, благотворительные организации, церковь и пр.) служб поддержки друг с другом и с активностью самой семьи;

— организация и координация непосредственной помощи отдельным семьям, испытывающим потребность в конкретном виде поддержки;

— организация и координация работы по выявлению потенциала самой семьи и активизации ее собственных возможностей по решению ее специфических проблем, нормативных и ненормативных кризисов с учетом потребностей семьи в такого рода социальной поддержке.

Теория и практика семейного менеджмента у нас в стране совершенно не разработана. Отсюда вытекает необходимость как изучения накопленного в других странах богатейшего опыта социальной работы и проведения соответствующих социологических и других научных исследований, так и организации в экспериментальном порядке в одном из малых или средних городов России Центра семейной социальной работы и менеджмента.

Мы полагаем, что это — прекрасная сфера приложения труда социолога, которому небезразличны судьбы российской семьи и, следовательно, судьбы России.

Ключевые термины:

социальная поддержка семей, семейная социальная работа, нормативный (нормальный) кризис, ненормативный кризис, жизненный цикл семьи, семейная дезадаптация, социологическая типология семей, семейный мониторинг, социальная защита семей, семейный менеджмент.

281

Примечания

- ¹ *Rapport Rhona*. Normal crises, family structure, and mental health // *Family Process*. 1963. N 2.
- ² *Ibid*. P. 69.
- ³ Барнз Джилл Г. Социальная работа с семьями в Англии. М., 1993. С. 26.
- ⁴ Там же. С. 27.
- ⁵ Boss P.Y. Normative Family Stress: Family Boundary Changes Across the Life-Span // *Family Relation*. Oct. 1980. Vol. 29. N 4. P. 20.
- ⁶ См.: Барнз Джилл Г. Цит. соч. С. 29-30.
- ⁷ Там же. С. 27-28.
- ⁸ Там же. С. 30.
- ⁹ См., напр.: Иващенко Г.М., Плоткин М.М. Проблемы социальной поддержки детей из семей различных типов // Проблемы семьи и семейной политики. Вып. 3. М., 1993. С. 72-98.
- ¹⁰ Там же. С. 85.
- ¹¹ Там же. С. 93.
- ¹² См. об этом: Барнз Джилл Г. Цит. соч. С. 26-27.
- ¹³ Фридман Г.Л., Эдстрем К. Г. Репродуктивное здоровье подростков. Женева. 1985, С. 11-15, особенно с. 14.
- ¹⁴ Барнз Джилл Г. Цит. соч. С. 14-15, 25-31, 68-137.
- ¹⁵ *Setting Up Family Group Project*. L., 1991. P. 2-3.
- ¹⁶ *Family Relation*. Oct. 1980. Vol. 29. N 4.
- ¹⁷ Проблемы семьи и семейной политики. Вып. 3. М., 1993. С. 72-134.
- ¹⁸ Дементьева И.Ф. Первые годы брака. М., 1991. С. 3.
- ¹⁹ Феоктистова Е.Н., Кузьмин В.А. и др. Проблемы формирования механизма социальной защиты семьи в условиях адаптации к рынку // Проблемы семьи и семейной политики. Вып. 3. М., 1993. С. 33.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *The Family*. N 4. Strengthening the family: guidelines for design of relevant programmes. UN, N.Y. 1987. Pp. 13, 14, 15.
- ²² Зимняя И.А., Аминов ff.А. и др. Приоритетные направления подготовки социальных работников // Проблемы семьи и семейной политики. Вып. 3. М., 1993. С. 136.
- ²³ См. там же.
- ²⁴ Обзор см. в: Барнз Джилл Г. Цит. соч. С. 35-49.
- ²⁵ *Smale Y., Tuson Y. et al, Community Social Work: A Paradigme for Change*. L., 1988. P. 20.

282

Рекомендуемая литература

1. Антонов А.И. Семейная политика // *Вестн. РАН*. 1992. № 3.
2. *Вестн. Моск. ун-та*. Сер. 18. 1995. № 2.
3. Дорохина О.В. Воздействие государства на изменение института семьи в первое десятилетие советской власти (автореф. дис.). М., 1995.
4. Давыдов Ю.Н. Деформация семьи // *США глазами американских социологов*. М., 1982.
5. *Семья в России*. 1995. № 1-2.
6. *Семья на пороге третьего тысячелетия*. М., 1995.
7. Сорокин П. Кризис нашего времени // *Человек, цивилизация, общество*. М., 1992.
8. *Эволюция семьи и семейная политика в СССР*. М., 1992.
9. *Энциклопедический словарь "Народонаселение"*. М., 1995.
10. *Энциклопедия социальной работы*. Т. 1-3. М., 1987.

283

ТЕСТ НА ИНФОРМИРОВАННОСТЬ:
интерпретации ответов на вопросы

При интерпретации ответов на тест в первую очередь внимание уделяется степени эрудиции, осведомленности о брачно-семейных процессах и во вторую очередь — тому, что может считаться правильным ответом (в вопросах, затрагивающих систему жизненных ценностей каждого, в так называемых оценочных вопросах, конвенциональность истины обнаруживается наиболее ярко). Прагматический аспект познания в социологии семьи и демографии заявляет о себе в полную меру и прежде всего связан не с самими фактами о тех или иных тенденциях изучаемых процессов, а с оценкой последствий и перспектив наблюдаемых трендов, в особенности — с определением целей, направлений и средств семейной и демографической политики.

Интерпретация производится в соответствии с последовательностью вопросов теста, вначале указывается номер вопроса, затем индекс правильного ответа и потом приводится комментарий.

1—Г. Правильным был бы ответ, указывающий на основной, наиболее распространенный и типичный вид семьи — на семью с обоими родителями и одним ребенком. По переписи населения 1989 г., среди всех семей с детьми до 18 лет однодетных было почти 51%. Но сколько среди них матерей и отцов — одиночек? Это трудно установить, известна только доля неполных семей в целом — 13%. Данные по детности семей публикуются редко, так как этот показатель менее точный (все семьи с детьми находятся на разных стадиях жизненного цикла, дети старше 18 лет не учитываются, если даже живут вместе с родителями, бездетные молодожены также исключаются из расчета). Более точным показателем является распределение родившихся по очередности рождений: так, в РФ в 1993 г. родилось первыми — 58,6%, вторыми — 28,9%, третьими — 7,9% четвертыми и более — 4,6% детей. Но эти данные не дают представления о числе семей с

284

двумя родителями и одним ребенком, для этого нужно еще иметь статистику неполных семей в сопоставлении с детностью. Выборочные обследования семей, регулярно проводимые Госкомстатом, также не дают точной картины, так как не репрезентируют полностью все семьи, не охватывают все стадии семейного цикла жизни и обычно ограничиваются распределением семей с детьми до 16 лет: так, в 1989 г. оказалось однодетных семей — 54,2%, двухдетных — 38,3%. Таким образом, существующие данные переписей населения и выборочных статистических обследований могут различным образом обрабатываться в целях получения искомой модели семьи (с двумя родителями и одним ребенком).

Тем не менее при всех различиях методик расчета неизменным оказывается тот факт, что число семей с одним ребенком составляет свыше половины всей совокупности, с обоими родителями среди них — примерно 90%.

Разумеется, распределение семей по числу членов не позволяет составить хотя бы приблизительное представление о детности семьи в полных семьях, так как в средний размер семьи попадают родственники и свойственники.

2—Б. Среди вступающих в брак разведенных и вдовых примерно 44% (по обоим полам), причем вдовых у мужчин в 6 с лишним раз меньше, чем разведенных, а у женщин — в 4 с лишним раза. На 1000 разведенных или вдовых через пять лет после прекращения первого брака (это средний интервал) вступает в повторный брак 449 мужчин и лишь 194 женщины, то есть женщины вдвое реже создают новую семью. Лишь после 10 лет повторно вступает 566 мужчин и 249 женщин, так что удача выпадает лишь половине мужчин и четверти женщин (среди разведенных или овдовевших). Наличие детей от первого брака на 10% в сравнении с бездетными снижает шансы вступить в повторный брак для женщины, причем для женщин моложе 25 лет вероятность повторного брака вдвое выше, чем для женщин старше 30 лет.

3—Б. Чем больше число детей в семье, тем меньше вероятность развода. У двухдетной семьи вероятность развода в 2,3 раза меньше, чем у однодетной, у трехдетной — в 4 раза меньше, чем у двухдетной, и в 9 раз меньше, чем у однодетной. Обратная связь между разводимостью и рождаемостью иногда отрицается демографами и социологами по разным мотивам, но следует помнить, что приближение к сплошной однодетности, к стандарту однодетного поведения, к ритуальному поведению обесценивает все корреляции между однодетностью и "ее факторами". В этих условиях созда-

285

ется простор для произвольных трактовок обратной, либо прямой связи.

4—Г. Эти данные взяты из опроса 34000 американок 25-49 лет, две трети которых не замужем (и из них свыше трети — разведенные). Самооценки женщин явно расходятся с существующими стереотипами.

5—В. Совпадение мнений мужей и жен по самым разным аспектам семейной жизни — явление редкое. Это касается и мнений о событиях, имевших место в реальности. Данный факт можно интерпретировать по-разному, как свидетельство отсутствия взаимопонимания либо неповторимости личности супругов, но во всяком случае в его основе — различное определение семейных ситуаций.

6—Г. С точки зрения надежности прогноза будущего уровня детности и рождаемости важнее всего ориентации детей, которые по данным исследований 80-х гг. в среднем на 0,3-0,5 ребенка меньше, чем репродуктивные установки их родителей. Это обстоятельство постоянно не учитывается учеными, надеющимися на спонтанное повышение рождаемости или на сохранение нынешней детности семьи в следующих поколениях.

7—Г. У.Мастерс и В.Джонсон отмечают, что более половины супружеских пар в США прибегают к стерилизации в течение 10 лет после рождения последнего ребенка, когда возраст жены составляет 32 и мужа — 34 года и 25% пар — в течение двух лет после рождения. Ежегодно в США 300000 мужчин прибегают к вазектомии, а среди женщин 15-

44 лет примерно 26% стерилизованы. Распространенность стерилизации объясняется надежностью этого метода и его психологическим удобством.

8—А. Связи между системами семьи и социальной стратификации, между семейным поведением и социальной мобильностью сложны и разнообразны. В социально-стратификационной структуре не индивид, а семья занимает ключевое положение. Брак как воссоединение двух семей является воплощением сходства, классовой однородности. Распространенность социальномешанных браков увеличивается в нижних слоях статусной иерархии, эндогамия высших страт дополняется сверхбрачными связями прежде всего мужчин ("двойной стандарт"), и это смягчение табу на адюльтер служит укреплению социальной гомогамии браков, упрочению социальной преемственности и социального положения семей. Таким образом, "двойной стандарт" элитарных групп стимулирует не упадок нравов, а классовую чистоту семейных линий. При сохранении патри-линеальной наследственности допущение социально-гетерогенного

286

адюльтера для мужей не есть дискриминация жен, это "облегчение бремени" социального однообразия брачных отношений для тех, кто воплощает собой патрилинеальность.

9—Б. В социально неравных браках женщины чаще добиваются повышения социального статуса, чем мужчины. Эти корреляции ощутимее в западных странах, — у нас в советский период условность официально-классовой структуры скрывала реальность, резкую поляризацию между ничтожной частью партгосноменклатурой элиты и всем остальным населением "управляемых" и социально однородных представителей "совтрудящихся". Очевидная кастовость номенклатуры не в последнюю очередь достигалась за счет строжайшего запрета на браки "с чужими" вопреки декларируемому осуждению браков "по расчету". В прошлые эпохи смешанных браков было меньше, чем сейчас (браки между свободными и рабами, господами и крепостными были чрезвычайно редки, дети от таких браков получали низший статус). Не стоит преувеличивать тенденцию к гетерогенным бракам, в наши дни брак может служить "лифтом" в вертикальной мобильности не столь часто, как думают, причем чаще для женщин, ибо мужчины обречены на роль бюкстителей семейного status quo. И потом, надежность данных зависит от четкости границ между социальными стратами.

10—Б. Удовлетворенность браком — довольно расплывчатый показатель стабильности брака. Имеется ряд показателей этой удовлетворенности, интерпретация которых в рамках альтернативных теорий крайне конвенциональна. Сама удовлетворенность браком трактуется то как удовлетворенность супружеством, то как удовлетворенность семейной жизнью, причем этот показатель обычно рассматривается отдельно для мужей и жен и редко — для супружеских пар в целом. Столь же редко измеряется удовлетворенность семей ее "пассивными членами" — детьми. Ответ на этот вопрос основан на результатах американских опросов в условиях распространенности негативного стереотипа ("синдрома") домашней хозяйки. Чем больше жена посвящает себя семье и дому, тем меньше муж должен быть удовлетворен браком. Однако истинность ответа зависит от особенностей измерительных процедур. Имеются исследования и в США и в других странах, где большая удовлетворенность мужей браком связана с большей вовлеченностью жен в семейное домохозяйство. К тому же следует учесть, что интегральная удовлетворенность браком может включать в себя и неудовлетворенность какими-то аспектами брачных отношений. Все сказанное показывает, что истинность утверждений подобного рода предполагает целый ряд обстоятельств,

287

обычно не эксплицируемых социологами, но существенно влияющих на адекватность ответов.

11—А. Этот вопрос не просто на знание статистики, здесь проявляется наличие социокультурных норм, возводящих брачное состояние в неотъемлемый атрибут взрослой жизни социализированного индивида (примерно 90-95% населения брачного возраста состоят или состояли в браке).

12—Б. Правильнее было бы сказать — один из фактов, так как удовлетворенность браком сильнее всего коррелирует с взаимопониманием, общением и коммуникацией, с желанием и умением вступать в общение и достигать взаимопонимания, эмпатии-сопереживания. Эффективная межличностная коммуникация позволяет знать чувства и мысли другого, минимизирует стереотипное восприятие супруга. Сексуальная удовлетворенность редко попадает в тройку ведущих факторов "счастливого" брака.

13—А. Разводы в России растут с конца 50-х гг. — до той поры они составляли менее 1 на 1000 населения. До 1966 г. этот показатель колебался в пределах 1,5 и 1,8 промилле, затем к началу 80-х он достиг 3,2, к концу — 3,9 промилле. С 1991 г. разводимость резко возросла и в 1993 г. составила 4,5 промилле (680 тыс. разводов против 1 млн зарегистрированных браков). Примерно два из трех браков разваливаются, причем треть — в первые четыре года. По уровню разводимости Россия занимает место в первой тройке стран с самой высокой разводимостью. Важный теоретический вопрос — определение критического и нормального уровней разводимости. Какой показатель разводимости можно считать свидетельством кризиса семьи? Если разводом заканчивается, допустим, 95% браков, но брачность не падает, а число бездетных сожительства не растет, то эта доля демонстрирует крах пожизненного брака. Однако рост разводимости обнаруживается при сокращении детности, брачности, росте нерегистрируемых сожительства, семей с одним родителем и ребенком, то есть эти показатели следует брать в комплексе и определять их критическое соотношение, характеризующее кризис семейного образа жизни (нежелание большинства людей

вступать в брак и обзаводиться двумя и более детьми). Вопрос о критериях, позволяющих отличать "кризисное" развитие событий от "нормального", решается в альтернативных теориях противоположным образом, поэтому важно знать отличительные признаки тех или иных концепций. Во всяком случае понимание кризиса семьи как социального института (представленного на уровне страны миллионами семей, находящихся на разных стадиях существования от своего возникновения до

288

распада) не означает полного отказа от вступления в брак и от рождения детей, а предполагает некую меру превышения внесемейных форм жизни над семейными.

14—Б. В 70-е годы процент женщин, занятых в общественном производстве, был равен 58 %, в настоящее время этот процент меньше 52 %. Доля занятых в производстве женщин будет в будущем зависеть главным образом от экономической ситуации в стране, от уровня безработицы в частности, поэтому можно ожидать дальнейшего уменьшения доли женщин, занятых в народном хозяйстве во внесемейных сферах профессионального труда.

15—Б. По данным зарубежных исследований, этот стереотип ожиданий, навеянных другим стереотипом "любви", свойствен конфликтным парам в большей мере, чем сплоченным. Любовь, конечно, предполагает эмпатию, и любящим чаще удается угадывать душевные движения друг друга, однако подлинное взаимопонимание невозможно без эффективного общения, межличностной коммуникации.

16—Б. В одном из продольных, лонгитюдных исследований классика американской социологии семьи Берджесса обнаружено уменьшение удовлетворенности браком с увеличением его продолжительности. В поперечных исследованиях (менее трудоемких и дорогостоящих) наблюдается U-образная связь (до рождения детей удовлетворенность высокая, затем понижается и вновь возрастает после взросления детей). Профессионализм социолога в полной мере проявляется в искусстве интерпретации данных "поперечного" и ретроспективного плана в аспекте семейной динамики, роста стажа брака. Вторичный анализ результатов исследований семей, взятых на всех стадиях жизненного цикла семьи, также позволяет найти ответ на этот вопрос, но требует изобретения процедур, обеспечивающих сопоставимость данных)

17—А. Многие исследования подтверждают правильность этого тезиса, относящегося ко всем стратам общества. Интенсивное и многообразное (по всему спектру семейной жизнедеятельности) общение супругов является показателем удачного брака. Непосредственные межличностные коммуникации невозможно ничем заменить, однако интересно изучение содержательных сторон взаимодействия, того, какие темы или сюжеты способствуют эффективности супружеского общения. Это относится и к семейному общению — между родителями и детьми, между детьми, между членами нуклеарного ядра и родственниками. Важно измерение семейного общения в целом.

289

18—Б. Мужья не меньше, чем жены, стремятся упрочить брак и предпринимают не меньше усилий в этом направлении, более того, сама ценность брачных уз для них столь же высока, как и для женщин, однако их готовность отказаться от привычного образа жизни выражена гораздо в меньшей степени, чем у жен. Следовательно, правильным будет отрицательный ответ на этот вопрос. С другой стороны, привычное в семейной жизни меняется под воздействием перехода от одной стадии жизненного цикла семьи к другой, от одной возрастной категории — к более старшей. Многие исследования семейного стиля на разных фазах жизненного цикла показывают, что женщины больше находятся под влиянием этих переходов-перемен, чем мужчины, и поэтому больше изменяют свои привычки, больше перестраиваются, чем мужчины. Здесь опять широкое поле для интерпретации данных — что понимается под изменением привычного стиля (известно, что радикальное изменение — конверсия — чрезвычайно редкое явление, а небольшое изменение поведения может и не говорить ничего об изменении каких-либо ценностей, установок, мотивов). Все это требует тщательно продуманных методик исследования, точной фиксации зависимых и независимых перемен, поскольку без этого будут царствовать предрассудки о большей гибкости поведения жен и ригидности поведения мужей. Следует помнить, что проблема перестройки социокультурных норм мужского и женского поведения в семье, социальных ролей мужей и жен не относится к массе будничных действий (какую предпочесть зубную щетку и пасту, какие лучше кроссовки и т.п.), здесь свобода выбора индивидам внутрисемейной линии поведения заключена в рамки социокультурной нормы и связана с выбором манеры исполнения общезаданного императива, а не с выбором того, что именно следует делать.

19—Б. Ныне большинство супружеских пар вступает в сексуальные отношения до регистрации брака и потому это не дискриминирует большую или меньшую степень удовлетворенности браком. Удовлетворенность варьирует под воздействием иных причин на общем фоне сожителства до брака.

20—Б. Фиксация внимания на недостатках друг друга — верный путь к семейному аду, особенно когда отдельные ошибки обобщаются (когда вместо констатации факта "это неправда" говорят: "ты лжец (врунья)!"). Разумнее подчеркнуть достоинства друг друга и на базе одного хорошего поступка конструировать концепцию хорошего человека. >

21—А. Разводимость среди вступивших в брак "до" совершеннолетия в три раза выше, чем у тех, кто вступил в брак "после".

Особенно это заметно на браках, где беременность наступала до регистрации — в такого рода браках, по-видимому, недостаточно предпосылок семейного успеха, мало "расчета" и много "влюбленности". Более точный ответ может быть получен, если в специальных исследованиях выделить среди вступающих в сверхранный брак тех, кто имеет прочную материальную основу будущей семьи, высокий статус (или сходный) родительских семей молодоженов, кто имеет четкие профессиональные ориентации на будущее и т.д. Важно отделить от фактора "сверхранного брака" все остальные факторы, способствующие разводимое™. Высокая ценность семьи с детьми, семейного образа жизни среди подобных супругов может вести к меньшей разводимости по сравнению с другими браками.

22—Б. Любовь супружеская не есть нечто вечное и неизменяемое, напротив, спонтанный самотек семейной жизни ведет к распаду. Наличие любовных чувств образует запас доверия и восхищения, который иссякает с каждым действием, развенчивающим "имидж" супруга.

23—Б. Исследования не подтверждают такой связи — откровения, относящиеся к позитивной стороне взаимоотношений, могут коррелировать с удовлетворенностью браком, откровенность негативного свойства ведет к U-образной связи.

24—Б. В этом суждении много неверного, хотя бы потому, что "чувства" отделяются от "поведения" и точнее говорить о результатах поведения. В несчастливых семьях каждый ожидает, что другие будут подлаживаться под него (нее), "пусть он (она) станет относиться ко мне лучше, тогда и я тоже". В счастливых парах супруги открывают формулу подлинной любви — ставя другого на первое место, жертвуя чем-то в себе и делая что-то не для себя, а для партнера.

25—Б. Романтическая любовь — шаткое основание для семейного счастья, тем более на всю жизнь. Во многих человеческих культурах идеал романтической любви служит своего рода социокультурной "приманкой" к браку, средством сближения двух "незнакомцев", достижения взаимопонимания и эмпатии. Когда порог "чужести" преодолен и супруги становятся своими друг другу и вовлекаются в многостороннюю семейную жизнедеятельность, романтика пред-брачных отношений, выполнив свою функцию, должна уступить место "супружеской любви", где не отменяются напряжение чувств и страсть, но появляется реалистический взгляд на стабильность семьи, вера, спокойствие, долг, уважение, дружба. Обычно после первого года брака (после появления первенца) романтическая окраска ролей

мужа и жены (редуцируемая к ролям жениха и невесты) становится неадекватной тем аспектам ролевого взаимодействия супругов, которые превращают мужа-жену в отца-мать. Сложность самого этого внутрисемейного перехода, дополняемая неопределенностью ситуации в связи с противоречиями между традиционно-культурными ожиданиями супружеских ролей и современными требованиями к их пересмотру, объективно ведет к проблемному состоянию. В России примерно треть всех разводов приходится на первые четыре года, то есть на период адаптации к этой ролевой путанице. Пик разводи-мости в "короткостажных" браках относится к 3 годам стажа (где, видимо, сохраняются еще романтические представления и где столкновение с бытом ведет к неадекватным решениям в силу резкой амбивалентности, поляризации романтических страстей), поэтому угасание романтической аттракции растягивается на последующие 6 лет — известно, что только после 9 лет брака вероятность развода в семьях с детьми уменьшается на четверть в сравнении с вероятностью развода на первом году брака. Стереотип романтической любви негативен не только по своим послесвадебным последствиям, но и на стадии предбрака, когда думают, что любовь преодолевает любые расстояния. Однако исследования начала и конца XX в. показывают, что огромное большинство браков заключается между теми, кто проживал на расстоянии не более 5 миль друг от друга, то есть "стрелы Купидона" не залетают далее границ городского микрорайона, что лишний раз подтверждает не только географо-территориальную гомогамии (близость), но и социальную однородность браков. Но если бы действительно преобладали браки по любви, то гетерогамия супругов по образованию, профессии, доходу, социальному статусу и т.д. была бы в несколько раз выше, чем ныне.

26—Б и 3. В России сейчас чуть более 40 миллионов семей, из них по переписи населения 1989 г. семей с детьми до 18 лет — примерно 58,4% (около 24 млн). По числу детей семьи распределялись так: малодетные (один-два ребенка) — 90,2%, с тремя и более детьми — 9,8%. Все семьи находятся на разных этапах существования от заключения брака и до распада семьи. Только проведение выборочных общенациональных исследований позволяет дать представление о различиях типов и структур семей в ходе семейного цикла жизни, так как данные переписей и государственной статистики неполны и не охватывают всего разнообразия семей.

27—Г. Средний размер семьи уменьшается под воздействием сокращения детности, и если бы семья сегодня была сугубо нуклеарной, то с учетом неполноты семей эта величина была бы на 2%

меньше — разница косвенным образом указывает наличие родственников в семьях.

28—Г. К пятидесяти годам в России в начале 90-х гг. оставалось чуть более 3% никогда не состоявших в браке. Обычно думают, что эта цифра выше.

29—А. К возрасту 50 лет женщин, никогда не состоявших в браке, примерно 3,4%, а мужчин — 3,2%, разница не столь большая, как можно было бы думать. Это показывает, что брачный статус, как бы ни относились к браку и

семье люди, пока еще остается весомым в сравнении с холостячеством (хотя впервые вступающих в брак становится меньше).

30—Б. Современные семьи на 90% и выше являются малодетными, а среди них — более половины семей — однодетные. Уже эта статистика косвенно показывает, что при распространении однодетности пол ребенка безразличен. Социологические опросы подтверждают это — в двухдетных семьях второй ребенок обычно появляется, поскольку хотят "малыша" любого пола или противоположного по отношению к первенцу.

31—Б. В качестве приемных детей девочки предпочтительнее мальчиков, поскольку социокультурные стереотипы позволяют надеяться, что девочки лучше удовлетворяют различные потребности приемных родителей и к тому же не являются носителями семейной преемственности, патрилинеальности. Таким образом, установки на пол ребенка существенно различаются в случаях рождения своих детей и усыновления чужих.

32—Г. В России показатель числа рождений, приходящихся в среднем на женщину за всю жизнь (суммарный коэффициент рождаемости), достиг в 1993 г. уровня 1,39 ребенка при сохраняющейся массовой социальной норме двухдетности. Со второй половины 60-х гг. распространение потребности семьи всего в двух детях ознаменовало рубеж исторического отмирания норм многодетности как ведущих норм семейного образа жизни. Этому рубежа наша страна достигла за 60 лет, тогда как европейские страны постепенно шли к этому в течение 250-300 лет.

33—Б. В 1993 г. было 18,2% внебрачных рождений. Следует учесть, что какая-то часть внебрачных рождений происходит в "фактических браках", сожительств, юридически не оформляемых как брак. Эта тенденция в нашей стране, вероятно, будет все заметнее в будущем, если судить по ситуации в европейских странах. Возможно, рост внебрачных рождений окажется своеобразной формой перехода к сплошной однодетности как более "оправданной" форме со-

293

временного образа жизни. В лоне семьи это поведение при сохранении остаточных норм "семейно-детной" морали оценивается как девиантное, отклоняющееся. В случае же отсутствия юридического брака сама нелегитимность рождения, как исключение из правила, ведет к принятию допустимости именно единственного ребенка у пары сожителей.

34—Б. В 1993 г. было зарегистрировано примерно 3,2 млн аборт. При непопулярности добровольной стерилизации (единственной пока альтернативе аборту) и при неэффективности остальных средств контрацепции искусственный аборт остается основным методом реализации потребности семьи в одном-двух детях. Появилась группа семей, изначально ориентирующаяся на искусственный аборт в случае наступления зачатия, подобная линия поведения смогла сформироваться только при целенаправленной политике отказа от расширения ассортимента средств контрацепции и их совершенствования. В условиях действия социальных норм малодетности и отсутствия эффективной контрацепции семьи обрекаются на аборт. Сокращение их числа зависит поэтому от усиления потребности в детях и от распространения добровольной стерилизации.

35—В. Вазектомия как метод мужской стерилизации впервые осуществлена 300 лет назад и к 1925 г. становится рутинным методом. В настоящее время это самое эффективное средство, применение которого у нас, к сожалению, прежде запрещалось, а ныне тормозится социокультурными стереотипами мужественности, неинформированностью населения о его сути и последствиях, часто сводимых к пресловутой кастрации. Вазектомия производится за 15 мин и в 4 раза дешевле женской стерилизации.

36—Б. Первым в мире транссексуалом стал в 1952 г. Георг Йор-генсен, в настоящее время операции по перемене пола примерно на 90 % связаны с переменной мужского пола на женский.

37—А. Этот ответ многими может быть оценен как неверный, что связано с расширительной трактовкой самой семьи. Если под семьей понимать любые эмоциональные связи, тогда семьей можно называть все, что угодно, в том числе и гомогенные по полу сексуальные связи, которые в прошлом всегда осуждались, но не из-за "развратности", а как девиантные, принципиально не ведущие к деторождению. С другой стороны, смягчение этого табу в древности для мужчин, находящихся в гетеросексуальном браке, можно рассматривать как своего рода контрацепцию. Социокультурная легитимность гомосексуальных связей как альтернативных гетеросексуальным (и потенциально репродуктивным) никогда не существовала. Сегодня в

294

условиях развала социокультурных норм многодетности, отмены прежних табу и распространения "сексуальной революции" идет борьба за узаконение гомосексуализма и лесбиянства как самостоятельных, а не дополнительных к гетеросексуальности форм сексуальных связей. Причем стремление легализовать эти разновидности секса заставляет прибегать к семейной мимикрии, прятать девиантность гомосексуализма (точнее гомосексоголизма) за семейной терминологией и называть подобные связи "однополыми браками" или "однополыми семьями". Однако гомосексуальные пары сожителей так же, как и добровольно бездетные гетеросексуальные супруги, не могут быть семьями из-за своей репродуктивной несостоятельности. Отказ от уголовного преследования людей с девиантными сексуальными склонностями (девиантными из-за своей принципиальной бездетности) не означает отказа от социокультурного осуждения этих форм сексоголизма. Юридическая допустимость таких социальных меньшинств, каковыми являются гомосексуальные сожительства, связана с необходимостью решения жилищных, имущественных и т.п. вопросов, и не предполагает социокультурного оправдания подобной девиантности. До сих пор у нас в стране

и в странах Запада сохраняется негативное отношение к гомосексуальным связям, причем опросы в США обнаруживают, что женские пары осуждаются в 4-5 раз меньше, чем мужские.

38—В. Ответ основан на зарубежных данных, в России среди городских супругов до 35 лет, имеющих двоих детей, эта частота равна 2—3 раза в неделю.

39—Г. В 1993 г. средняя продолжительность предстоящей (при рождении) жизни мужчин составляла примерно 58,9 года, а женщин — 71,9 года. Столь большой разрыв связан с общим ростом смертности в нашей стране и со сверхсмертностью мужчин, а остальная часть — с социальными факторами. Среди последних большое значение имеет социокультурная роль матери, благотворно влияющая на сроки жизни женщин, поскольку мать, воспитывающая детей, как бы проживает одновременно несколько жизней, соизмеряя свои действия с интересами своих детей. Как ни парадоксально, но двойная загруженность женщин дома и вне семьи, в сфере наемного труда, не сокращает срок жизни, а увеличивает его из-за более сильной (в сравнении с мужчинами) идентификации Я с детьми и семейной жизнью.

40—В. В западных странах высокая продолжительность жизни отодвигает сроки выхода на пенсию, у нас же при сверхсмертности мужчин многие из них не доживают до пенсионного возраста. По

295

международным критериям, в России постарение началось с конца 60-х гг. и в 1993 г. доля населения старше 65 лет составляет 11,1%. Доля пенсионеров составляет 19,8%, а в тридцати регионах России эта доля превышает пятую часть населения, причем в селах северозападных и центральных областей — третью часть. Старение населения вызывается малодетностью семьи и в условиях продолжающегося сокращения рождаемости и детности семьи ведет к многообразным негативным последствиям уже сейчас, а не в отдаленном будущем.

41—А. Сексуальные отношения являются неотъемлемым атрибутом человеческого счастья, но как бы мы ни определяли суть сексуальной удовлетворенности, к ней несводима любовь вообще и супружеская в частности. Опросы показывают, что любовь предполагает взаимопонимание, сопереживание, самопожертвование и многое другое, что характеризует межличностное единение людей, тогда как секс, даже не редуцируемый к одной физиологии, гораздо "беднее" по своему содержанию, чем любовь.

42—А. Многое в человеческом поведении может выступать в качестве наркотика, и секс здесь не исключение. По данным социологических исследований, примерно 10-12% населения предаются "сексоголизму". Следует отличать этот тип поведения от сексуальной активности, превышающей среднестатистические показатели.

43—А. По мнению У.Мастерса и В.Джонсон, нет достоверных данных о взаимосвязи продолжительности жизни и сексуального поведения. В равной мере справедливо, что секс заставляет желать жить дольше и что желание долго жить включает в себя как составную часть потребность в сексе. С другой стороны, с возрастом сексуальная активность снижается (соответствующие данные можно найти в 8 главе учебника). К сказанному там можно добавить, что проведенный в 1982 г. Э.Брехером почтовый опрос 4000 американцев от 50 до 93 лет позволил получить информацию о сексуальной активности пожилых, которую не удалось собрать А.Кинзи. Выяснилось, что частота коитуса (раз в неделю), отмечаемая у 90% мужчин и 73% женщин 50-летнего возраста, снижается соответственно до 58 и 50% среди 70-летних и старше, причем высокую сексуальную удовлетворенность у самых старых отмечают 75% мужчин и 61% женщин.

44—Г. Сноха — это жена сына, тогда как деверь, шурин, золовка и свояченица — это братья и сестры каждого из супругов (деверь и золовка — брат и сестра мужа).

45—В. По самооценкам супругов в американских опросах для счастливой семьи важнее всего супружество, точнее, такое Качество

296

каждого из супругов, как способность быть "лучшим другом". Для религиозных людей верным будет ответ Б, а в детоцентристских семьях — А. В теориях семьи либерально-прогрессистского толка скорее всего истинным может считаться супружеское товарищество, в теориях кризиса семьи высокая ценность детей и нескольких детей в семье служит интегральным показателем семейной сплоченности. Таким образом, на этом примере еще раз можно видеть конвенциональность истин, зависимость интерпретаций от применяемых теорий и концепций.

46—Г. Распространение малодетности и в ее пределах однодетности доказывает исчезновение такой ориентации на пол ребенка, которая заставляла бы родителей преодолевать социокультурные нормы детности и идти на рождение ребенка сверх достигнутой нормы детности в надежде на появление отсутствующих в семье сына или дочери.

47—Б. Детоубийство является лишним в ряду терминов, связанных с разными аспектами запрета на половые связи.

48—Б. Данные социологических исследований опровергают стереотип развития личности у добровольно бездетных — родители с детьми демонстрируют в сравнении с ними более высокую социальную активность в сферах досуга и зрелищ, хотя и характеризуются в среднем меньшим душевым доходом.

49—Б. Выделение среди партнерских, любовных отношений тех, что ведут к обзаведению детьми, обусловлено наличием социального института семьи, поэтому брак, хотя и предшествует хронологически семье, но как социокультурный феномен обусловлен существованием семьи. Семья есть единство трех отношений — супружества, родительства и родства, поэтому брак лишь составная часть семьи, а не наоборот.

60. *Кириллова М.А.* О некоторых проблемах брака и семьи в современной амери-; канской социологии // Социальные исследования. Вып. 4. М., 1970. 1
61. *Ковалевский М.М.* Первобытное право. Вып. I. Род. Вып. II. Семья. М. 1886. | 62. *Ковалевский М.М.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1897.
63. *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909.
64. *Коллонтай А.М.* Работница-мать. СПб., 1914.
65. *Коллонтай А.М.* Семья и коммунистическое государство. Киев, 1919.
66. *Коллонтай А.М.* Общество и материнство. М., 1922.
67. *Коллонтай А.М.* Труд женщины в эволюции хозяйства // Лекции, прочитанные в Университете имени Я.М.Свердлова. М., 1923.
68. *Кон И.С.* Введение в сексологию. М., 1988.
69. *Кон И.С.* Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М., 1988.

299

70. Концепция государственной семейной политики Российской Федерации // О положении семей в Российской Федерации. М., 1994.
71. *Костомаров И.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992.
72. Критика современной буржуазной теоретической социологии (гл. 1-3). М., 1977.
73. *Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М.* Психология малой группы. М., 1991.
74. *Кроник А., Кронах Е.* В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я. М., 1989.
75. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.
76. *Кунов Г.* О происхождении брака и семьи. М., 1923.
77. *Курман М.В.* Динамика среднего числа детей в семье // Подрастающее поколение. М., 1981.
78. *Лангемейер И., Матейчик З.* Психическая депривация в детском возрасте. Прага, 1984.
79. *Ласлетт П.* Семья и домохозяйство: исторический подход // Брак, семья, рождаемость за три века. М., 1977.
80. *Лев-Старович З.* Секс в культурах мира. М., 1991.
81. *Лейтц Г.* Психодрама Я.Л.Морено. М., 1994.
82. *Липерт Ю.* История семьи. СПб.; 1897.
83. Литература о народонаселении: Библиографический указатель (1979 - первая половина 1983 г.) / Под ред. Д.И. Валентен и Э.Ю. Бурнашева. М., 1987.
84. *Мануйлова И.А.* Планирование семьи и здоровье женщины. М., 1988.
85. *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ (гл. 5). Л., 1976.
86. *Мацковский М.С.* Социология семьи: проблемы методологии и методики. М., 1989.
87. *Мид М.* Культура и мир детства. М., 1988.
88. Молодая семья / Руководитель авторского коллектива А.И. Антонов. М., 1977.
89. *Монсон П.* Современная западная социология. СПб., 1992.
90. *Муздыбаев К.* Психология ответственности. Л., 1983.
91. Население России. Ежегодный демографический доклад. М., 1993.
92. Население СССР. Статистический ежегодник. М., 1989.
93. Новые направления в социологической теории. М., 1978.
94. Общая сексопатология / Под ред. Г.С. Васильченко. М., 1977.
95. *Осипова Е.В.* Социология Эмиля Дюркгейма. М., 1977.
96. Основы социологии / Под ред. А.Г. Эфендиева. М., 1993.
97. *Петраков А.А.* Демографический мир семьи. Ижевск, 1988.
98. Планирование семьи и национальные традиции / Отв. ред. А.И. Антонов, Ш.Х. Кадыров, Г.Е. Цуладзе. М., 1988.
99. Планирование семьи и национальные традиции / Отв. ред. А.И. Антонов, Г.Е.Цуладзе. Тбилиси, 1988.
100. Подрастающее поколение / Руководитель авторского коллектива В.М. Мед-ков. М., 1981.
101. *Пригожин А.И.* Семья как организационный феномен // Динамика изменения положения женщины и семья. М., 1972.
102. Проблемы семьи и детства в современной России. Ч. I и II. М., 1992.
103. Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Отв. ред. Б.В. Шорохова, М.И. Бобнева. М., 1976.
104. Рабочая книга социолога. М., 1976.
105. *Рапопорт С.С.* О системе норм семейного поведения // Молодая семья. М., 1977.
106. Рождаемость: социологические и демографические аспекты / Отв. ред. В.А. Борисов. М., 1988.
107. *Ружже В.Л., Елисеева И.И., Кадибур Т.С.* Структура и функции семейных групп. М., 1983.
108. Сексология. Энциклопедический справочник по сексологии и смежным областям. Изд. 2-е. Минск, 1994.

300

109. *Семенов Ю.И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974.
110. Семья в Российской Федерации. Статистический сборник. М., 1994.
111. Семья и здоровье. Библиографический указатель отечественной и зарубежной литературы (1979-1985). М., 1985.
112. Семья. Книга для чтения в двух томах / Составители И.С.Андреева, А.В. Гудыга. М., 1990.
113. *Синельников А.Б.* Брачность и рождаемость в СССР. Н., 1989.
114. Словарь прикладной социологии. Минск, 1984.
115. *Смелзер Н.* Социология. М., 1994.
116. *Сорокин П.А.* К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 1.
117. *Сорокин П.А.* Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал для всех. 1916. № 2, 3.
118. *Сорокин П.А.* Современное состояние России. Прага, 1922.
119. *Сорокин П.А.* Человек, цивилизация, общество. М., 1988.
120. *Сорокин Л.А.* Письмо В.Н. Фигнер от 1.02.1920 г. // Социологос. Вып. 1. М., 1991.
121. *Сорокин П.А.* Речь на собрании в Петроградском университете 22 февраля 1922 г. // Дальняя дорога. М., 1992.
122. Состав семьи, доходы и жилищные условия семей рабочих, служащих и колхозников. Статистический справочник. М., 1990.
123. СССР: Демографический диагноз. М., 1990.
124. *Сусоколов А.А.* Межнациональные браки в СССР. М., 1987.
125. США глазами американских социологов. М., 1982.
126. *Сысенко В.А.* Супружеские конфликты. М., 1983.

127. *Сысенко В.А.* Молодежь вступает в брак. М., 1986.
128. *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М., 1989.
129. *Тернер Дж.* Структура социологической теории. М., 1985.
130. *Токарев С. А.* Исследования семьи в зарубежной социологической и этнографической литературе // Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов зарубежной Европы. М., 1987.
131. *Томилин С.А.* Демография и социальная гигиена. М., 1973.
132. *Томпсон П.* История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии. 1993. № 1-2.
133. Факторы и мотивы демографического поведения. Рига, 1984.
134. *Феоктистова Е.Н., Кузьмин В.А.* и др. Проблемы формирования механизма социальной защиты семьи в условиях адаптации к рынку // Проблемы семьи и семейной политики. Вып. 3. М., 1993.
135. *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности // Фрейд З. "Я" и "Оно". Труды разных лет. Тбилиси, 1991.
136. *Фридман Г.Л., Эдстрем К.Г.* Репродуктивное здоровье подростков. Женева, 1985.
137. *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. Изд. 2-е. М., 1979.
138. *Харчев А.Г., Мацковский М.С.* Современная семья и ее проблемы: Социально-демографическое исследование. М., 1977.
139. *Хилл Р.* Современные тенденции в теории семьи // Социальные исследования. Вып. 4. М., 1970.
140. *Хилл Р.* Семейные решения и социальная политика: социологический аспект // Изменение положения женщин и семья. М., 1977.
141. Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1989; Численность, состав и движение населения в Российской Федерации. М., 1992.
142. *Чуйко Л.В.* Браки и разводы. М., 1975.
143. *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969.
144. *Шнейдерман Н.А.* Откровенный разговор: Рождаемость и методы ее регулирования. М., 1991.
145. *Шпилевский С.М.* Политика народонаселения в царствование Екатерины II. Одесса, 1871.

301

146. *Шпилевский С.М.* Семейные власти у древних славян и германцев. Казань, 1869.
147. *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии (глава "Семья"). М., 1969.
148. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21.
149. Энциклопедический словарь "Народонаселение". М., 1994.
150. *Ядов В.А.* Социологическое исследование. М., 1972.
151. *Ядов В. А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
152. Adolescent Reproductive Behaviour. Evidence from Developed Countries. V. I. New York, 1988.
153. Bastardy and its Comparative History. Cambridge, 1980.
154. *Blanc A.K., Rutenberg N.* Coitus and Contraception: The Utility of Data on Sexual Intercourse for Family Planning Programs // Studies in Family Planning. 1991. V. 22, №3.
155. *Bogue D.* Principles of Demography. New York, 1969.
156. *Bongaarts J.* Do Reproductive Intentions Matter // International Family Planning Perspectives. 1992. V. 18. № 3.
157. *Boss P.Y.* Normative Family Stress: Family Boundary Changes Across the Life-Span // Family Relation. Oct. 1980. V. 29, № 4.
158. *Bossard J.H.S.* Residential Proximity as a Factor in Marriage Selection // American Journal of Sociology. 1932. V. 38.
159. *Card J.J.* Long-Term Consequences for Children of Teenage Parents // Demography. 1981. № 2.
160. *Carlson A.C.* Family Questions. Reflections on the American Social Crisis. Printing. New Brunswick & Oxford, 1990.
161. *Center R.* Sexual Attraction & Love: An Instrumental Theory. Springfield, 1975.
162. *Clayton R.R., Bokemeier J.L.* Premarital Sex in 70s // Journal of Marriage & the Family. 1980. V. 42.
163. *Davis K.* Human Society. 1949.
164. *Davis K., Blake J.* Social Structure and Fertility: an Analytic Framework // Economic Development and Cultural Change. 1956. V. 4.
165. *Eckland B.K.* Theories of Mate Selection // Social Biology. Spring-Summer 1982. P. 19.
166. *Farber B.* Family: Organization and Interaction. San Francisco, 1964. P. 109.
167. The Family. № 4. Strengthening the family: guidelines for design of relevant programmes. UN, New York, 1987.
168. *Freedman R.* The Sociology of Human Fertility // Current Sociology. 1961-62. V. 10-11.
169. *Freedman R.* Fertility Determinants // World Fertility Survey: An Assessment. New York, 1987.
170. *Glenn D., Barrett P.T.* Parental Characteristics and Partner Choice: Some Evidence for Oedipal Imprinting // Journal of Biosocial Sciences. 1987. V. 19.
171. *Click P.C.* The Family Cycle // American Sociological Review. 1947. V. 12.
172. *Goldman N., Westoff Ch.F., Hammerslough Ch.* Demography of the Marriage Market in the US // Population Index. 1984. V. 50. P. 5-25.
173. *Good W.* World Revolution and Family Patterns. 1963.
174. *Greenblat C.S.* The Salience of Sexuality in the Early Years of Marriage // Journal of Marriage and the Family. May 1983.
175. Handbook of Marriage and the Family / Ed. M. Sussman & S. Steinmetz. New York, 1987.
176. Handbook of Sexology. Amsterdam et al., 1978.
177. *Hill R.* A critique of contemporary marriage and family research // Social Forces. 1955. V. 33.
- 178- *Hill R., Kfltz A., Simpson R.* An Inventory of Research in Marriage and Family Behavior. // Marriage and Family Living, 1960. V. 22.

302

179. *Hill R., Stycos J.M., Back K.W.* The Family and Population Control. Chapel Hill, 1959.
180. *Jasso C.* Marital Coital Frequency and the Passage of Time // American Sociological Review. 1985. V. 50.
181. *Jedlicka D.* Indirect Parental Influence on Mate Choice: a Test of the Psychoanalytic Theory // Journal of Marriage and the Family, 1984. V. 46.
182. *Jedlicka D.* Indirect Parental Influence on Mate Choice: a Test of the Psychoanalytic Theory. // Journal of Marriage and the Family, 1984. V.46.
183. *Jessor L., Jessor R.* Problem Behavior and Psychosocial Development: a Longitudinal Study of Youth. New York, 1977.
184. *Kafin J.R., Anderson K.E.* Intergenerational Patterns of Teenage Fertility //

- Demography. 1992. № 1.
185. *Kephart W.M., Jedlicka D.* The Family, Society and Individual. New York, 1991.
186. *Kerkhoff A.C. & D. Keith.* Value Consensus & Need Complementarity in Mate Selection // America? Sociological Review. V. 27. June 1962.
187. *Kliser C.* The Indianapolis study of social and psychological factors affecting fertility // Research in family planning. Princeton, 1962.
188. *Knox D., Schacht C.* Choices in Relationships. An Introduction to Marriage and the Family. 3rd Edition. Saint Paul et al, 1991. P. 181.
189. *Livi-Bacci M., Ventisette M.* Pregnancy and Childbearing in Adolescence in Countries with Low Fertility. Washington, 1980.
190. *Locitzer K.* Are you out of sync with each other? // Psychology Today. Jul.-Aug. 1989.
191. *Messenger J.S.* Sex and Repression in an Irish Folk Community // Human Sexual Behavior. New York, 1971.
192. *Meyer J.P., Pepper S.* Need compatibility & marital adjustment in young married couples // Journal of Personal & Social Psychology. 1977. V. 35.
193. Multilingual Demographic Dictionary. Eng. Section. New York, 1975.
194. *Murphy M.Y.* The Family Life Cycle // Readings in Population Research Methodology. V. 4. Chicago, 1993.
195. *Murstein B.J.* Who Will Marry Whom? Theories & Research in Marital Choice. New York, 1976.
196. *Murstein B.J.* Mate Selection in 1970s // Journal of Marriage & the Family. 1980, V. 42.
197. *Osmond M. W.* Radical-Critical Theories // Handbook of Marriage and the Family / Ed. M. Sussman & S. Steinmetz. New York, 1987.
198. *Parsons T., Bales R.* Family, Socialization and Interaction Process. London., 1956.
199. *Presser H.B.* Social Factors Affecting the Timing of the First Child // The First Child and Family Formation. Carolina Population Center, [6.r.].
200. *Rapoport R.* Normal crises, family structure, and mental health // Family Process. 1963. № 2.
201. Setting Up Family Group Project. L., 1991.
202. *Shorter E.* Female Emancipation, Birth Control and Fertility in European History // Handbook of Sexology. Amsterdam et al., 1978.
203. *Simon W., Gagnon J.H.* Sexual Scene. New Brunswick, 1967.
204. *Smale Y., Tuson Y.* et al. Community Social Work: A Paradigme for Change. L., 1988.
205. *Strauss M.A.* Family Organization and Problem Solving Ability in Relation to Societal Modernization. 1970.
206. *Westoff Ch.F., Calot G., Foster A.D.* Teenage Fertility in Developed Nation: 1971-1980 // Family Planning Perspectives. 1983, V. 15, № 3.
207. *White M.K.* Dating, Mating and Marriage. New York, 1990.
208. *Winch R.F.* The Theory of Complementary Needs in Mate Selection // American «. Sociological Review. 1955, V. 20.
209. *Winch R.F.* Mate Selection: A Study of Complementary Needs. New York, 1958.
210. *Zelditch M.* Family, Marriage and Kinship // Handbook of Modern Sociology. Chicago, 1964, 1974 (2nd ed.).